ви(2Рос-Рус) В АЯ АЛЕКСАНДР АЯ ИГУМНОВ

KOFAA MBI-5BIJIM HA-BOMHE

COBPENERHAS COERNAS POST

АЛЕКСАНДР ИГУМНОВ КОГДА МЫ БЫЛИ НА ВОЙНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ
МОСКВА
2003

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека - 050539обязательный экз.

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека

SOHWY

Дизайн Виктора Крючкова

Игумнов А. П.

Когда мы были на войне: Повесть, рассказы. — М.: Андреевский флаг, 2003.—320 с. (серия «Современная военная проза»)

ISBN 5-9553-0030-9

И28 Александр Игумнов — один из талантливейших представителей нового поколения военных писателей, прошедших «горячие точки» конца XX века. «Игумнов, — отмечает критик Лев Анинский, — делает психологически почти невозможное: он пытается увидеть в смертельном враге — человека». В книгу вошли рассказы, опубликованные в еженедельнике «Литературная Россия», альманахе «Литрос», в сборнике «Горячие точки» и других центральных изданиях.

ББК 84(2Poc=Pyc) + 63.3(2)633

ISBN 5-9553-0030-9

© Игумнов А. П., 2003

окружная библиотек

© Издательство «Андреевский флаг», 2003

Дорогие читатели!

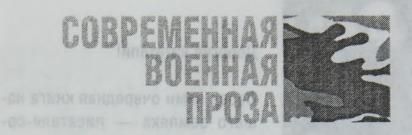
Перед вами очередная книга нашего земляка — писателя-советчанина Александра Игумнова, произведения которого знают не только у нас в районе, но и далеко за его пределами.

А. Игумнов — участник Афганской войны. Он остался в живых, пройдя через ее горнило,

потеряв многих своих боевых товарищей. Память и душевные раны вновь и вновь возвращают его к страшным событиям Афганистана. Пришел мир, но тема войны актуальна и сейчас. Она не обошла стороной и наш район. Более 400 ребят служили в «горячих точках». В афганской и чеченской войнах сложили головы тринадцать наших парней. Один из них — А. Бузин посмертно награжден Золотой Звездой Героя России. Ветераны локальных войн и сегодня в строю. Они активно занимаются воспитанием молодого поколения, учат детей и подростков любить и защитить Родину. И мы с гордостью говорим о том, что являемся лидерами в военно-патриотическом воспитании на территории округа.

Думаю, что эта книга А. Игумнова будет данью памяти погибшим, знаком уважения и примером для подражания будущим защитникам Земли Российской.

С уважением, Глава муниципального образования Советский район Ханты-Мансийского автономного округа РФ А. Н. Расковалов

Книга издана при финансовой поддержке администрации муниципального образования Советский район Ханты-Мансийского автономного округа Российской Федерации

ПЕРЕХВАТ Повесть

После долгой и морозной зимы я с женой и дочуркой наконец-то вырвался из ледяного плена Севера. «Дикарями» мы рванули на черноморское побережье Грузии. Мои галлюцинации начались на экскурсии. Автобус, натруженно урча, тяжело поднимался в горы. Проехали крутой, опасный поворот дороги над пропастью. Меня словно током стукнуло: где-то такое я уже видел. Потом был водопад «Девичьи слезы», слабая рябь водной поверхности Голубого озера и сверкающие в солнечных лучах волны озера Рица.

Вокруг восхищались красочным закатом солнца. Дочка, капризно поджав губки, настойчиво требовала прокатить на лодке, жена теребила за локоть, показывая какие-то безделушки, а меня не покидало чувство недовольства собой.

Яждал пробуждения, знал, что где-то рядом та изюминка, которая взворошит и растревожит мой быт и мою память. И совсем не удивился, когда, выходя из ресторана, случайно взглянув сверху вниз, замер от неожиданности. Мне не хватало только высоты над озером! Каких-то двух десятков метров. Это же Суруби! Чистейшая вода, окаймленная зеленью лесов и далеко уходящих горных троп. На противоположном берегу притулились несколько разрушенных зданий, так похожих на серые постройки брошенных дувалов.

Обратную дорогу я был под гипнозом нахлынувших воспоминаний, вернувших меня в полузабытый Афганистан. Я искренне сожалел, что мне уже никогда не придется пройти пешком нелегкой, многокилометровой дорогой, соединяющей Кабул и Джелалабад, прикоснуться к граниту поседевших от времени вершин

Гиндукуша, подышать тревожным воздухом ночных засад, побыть наедине со своей совестью под дулом вражеского автомата. Что бы ни говорили, но война с воздуха и на земле познается по-разному.

Я понимал, что невозможно охватить всего желаемого в этом мире. Что достаточно и того, что выпало увидеть и пережить. Но чувство сожаления о неизведанном хранится и по сей день.

Теперь я не напрягал свой мозг, менялся пейзаж, сменялись и воспоминания. Возвращаясь обратно и проезжая Голубое озеро, я вспомнил ныряющих в воду десантников, их веселое гоготание. С нами была Оля Данилова — медсестра и невеста лейтенанта Олега Кудрина.

Умытые и посвежевшие, мы сидели на деревянных мостках, бултыхая в воде ногами и разгоняя стайки серебристых рыб. Ольга расчесывала свои белокурые волосы и совсем по-матерински с грустинкой смотрела на нас.

 Ох, мужички, и помолодели вы, совсем мальчишки, — сказала она, влюбленно взглянув на Кудрина.

А через неделю Олега не стало, и мы даже не смогли проводить его в последний путь на Родину. Его гроб провожала Ольга... К нам она больше не вернулась...

Все последующие дни отдыха я ходил как не свой.

Узкие улочки Гантиади мне напоминали торговые улицы Джелалабада, по сторонам которых стояли маленькие магазины, где услужливые индусы гостеприимно раскладывали товары. Толкучка многолюдного базара, кучи арбузов и дынь, сваленных прямо на землю, воскрешали картину просыпающегося по утру Гардеза. Снующие в поисках пассажиров таксисты походили на веселых шоферов Кабула. А шумевший по ночам морской прибой и сильный предгрозовой ветер уносили меня в тревожную даль моей юности, покрытую многометровой пылью коварного «афганца».

Сам еще не зная для чего, я доставал блокнот и записывал все, что вспоминал. Мы вернулись обратно на Север, а блокнотик все заполнялся. Лица ребят, живых и погибших, стояли перед глазами, и всколыхнувшаяся память наводила на мысль написать о тех незабываемых днях. Или мы не вправе сказать правду об афганской войне? Или мы не прошли дорогою наших предков? Пусть иначе, но мы приняли бой, выдержали и вернулись живыми!

Я ставлю восклицательный знак. Озаряет, как вспышка молнии, мое сознание последняя фраза. Вот она — точка отсчета. Надо писать! Пусть мой голос в тысячу первый раз напомнит о войне и, может быть в последний.

Я закрываю исписанный до корочки блокнот, кладу ручку на стол и устало закрываю глаза.

Мысленно протягиваю правую руку и чувствую в ладони горячую ручку рычага. Ноги ложатся на педали, а левая рука сжимает рычаг шаг-газа. Кошу взгляд влево и вижу напряженное лицо капитана Садкова, нахмуренные глаза старшего лейтенанта Литвиненко. А прямо на взлетной полосе застыла шеренга ребят в зеленых пятнистых маскхалатах. Крайний — сержант Садыков, рядом — неунывающий грузин Самошвили, радист Ларин, Дектярев, рядовой Неделин... Спиной ко мне их командир — лейтенант Кудрин и рядом — Ольга Данилова...

Такими они были тогда перед вылетом, такими и сохранились в моей памяти — живыми и молодыми.

Глава 1

— Раз-два, раз-два, раз-два... Кру-гом! Самошвили, как ногу ставишь? Заводи, заводи! Кому говорят, оболтус...

Взвод десантников на плацу отрабатывал строевой шаг. Подтянутый молодой лейтенант, забыв о своем высоком звании, рысцой бегал вокруг строя, отчаянно крича:

— Кацо! Сколько раз повторять тебе? Под команду «раз» ставишь левую ногу на полную ступню, а правую

заносишь за левую под команду «два». Пятку правой ставишь на уровне носка левой. Прижимаешь руки... Вот так. Резко поворачиваешься на носке левой и на носке правой. И по команде «три» делаешь шаг левой ногой. Но прямо же, а не внутрь строя! Понял? Еще повторить?

- Понял, командир. Левая ступается, правая заносится, левая носок поворачивается, правая подворачивается. Потом — «три»! Шагай левая!
 - Правильно, Кацо. Давай повторим.

Лейтенант смахнул платком пот со лба, поправил широкополую панаму, мельком заметив обреченные, тоскующие глаза Самошвили.

- Взвод, становись! Кацо, не лови ворон, смотри орлом! Ровняйсь! Дектярев! Видеть грудь четвертого человека, а не десятого. Смирно! На месте шагом... Марш! Выше колени! Ларин, ты не на танцплощадке вальсируешь! Отмашка рук. Вот так, веселей. Прямо! Равнение! Равнение! Молодцы! Хорошо идете. Кругом... Марш! Раз-два-три! Стой!
- Самошвили, простонал он, елки-моталки, ты в гроб меня вгонишь, строевик несчастный... В наряд тебя куда-нибудь, что ли, пристроить, а?
- Хорошо бы, командир, на кухню. Люблю кастрюля чистить, оживленно подхватил просветлевший грузин.
- На кухню захотел? Обжора ты кутаисская! А туалет женский чистить не хочешь? Горе мое луковое! Пять минут перекур. Садыков, ко мне!

К лейтенанту подбежал худощавый татарин и хмыкнул, еле сдерживая смех. Лейтенант подозрительно посмотрел на своего первого помощника, хотел сорвать на нем злое настроение, но передумал. Не хватало еще с ним полаяться. Все же с обидой подумал: ишь, весело дьяволу. Будто этот смотр мне нужен одному».

— Чему радуешься, Рустам? Плакать надо, а не смеяться. Опозоримся с Кацо на всю бригаду. Всем хорош грузин, но строевик из него... Как из меня балерина...

Садыков хитровато посмотрел на командира и по-

думал: «Пусть поплачется немного. Совесть свою успокоит». Так было всегда перед смотром. Лейтенант выбивал душу из Самошвили, а Кацо испытывал лейтенантские нервы. И в конце концов, к обоюдному удовольствию, Кацо очутится на кухне, а лейтенант получит призовое место.

Садыков ковырнул носком сапога песок и, сделав серьезную мину, сказал, как отрезал:

— Прятать надо... Не впервой, командир.

Но, видно, не с той ноги встал сегодня лейтенант или что-то не поделил с невестой вчерашним вечером. Только вдруг не на шутку взъерепенился:

— Сколько можно прятать! Как смотр — все до ниточки выкладываются, а Кацо на кухне с ложкой надрывается! Нет, хватит! Распустил я вас! В этот раз он в первом ряду маршировать будет. А ты, сержант, на пару с дружком двое суток здесь топать будешь. Это я говорю тебе, лейтенант Кудрин.

Он зло затянулся и швырнул окурок на землю. Вдавил его каблуком и сердито добавил:

— «Прятать надо!» Я вам спрячу...

Садыков, переминаясь с ноги на ногу, согласно кивал, бросая огненные взгляды на примостившегося на снарядном ящике грузина, наученного прошлым опытом и спокойно ждавшего решения в свою пользу.

- Что мотаешь котелком? Строй взвод. Как говорится, труд облагораживает человека, поторопил Садыкова нахмурившийся лейтенант.
- Ну, Кацо! Погоди у меня, дружочек ты мой ненаглядный, бросил на ходу сержант оторопевшему грузину. Но буря не разразилась, гроза прошла стороной.
- Лейтенанта Кудрина срочно к комбату! Приказали явиться немедленно. Занятия отставить, всем отдыхать, — раздался голос посыльного.

Кудрин насмешливо посмотрел на него:

— Матвеев? Насчет вызова я понял. А насчет отдыха... Сам придумал или Садыков подсказал?

- Никомуя не подсказывал, возмутился сержант. Свет сошелся на Садыкове. Кацо плохо ходит я виноват, Ларин на занятиях заснул опять Садыков не усмотрел, Неделин письма матери редко пишет снова я не проконтролировал. Да я этого фельдшера с подъема не видел!
- Не ворчи, сержант. На то ты и младший командир, чтоб за все отвечать. С меня тоже есть кому спрашивать.
- Прав тот, у кого больше прав, командир. Я бы по другому сделал.
- Погоди, Садыков, потом доскажешь. Так что еще, Матвеев, подполковник сказал?
- Комбат так и сказал: лейтенанта ко мне, а взводу немедленно спать.
- Спать, да еще немедленно! Ладно, Матвеев, доберусь я до тебя. Тоже в санчасти окопался. Хороши, ничего не скажешь. Садыков! Веди людей на отдых, а там посмотрим...
- Раз-два-три, он четко повеырнулся кругом. На ковер шагом... Марш! Кацо! Что ковыряешь в зубах? Учись, пока я жив!
- Ну все, облегченно вздохнул Самошвили, заискивающе взглянув на сержанта. — Пошли, Рустам, отдыхать. Банка сгущенки ставлю благодарность. Сейчас съедим?
- Не подлизывайся со своей сгущенкой. Верно командир сказал «обжора ты кутаисская». Не меня, медицину благодари и своего грузинского бога за отсрочку. Вернется лейтенант задница слипнется от сгущенки. Заело его не на шутку. А уж если он сказал пиши пропало, слово сдержит, сами знаете.
- Ха-ха, будь спок, Рустамчик. Если срочно, да еще усатый вызвал... Смотра наша не будет. Это я тебе говорю, рядовой Самошвили!
- А ведь правда, ребята, что-то затевается. Утром комбат к летунам ездил и афганцев вызвали. Не придет-

ся нам сегодня поспать — чует мое сердце-вещун, — проронил, обращаясь ко всем, низкорослый Матвеев.

- Ну ладно. По мне лучше ночь не спать, чем строем шагать. Тебе, медицина, сердце насчет доппайка ничего не вещует?
 - Поживем увидим, может, и дадут.
- Сказал слепой, обращаясь к другу. Тоже мне, фельдшер, в верхах крутишься, а меньше Самошвили знаешь. Кацо, как насчет пайка?
- Будет, будет, Рустам. Верь моему слову. Пошли, сгущенка есть.
- Тут ты, Кацо, дока. Верные прогнозы выдаешь. Пошли, что ли, уничтожать твои запасы. Придет лейтенант, сам все объяснит. Стройся, ребята.

Лейтенант Кудрин неторопливо подошел к небольшому модулю, где находился штаб батальона. Взвинченное, возбужденное настроение исчезло, сменилось нетерпеливым ожиданием предстоящего дела. Еще утром он заметил суету штабных работников — проскочил «уазик» в сторону аэродрома, прибыл начальник разведки майор Быстров со своими подопечными Ахметом и Хасаном — работниками «хада». Солдатский телефон сработал безотказно: что-то затевается. И теперь он радовался, что не придется драть горло на плацу, выбивая дурь из Самошвили, не тянуться по стойке «смирно» перед кабульскими щеголями, одетыми с иголочки, что встряхнется от унылой караульной службы, приевшейся по самое горло.

В свои неполные двадцать три лейтенант Кудрин считался опытным командиром и ценился командованием. Полтора года службы здесь и успешное участие его взвода в десятке операций говорили сами за себя.

Кудрин украдкой взглянул на соседний модуль, надеясь краем глаза увидеть свою Олечку. Тут же пожалел, что не попадет на смотр, а значит, и позже получит заслуженный орден за прошлую операцию. А было бы неплохо заявиться к ней с медалью «За отвагу» и красной звездоч-

кой на груди. Знай, мол, наших. Вот бы удивилась канареечка. Стоп! Вчера вечером пропесочила за канареечку. И что ей не нравится эта птичка, ведь не вороной назвал же? Сегодня лебедушкой белокуренькой, пушистым одуванчиком назову, может быть, смилостивится, поцелует? Он потоптался на крылечке, еще раз бросил взгляд на открытые окна санчасти и заулыбался во весь рот. Она как будто ждала его и приветливо помахала рукой. Лейтенант весь расцвел, молодецки сдвинул панаму набекрень и шагнул в двери штаба батальона.

- Товарищ подполковник, лейтенант Кудрин по вашему приказанию прибыл,—доложил он моложавому усатому офицеру.
 - Все казакуешь, лейтенант?
 - Не понял вас?
- Говорю, в казаки-разбойники играешь. Чего напоказ чуб выставил?
 - Виноват, исправлюсь, не заметил.
- Ты не заметил, а вот начальник разведки еще через окно увидел. Как в штаб идти, обязательно на затылок панаму сдвигаешь. Травишь меня, что ли?
- У майора Быстрова должность такая все замечать, товарищ подполковник. А вас травить упаси Бог.
- Я так же думаю. Вероятно, лекарственный запах на тебя так влияет, лейтенант? Как магнитом тянет к санчасти. Уж не алкоголик ли ты?
 - Командир! Сказал, исправлюсь, и точка.
- Ну... Раз лейтенант Кудрин сказал, то поверим. Как, товарищи? Поверим?
- Влюбленного, как и горбатого, только могила исправит, подлил масла в огонь начштаба.

Но, видимо, командир исчерпал свой запас острословия и решил перейти к делу.

— Борис Сергеич, повесьте карту на стену, — обратился он к начальнику разведки и, подождав, пока все успокоились, подошел к карте. — Итак, лейтенант, ставлю вам боевую задачу... По данным нашей разведки, в

ближайшие две ночи на Панджшер через Суруби должен прорываться крупный караван с оружием. Его конечная цель — ставка Надир-хана. Знаком с ним?

- Личного знакомства не заводил, а заочно кто его не знает. Гад, одним словом.
- Так вот, эту ядовитую змею, чтобы сильней кусала, снова подкармливают. После окончания срока перемирия его банды активизировались, а сам Надир-хан отказался заключить дальнейший мир и перерезал автомобильную дорогу северо-восточнее Чарикара. Правительственные войска загнали душманов в горы, и где-то в этом районе его ставка. Жарко сейчас там. Афганцы обратились за помощью к нам. Мы произвели несколько вертолетных десантов и блокировали их здесь, — он указал на красную зигзагообразную линию, охватившую горные склоны южнее и восточнее кишлаков. — Если мы сумеем перехватить караван с оружием, то «духам» крышка. Я вам подробно объясняю ход операции для того, чтобы вы прониклись ответственностью за порученное задание... Капитан Малышев, ваш командир роты, остановил свой выбор на тебе и твоем взводе. Командование бригады не возражает, думаю, и вы не будете против... Не так ли, лейтенант?
- Так точно. Поставленную задачу выполним! Мои ребята не подведут.
- Хорошо. Майор Быстров, подойдите к карте. Вам слово.

Седеющий майор соединил прямой линией две точки, обозначив их синим фломастером, а посередине поставил жирный красный крест.

— Квадрат сорок три. Приблизительное место прорыва — вот это ущелье. Крестиком я обозначил возможный перевалочный пункт. Мы захватили одного из адъютантов Надир-хана и с ним секретную депешу. Он молит о помощи. Вот эта линия — самый близкий путь от границы. Зная, что основные части Кабула и Джелалабада участвуют в операции, караван пойдет именно

здесь. Уверен в этом. Но всякое может случиться, поэтому перехватить и уничтожить караван необходимо в начале следования, иначе «духи» затеряются в «зеленке». Вам, лейтенант, предстоит с помощью летчиков произвести скрытную высадку именно в этом ущелье. Притаиться, закопаться в землю, превратиться в камни, но выждать! Не рассекретить себя. Дождаться каравана, разгромить его. Дело чрезвычайно важное, лейтенант, и, сами понимаете, опасное.

Кудрин взволнованно привстал со стула. Гордостью переполнилось сердце.

— Так вот, лейтенант, — после минутного молчания как-то буднично проговорил майор, — большую группу мы послать не можем — сразу засекут. Пройдут в другом месте и разобьются на мелкие группы. Охрана каравана такого масштаба состоит из 100—150 человек, что в несколько раз превышает количество ваших людей. Ввяжитесь в затяжной перестрелочный бой и главное — отсеките их от границы. Через час-полтора мы десантируем весь батальон и захлопнем ловушку. У меня все. — Майор свернул карту и протянул ее Кудрину. — Возьми, она полностью подготовлена.

Командир батальона отмерял шагами длину комнаты, поскрипывая новыми хромовыми сапогами. По привычке разгладил свои пышные усы тонкими, красивыми пальцами и, обращаясь только к Кудрину, произнес:

- Олег, если придется туго... Ты только не обижайся, все может быть... Объясни своим ребятам, что в когти к ним лучше не попадаться. На днях двоих наших в плен захватили. Ты знаешь, что они сделали? Нет, не убили. Пальцем не тронули. Перевязали и подлечили. И чисто хирургически ампутировали кисти рук, обработали культи, аккуратненько забинтовали и сказали: «Иди к своей маме, пусть она знает, что ждет ее второго сына. Только мы ему не руки, а ноги отрежем. Всем русским скажи. Со всеми так будет».
- Хорошо, командир. Я расскажу ребятам. Они правильно вас поймут.

- Вопросы, лейтенант, или просьбы какие есть?
- Время вылета и просьба одна.
- Вылет в двадцать ноль-ноль, с летчиками согласовано. Какая просьба?
- Мы хорошо сработались с парой капитана Садкова. Если она свободна, прошу выделить именно ее.

Подполковник долгим, внимательным взглядом посмотрел на Кудрина. Вспомнил себя таким же, на первый взгляд, сорвиголовой, который тем не менее успешно справился с операцией по захвату замка Амина. Захотелось обнять этого смуглолицего, симпатичного парня, которого уже захватила и закрутила военная машина, загребая в свои жернова его судьбу и саму жизнь. Но он не был сентиментален. Он только протянул руку Кудрину и, встряхнув ее крепким рукопожатием, ответил:

— Хорошо. Я созвонюсь с подполковником Мордуховичем. Думаю, он не откажет. Вы свободны, лейтенант. Успеха вам! Начальник штаба, готовьте письменный приказ!

Девятнадцать тридцать. Термометр показывал 40°С в тени, а на припеке зашкаливал за отметку 70°С. Прикосновение к обшивке вертолета обжигало руки. В кабине духота, как в сухой парилке. Но приказ командира — в двадцать ноль-ноль поднять колеса в воздух — отбрасывал на задний план бытовые неприятности.

Капитан Садков осмотрел вертолет. Бортовой техник — старший лейтенант Литвиненко, поставив стремянку на боковой блистер, протер влажной тряпкой переднее стекло, заляпанное кровяными пятнами от мух и комаров.

— Чистые, командир! Как девичьи слезы, — весело крикнул он, еле умещаясь на прогибающейся под его весом лестнице.

Увидев командира, штурман Александр Ивлев кратко доложил:

Блоки заряжены полностью, заправка — полто-

ры тонны, пулеметы в порядке, и, еле сдерживая душивший его смех, добавил, — Юра только немного поджарился. Жир с него так и капает, хоть сковородку подставляй.

Добродушный Литвиненко лениво ответил:

- Шурик! Опять костями звенишь?
- Мишка косолапый, шлепнул шлемофоном его по спине Ивлев.

Литвиненко прищурился и, почесывая бок, спустился на землю.

 Ну я тебе покажу, как старших обижать, — прорычал он и бросился за удирающим Ивлевым.

Группа десантников расположилась в тени ветвистых зеленых эвкалиптов, посаженных на краю аэродрома. Здесь проходила линия охраны и обороны, были оборудованы огневые точки с постоянно дежурившими нарядами. Малейший подозрительный шорох взрывал ночную тишину огненной очередью, в которую вливался запоздалый гром всей линии обороны.

В зеленых пятнистых маскхалатах, из кармашков которых торчали рожки запасных магазинов, а на поясных ремнях висели серые гранаты, десантники выглядели более суровыми и жесткими, чем обычно. Грузин Самошвили, коверкая русский язык, травил анекдоты, лихорадочно дрыгал ногами, хватаясь за живот. Два афганца с интересом наблюдали за ним, и один другому со смехом переводил. Никто не перебивал грузина. Лежали на примятой траве, потягивая дешевые сигареты, перекидываясь короткими фразами.

- Эх, рвануть бы сейчас на «Метеоре» по Волгематушке, до самого Каспия!
- А я бы мороженого поел. Я на спор в «Пингвине» по кило за один присест отоваривал...
 - Ну и как? Горло не болело?
- Нет. Чихота нападала да нос закладывало.
 - Сегодня суббота по календарю?
- А нам-то какая разница?

- Дома я бы на дискотеку пошел. Диск-жокеем хотел заделаться, да в армию призвали...
 - И правильно сделали... Человеком станешь.
 - А там я бы кем был?
 - Козлом прыгающим.
- Скажешь ты, козлом прыгающим. Планы у меня были стоящие.
- А у нас всегда планы хоть куда, а на деле одна ерунда.
- Hy! Стихами заговорил. Сбренчи, Рустам, на дорожку что-нибудь стоящее.
 - Это можно. Подпевай только.

Садыков вынул из чехла семиструнку, подкрутил колки и, всей пятерней ударив по струнам, хрипловатым голосом под Высоцкого запел:

На братских могилах не ставят крестов, И вдовы на них не рыдают, К ним кто-то приносит букеты цветов, И Вечный огонь зажигает...

 Здесь раньше вставала земля на дыбы, — подхватили Дектярев и Мишка Ларин.

Садков замер. Столь ясно прорезались в сознании шумные московские улицы восьмидесятого года. Он случайно был в отпуске, случайно угодил на московскую Олимпиаду и совершенно случайно проходил 25 июля по Таганке...

Кто-то снимал чьи-то похороны. Потом он узнал — датчане. Из дома вынесли гроб, и Владимир услышал чей-то шепот: «Всех кинооператоров послали на Олимпиаду, а Высоцкого заграница снимает. Наши потом золотом заплатят за эти кадры. Ох уж эта простота — Россия!»

Он протиснулся через толпу, увидел знакомые из кинореклам сумрачным пица знаконных артистов, слезы на глазах Михаила Ножкита впости пробулежал действительно вледимир высоцкий...

- 080539-

Ребята допели песню. Садыков последний раз провел ладонью по струнам, прозвучал последний аккорд...

Владимир встряхнулся и подошел к группе десантников, окруживших Самошвили. Прислушался к разговору, посмеиваясь, спросил:

- Кацо! Рассказываешь, как в прошлый раз немытым виноградом объелся? Надеюсь, сегодня не перебрал? Смотри, в воздухе нужничка не найдется. И стульчик не поможет.
 - А ведерко? Ведерко-то все равно есть!
- Даст тебе Литвиненко ведерко! Вылетишь в космос вместе со стульчиком!

Грохнул взрыв смеха знавших историю о стульчике десантников. Афганец оживленно переводил последнюю фразу ухмыляющемуся товарищу. Больше всех смеялся Самошвили. История со стульчиком была такова. Любивший поесть Кацо частенько страдал животом. Приходилось бедняге высиживать по два часа кряду в учреждении, именуемом на букву «М». Сообразительный грузин смастерил удобный стульчик, на котором часами высиживал в туалете. В первую свою операцию он прихватил и стульчик, верно рассчитав, что ему он непременно пригодится. Разгневанный Литвиненко чуть было не выкинул в открытую дверь самого Самошвили вместе со стульчиком — так был возмущен независимой позой сидящего на своем стульчике грузина на его, Литвиненко, ведре! Теперь Кацо заранее высиживал положенное время в туалете, готовясь к предстоящим вылетам. Новый стульчик оставлял на базе, конфликтовать с Юрием он не хотел. Садков поздоровался с одним из афганцев.

- Опять вместе, Ахмет? А это новенький?
- Хасан... Работает со мной. Стоящий парень. Да ты же его знаешь! Помнишь операцию на Айлихеле? Он тогда пулемет подорвал.
- Да... Такое не забывается... Владимир протянул руку и второму, признав парня по зарубцованным меткам на лице, повернулся к Ахмету:
 - Как дела, как жизнь, что новенького?

- Как ты, Володя, говоришь? А? Как в Польше, тот и пан!
- Нахватался ты, Ахмет, поговорок... Серединуто пропустил! Надо говорить: «у кого больше, тот и пан». Подскажи, где лейтенант Кудрин обретается?
 - На соседнем вертолете со своей ханум прощается.

На подкосе вертолета, подальше от людских глаз, сидела Оля Данилова, а на заднем колесе примостился лейтенант Кудрин. Девушка исподлобья взглянула на него, попыталась улыбнуться, задобрить его. Но Кудрин отвел глаза в сторону, отрицательно мотнул головой.

- Олежка! Что тебе стоит взять меня с собой? с мольбой заговорила она. Я ведь не какая-нибудь мамина дочка... И стрелять меня Садыков научил...
- Нет, Оленька, нельзя... В сотый раз тебе говорю... Не женское дело по горам лазить.
- Тоже мне, знаток! Да вы без нас и войну бы не выиграли. Задаешься ты, милый. Не возьмешь пожалеешь!
- Тогда другое время было и война другая отечественная.
- А здесь интернациональная, протянула жалобно она.
 - Вот я и говорю. Сиди в санчасти и не рыпайся.
 - Грубиянты, Олежка. Не буду с тобой разговаривать.
- Будешь... Не каждый день на операцию провожаешь.
- Кудрявенький ты мой, возьми меня с собой и там, в горах далеких, назовешь меня женой. Олежка, возьми! На руках буду носить!
 - Что, и в ЗАГС понесешь?
 - Понесу... Возьми...
 - И на шею себе посадишь?
 - Посажу...
 - Не возьму!
 - Ну почему?
 - Нет возврата к матриархату, Оленька! Ты меня и

в ЗАГС понесешь, и на шею посадишь, домохозяйкой сделаешь, а потом... рожать заставишь!

- Фу, лейтенант Кудрин! Я тебе припомню твое зубоскальство! Не возьмешь замуж не пойду... За Кацо выйду... Он давно ко мне присматривается.
- В тебя все мои ребята чуточку влюблены, я не ревнивый... А за меня пойдешь! Еще как пойдешь, ласточка ты моя!
 - Не подлизывайся, Олежка... Ну что тебе стоит?
- Нельзя, Ольга. Матвеев полетит. Мы быстро вернемся... Послушай лучше, как ребята поют! Самошвили, Садыков! Спойте что-нибудь веселое на прощание.

Лукаво взглянув на влюбленную парочку, сержант ударил по струнам, а Кацо, откинув автомат и скинув с головы панаму, закрутился в лихом горском танце:

Если б я был султан, я б имел трех жен! И тройной красотой был бы окружен! Но с другой стороны при таких делах... Нужно мне их кормить... Ах спаси, Аллах! Не очень плохо иметь три жены...

— Но очень плохо с другой стороны, — рявкнули в десяток глоток десантники, окружившие исполнителей.

Ольга рассмеялась, ласково взглянула на Кудрина, но вспомнила о своем споре, тут же надула губки и обратилась за помощью к подошедшему Садкову:

- Товарищ капитан! Прикажите ему, чтобы он меня взял! Не понявший сути разговора, Владимир неопределенно махнул головой и хмыкнул:
 - Не имею такого права, Оля... Это дело добровольное.
- Я ему и говорю, что сама хочу. А он мне: не возьму да не возьму... Прикажите вы ему, товарищ капитан... Я же добровольно...
- Да куда взять-то приказать? Замуж, что ли? Странно, что он от такой девушки отказывается. Сейчас, Оля, я ему мозги пропесочу, поняв, о чем речь, сквозь смех произнес Садков.

- Ну вас, мужиков! Вечно с этими... шуточками. Товарищ капитан! Прикажите взять на операцию. Что вам стоит?
- Здесь, Оленька, я пас. Вот если бы замуж... Серьезно, говоришь? А если серьезно, Ольга, мужское дело воевать! Не спорь. Попрощайтесь по-доброму и благослови нас на удачу. Олег, нам пора.

Кудрин кивнул и демонстративно протянул ей руку. Она нехотя выдернула свою маленькую ладонь из его руки и прошептала:

Я буду ждать...

Владимир резко повернулся к построившимся в две шеренги десантникам и буднично проговорил:

— Грузимся, ребята! Пятнадцать человек во главе с Садыковым на ведомый — вертолет к Ваканову. Радист и фельдшер — на ведущий. Ахмет, ты летишь со мной...

Усман Алиханов расчесал седую белую бороду, выдернул пару серебристых волосков и, дунув на них, долго следил слезящимися глазами, как они падали. Волоски затерялись в ворсе персидского ковра. Он нагнулся, пытаясь их найти, и чуть не упал от прилива крови, ударившей в голову.

«Постарел, Усман, постарел. Как эти волоски, затерялись мои годы в вихре бесплодной борьбы, — посмотрел в осколок зеркала и недовольно поморщился. — Да, годы ушли, остался совсем один на белом свете. Был Усман-хан, теперь просто гражданин Алиханов, восьмидесятилетний старик. Без дома, родных и близких... На склоне-то лет! О, Аллах, верни мне младшего брата, убийцу и изверга рода человеческого. Я бы сам его покарал, жаль, не успел — переселился хитрец раньше времени в мир иной. Верни мне среднего брата Талгата, которого враги приказали предать жуткой смерти. Верни мне единственного сына Ахмета, который предал дело отца, переметнулся к горлопанам Бабрака Кармаля. Верни мне из всех моих

жен одну только Лизу, ту веселую Амазонку, которая повстречалась мне в пору моей молодости. Прости меня, Всемогущий, если скажу правду, что любил ее больше тебя. Верни мне ее, и я буду счастлив!»

Он опустил вскинутые руки, хорошо понимая, что чуда не случится. «Скоро и меня призовет Магомет, может, и встречусь на небесах с зарезанной Ибрагимбеком Лизой», — горько подумал он, тоскливо окидывая взглядом свое жилище. Вытащил баночку с жиром и смазал плешивую голову. Аккуратно обмотал ее белоснежной чалмой, надел дорогой, блестящий золотыми стежками халат. Опоясал себя старомодным русским кушаком и, вытащив из обыкновенного рюкзака хромовые сапоги индивидуального пошива, бережно натянул их на ноги. «Вот и собрался я в дорогу, — устало усмехнулся он. — В последнюю...»

Три раза звонко хлопнул в ладоши. На пороге показался его бессменный адъютант, такой же старый и седой, Абдулла Кадар. С достоинством поклонился и застыл в ожидании.

- Абдулла, караван готов?
- Так точно, курбаши. Прикажете выступать?
- Подожди... Еще не стемнело. А впрочем... прикажи Тур Мухамеду двигаться строго по маршруту, указанному мною, вперед выслать разведку. Я их догоню... Ты, Абдулла, останься здесь.
 - Но, мой господин!
- Мое слово закон, Абдулла. Сотворим вечерний намаз и расстанемся. Чувствую, это будет последняя моя дорога.
- Не говорите так, господин. Не накликайте гнев Аллаха!
- Поэтому и останешься здесь, Абдулла. Если я умру, найдешь мой труп. Не перебивай! Найдешь мой труп, перевезешь останки и похоронишь на родной земле. Помнишь скалу, с которой мы мальчишками прыгали в пропасть? Там небольшое плато и два крю-

ка, за которые мы привязывались. Взорвешь динамитом и положишь меня там. Я так хочу, Абдулла. Такова моя последняя воля... Держи все, что у меня есть, — он протянул слуге туго набитый старинной работы кошель.— Здесь золото, Абдулла. После моей смерти раздашь бедным и сиротам. Это все, что удалось мне скопить. А сейчас оставь меня, я хочу побыть один.

Абдулла дрожащими руками взял кошель, сунул за пазуху и, поклонившись, вышел из шатра.

«Ты всю жизнь был рядом со мной, Абдулла, — подумал старик, ложась на пуховые подушки и закрывая глаза. — Теперь мы впервые расстаемся и, быть может, навсегда. Но так надо. Ты переживешь меня и похоронишь как следует. Больше некому. Теперь можно смело сказать самому себе — жизнь прошла, Усман, и ты остался совсем, совсем один». Он перевернулся на другой бок и снова ушел в воспоминания: «Умен был Амманулла-хан. Вот единственный из правителей, который заслуживает уважения. Не мой ли отец поддержал Аммануллу-хана в далеком девятнадцатом году? Сарбары Аммануллы разгромили летучие отряды англичан, Афганистан стал свободным. Отец упустил тогда прекрасный момент, единственный, подаренный Магометом — не поднял руки на Аммануллу, не убил его. Не принял хан учения Кропоткина, стал создавать государство. Отец увел своих джигитов и через Ферганскую долину решил пробиться на Украину. На пути встали красные аскеры и загнали нас в горы Туркестана. Там и встретил я Лизу, бывшую княгиню, вдову убитого белого генерала. Спас ее от головорезов Ибрагим-бека и женился на ней. Это была единственная любимая моя жена. Были и потом жены, и даже родился сын, но такой, как Лиза, больше я не встретил.

Злой дух преследовал нас, Ибрагим-бек напал ночью, и все наши джигиты полегли под саблями его всадников. Отец тоже погиб, а я, весь израненный, спасся

вдвоем с Абдуллой. Потом я узнал, что Лиза не покорилась Ибрагим-беку, и этот мясник зарезал ее, как барана.

В двадцать девятом либерал и размазня Амманулла был свергнут Надир-ханом. Я поспешил на родину, где меня знали и уважали. Собрал отряд и предложил Надир-хану установить анархию на всей афганской земле. В ответ он ехидно предложил мне должность евнуха в своем гареме. Я схватился за кинжал, но, как собака, пинком был выброшен из дворца. Этот сын шакала прижал мою сотню к границе русских и в долине реки Амударья разбил меня. Опять меня спас Абдулла, и целых тридцать лет мы скитались по свету.

Мой час пробил, и я благодарил Аллаха, что он продлил мою жизнь. Я поддержал родственника Надиршаха — принца Давуда, и в семьдесят третьем мы свергли короля, вынудили его отречься от престола и сослали в эмиграцию. Давуд жестоко обманул меня. Он сохранил старую феодальную систему с привилегиями для аристократов, хотя и провозгласил республику, став ее президентом.

Все так запуталось в грешном мире, я был в отчаянии. Один, без верных моих джигитов, я ворвался во дворец и потребовал объяснений. Давуд рассмеялся в ответ, сказав, что принимал наш договор за шутку, и предложил мне, как и Надир-хан, должность главного евнуха в своем гареме. Я, как тридцать лет назад, схватился за кинжал. Но спрятанные за занавеской телохранители схватили меня и обезоружили, посадили на цепь в темницу королевской тюрьмы.

Я готов был перегрызть тяжелую цепь и три дня выл от бессилия и отчаяния. Аллах смилостивился, — я не наложил на себя руки и мне вернули моего Абдуллу. Он сам пришел и сдался на милость Давуда. Абдулле разрешили свободно передвигаться на территории тюрьмы, есть и спать сколько влезет, дали мягкую постель и перевели в мою камеру. День и ночь следили за ним и били

палками, если он пытался мне помочь чем-либо. Давуд так и не понал, что спас меня от ужаса одиночества и голодной смерти. Абдулла часто ел и часть еды оставлял во рту и приносил мне. Так он спас меня третий раз.

Пятьлет кормили меня помоями, пинали как последнего смерда, и ждали, пока я издохну. Но я выжил! Аллах
и в этот раз не обошел меня милостью. Я приветствовал начало апрельской революции. Думал, исполнится моя мечта, и народ обретет свободу. Давуд был
свергнут. Руководство страной взял на себя Тараки,
который назвал мои идеи бреднями выжившего из ума
старика. Как он оскорбил меня!

Неожиданно меня пригласил Амин. Лживая лисица, он посочувствовал мне, ругая мою судьбу, и предложил заключить союз для борьбы с Тараки. Я мудро рассудил, что если грызутся собаки одной стаи, они непременно сообща загрызут чужака, а уж потом уничтожат друг друга. Я пообещал помощь, а сам скрылся из столицы к себе на родину.

В сентябре семьдесят девятого Амин убил Тараки и захватил власть. Он заявил, что народ сам выберет свой путь развития. Я несказанно обрадовался, думал, что Амин пришел к моему решению. Еще немного, думал я, и он примет великое учение Кропоткина.

Я загнал двух лошадей и... О, Аллах! Прибыл в приготовленную западню. Амин, будь он проклят, похлопал меня по плечу и, вызвав охрану, отправил меня в ту же камеру, где я сидел при Давуде!»

Старик застонал, как от зубной боли, встал с подушек, обхватил голову своими высохшими, с выступившими венами руками: «Кто бы знал, сколько слез негодования и ненависти я пролил в той тюрьме. Даже Абдуллы не было рядом. Я устал жить, я ждал смерти как избавления. Но Всевышний и на этот раз смилостивился надо мной! В борьбе за власть этот выродок пал, был схвачен, приговорен к смерти и казнен во славу Аллаха! Теперь я уже не верил никому. К руководству страной пришел Бабрак Кармаль. Боясь не удержаться у власти, он обратился за помощью к русским. Против русских я ничего не имел. Но их вмешательство в наши дела принял как сигнал к действию. Ждать следующего крупного переворота мне не позволяет возраст.

Мне нужен преемник моего дела, и я нашел его в лице Ахмат-хана. Может быть, он сможет закончить дело моей жизни, растоптанное моим неблагодарным сыном».

Вспомнив о сыне, старик заскрежетал зубами, рывком расстегнул ворот рубахи: «Его тоже зовут Ахметом, может быть, поэтому я и поверил хану. Нет, жить без веры нельзя. Это мой последний шанс. Необходимо выручить хана. Я сам поведу этот караван и, если мне удастся добраться до Ахмат-хана, останусь у него. Найду своего сына, посмотрю ему в глаза и убью своей рукой. Пусть не дрогнет моя рука и покарает клятвоотступника и предателя.

О Аллах! Благослови меня на последний в моей жизни путь!»

Глава 2

Вертолеты с десантниками вырулили на взлетнопосадочную полосу. Звено прикрытия капитана Голикова рассредоточилось клином метрах в двухстах, на траверсе командного пункта.

- Три тройки! Карту выполнил. Взлет парой, нарушил эфир голос Садкова.
 - Взлет разрешаю. Счастливого пути!
 - Понял. Взлетаем.

Вертолеты оторвались от бетонки, зависли и стали набирать скорость. Под колесами замелькали проволочные ограждения, склады, фигурки людей. Невдалеке от военного городка пролегла оросительная система, вблизи которой раскинулись мандариновые и апель-

синовые рощи. Справа виднелся город — зеленая жемчужина Афганистана. Город прорезала автомобильная дорога, соединяющая юго-восток со столицей страны. Она делала крюк возле водохранилища в районе Черной горы. По ночам на Черной горе зажигались костры, хорошо видимые на десятки километров. Это обогревались враги, с тоской смотревшие на город, залитый светом электричества. Душманов неоднократно выбивали оттуда, но они упорно возвращались обратно, создавали новые базы, укрепляли горные вершины и надеялись, что этот город падет к их ногам.

Пара Садкова на предельно малой высоте и максимальной скорости неслась над зеленой полоской долины. Вверху и сзади примостились похожие на щук, остроносые «двадцатьчетверки». Владимир поменял курс и неожиданно услышал в наушниках веселый голос капитана Голикова:

Три тройки! Смотри прямо.

Вертолет Садкова был в развороте, и правая полусфера кабины закрывала обзор. Он вопросительно взглянул на Ивлева. Правачок незамедлительно ответил:

- Дим Димыч тренируется. По Черной горе стукнул.
- Ну, как мы их? Должно быть, прищучили с десяток? вновь нарушил эфир Голиков.

Владимир не удержался и коротко заметил:

- Иди проверь...
- Я Омар! Что у вас там за пальба? Кто и куда?
- 261-й доложит, ехидно заметил Садков. После длительного замешательства раздался недовольный доклад Голикова:
- Обстрелял противника... На Черной горе, на всякий случай.
- 261-й, с вами все ясно. По прибытии доложите подробно.
- Будет Дим Димычу банька. Комполка ему «харакири» сделает, — оживленно заявил Ивлев.

- И поделом. Нечего в белый свет палить, отозвался Литвиненко. — Снаряды тоже денег народных стоят.
- Интересно, попал он или нет? Взрывы видел, людей — нет.
- Навряд ли. А ему попадет. Это точно, откликнулся Садков. Прекратите болтать. Смотреть в оба.

Лейтенант Кудрин, прислонив лицо к иллюминатору, наблюдал за изменяющимся ландшафтом местности. Вокруг долины громоздились отвесные скалы, прорезанные тонкими жилками высохших речушек. Местами долина расширялась, и отвесные скалы сменялись пологими склонами с притулившимися серыми постройками дувалов. Чем ближе к границе, тем унылее и сиротливее они выглядели. Олег знал, что большинство дувалов покинуто людьми, брошены с трудом возделанные поля, угнан скот и только дикие звери и пришельцы из-за границы скрывались в полуразрушенных мертвых кишлаках. «Как жалок и ничтожен человек, как одинок в стремлении покорить неизведанное, завоевать Вселенную, — подумал он. — Люди жили здесь столетиями, убирали хлеб, растили детей, любили и умирали. Они не думали, что их потомки покинут могилы предков. Пришла беда и поставила крест на сложившемся за сотни лет укладе жизни. Нарушилась гармония человеческих отношений, и это разобщило и раскидало по свету трудолюбивых крестьян. Земля оскудела, покрылась пылью и копотью. Колодцы засыпал песок, а могилы умерших сравнял с пустыней коварный «афганец». Только развалины дувалов напоминают о прошлой жизни людей. И над всем этим погибшим крошечным миром, как и сотни лет назад, возвышаются снежные вершины, в долине бегут по весне полноводные горные реки, бродят в поисках пищи дикие звери, светит яркое солнце и плывут по небу облака. Вечная Вселенная».

Кто-то толкнул его в плечо. Кудрин встрепенулся и вопросительно повернул голову.

— Вышли в заданный район, — прокричал ему в ухо борттехник. — Сейчас начнется кордебалет. Не паникуйте, этот танец Шурик разработал. Все будет в ажуре.

Сколько раз Кудрину с ребятами приходилось бывать в заданном районе? По всем направлениям Афганистана пролегли трассы винтокрылых машин. И все так просто и обыденно. Заданный район.

«Вертушки» резко свернули влево. Переведя переключатель на стрельбу из бортовых пулеметов, Владимир нажал на кнопку. Оба пулемета ударили короткими оглушительными очередями прямо по горизонту. Литвиненко передернул затвор носового пулемета, вправил патронную ленту и весело стукнул кулаком по стволу. Пулемет как будто этого и ждал, невнятно рыкнул и затараторил. Юрий приподнял ствол и веером полоснул длинную очередь по пикам горных вершин.

В кабине неприятно запахло пороховыми газами. Садков приоткрыл боковой блистер и отчетливо услышал, как выстрелили пушки группы прикрытия. Впереди по курсу возникли фонтаны вздыбившейся земли и камня. Раздался ракетный залп ведомого вертолета капитана Ваканова. Неуправляемые ракеты унеслись с бешеной скоростью и врезались в скалы. Вертолеты загасили скорость и произвели ложную посадку. Взлетели, постреляли и снова сели. И так три раза в разных местах.

«Пусть «духи» разбираются, что мы тут вытворяли», — со злорадством подумал Ивлев, показывая Садкову на карте обходной маневр с выходом в квадрат сорок три с севера.

Капитан довернул вертолет на девяносто градусов, развернул прямо в горловину ущелья. И вдруг услышал слабые хлопки выстрелов с земли. Он непроизвольно отшатнулся к бронеспинке сидения. Пуля прошила обшивку вертолета позади сидения и вышла в правый блистер, чудом не задев остолбеневшего от неожиданности Литвиненко. Он осторожно потрогал пальцами рваную пробоину и воскликнул:

— Бьют с крупнокалиберного, черти!

Еще одна пуля заставила вздрогнуть всех. Она снова вошла с левой стороны, ударила по приборной доске и, чудом не разбив приборы, рикошетом ушла под нижний обрез переднего стекла.

С невероятной изворотливостью, то и дело меняя скорость, ускользал вертолет Садкова из-под убийственного огня пулемета. Как привязанный, за ним следовал вертолет Ваканова. В эфире раздался тревожный голос Голикова:

- Три тройки! Что там у вас?
- Нас обстреляли. Сейчас найду гадов.... Как поняли, 261-й?
 - Вас понял. Не зарывайтесь...

Ивлев настороженно взглянул вниз и отпрянул от блистера. Кучка людей в разношерстных халатах залегла за россыпью мелких камней. Казалось, они целились и стреляли в него одного. Александр быстро передернул предохранитель автомата и одним нажатием на спусковой крючок выпустил весь рожок. Тут же опомнился и во все горло заорал:

- Командир! Вижу! Они под нами.
- Спокойно. Не суетись. Разворот влево.

По прямой, как на учениях, издалека заходили вертолеты на залегших за камнями людей. Почти в упор Юрий Литвиненко выпустил всю ленту крупнокалиберных патронов. Его побелевшие пальцы продолжали давить на гашетку умолкшего пулемета. Сзади справа раздался мощный залп ведомого. Ракеты кучно легли на землю, перепахав каждый метр каменистого грунта. Вертолеты прошли над безжизненно разбросанными, исковерканными телами врагов. Зашли на повторный круг.

— Я — Три тройки! Захожу на посадку. 334-й! Прикрой меня. Десантуре приготовиться.

Вот и земля, покрытая черной копотью. Неожиданно почти из-под колес выскочил человек и, размахивая руками, бросился бежать прочь. Литвиненко дал короткую предупредительную очередь, которая пересекла дорогу бежавшему. Он упал на колени, схватился за голову руками и замер на месте.

 Не стрелять! Возьмем живым, — скомандовал Садков.

Ахмет и Хасан, а за ними и Кудрин выскочили из вертолета и подбежали к вращающему обезумевшими глазами человеку. Подхватили его под руки и волоком затащили в вертолет. Десантники осмотрели валяющиеся трупы и, прихватив оружие убитых, влезли в грузовую кабину.

- Девятерых накрыли. Живых и раненых нет. Пулемет вдребезги, прокричал Кудрин в ухо Садкова.
 - Хорошо! Взлетаем, идем к месту высадки.

Наконец-то земля покрылась вечерними сумерками. Солнце спряталось за вершины гор, и лишь звено поддержки Голикова виднелось на фоне потемневшего неба.

- Командир! Под нами район высадки. Ветер триста сорок градусов. Можем десантировать.
- Хорошо. Десантникам приготовиться. Высадка с режима висения.

Олег Кудрин приподнялся с сидения, поправил висевшие на ремне гранаты, передернул затвор автомата. Десантники последовали примеру командира.

Ахмет склонился над Кудриным и прокричал:

- Что с пленным делать будем?
- Возьмем с собой. Допросим в спокойной обстановке.

Садков привычными координированными движениями гасил скорость. Стрелка указателя подошла к отметке 50 км/ч, когда раздался тревожный голос Дим Димыча:

— Три тройки! По курсу полтора-два километра вправо наблюдаю лежачих вьючных. Единиц шестьдесят — семьдесят. Что будем делать?

Считанные секунды Садков принимал решение. Он успел подумать, что высаживать ребят нельзя. Мирный

или военный караван, все равно обратят внимание и разведгруппа будет рассекречена. И неизвестно, сможем ли мы помочь ребятам, если они вступят в бой. Скоро ночь.

— 261-й! Передайте Омару — иду на проверку каравана. Юра! Объясни Кудряшу ситуацию. Пусть готовит гвардейцев к высадке.

Вот она, горка, разворот — и перед глазами сбившиеся в группу животные. Верблюды и ослы, насторожив уши, прислушивались к шуму приближающихся вертолетов. На спины животных были навьючены длинные деревянные ящики и тюки. Людей не было видно. Это и насторожило Садкова. Он три раза нажал на кнопку СПУ, что означало: «Будьте готовы». Юрий вновь припал к пулемету, а Ивлев высунул ствол автомата в прорезь двери. Обычно караванщики приветливо махали руками, вывешивали флаги, сходились группками и терпеливо ждали соблюдения необходимых формальностей проверки. Здесь все как-то странно.

- Проверить пулеметом, командир? спросил Литвиненко.
- Не надо. Может, мирный. Хотя, какой хозяин бросит свое добро. Будем садиться, Юра.

Ночь быстро опускалась на землю. Еще немного и придется возвращаться. Он ждал и уже догадывался, что эта встреча не случайна. Что-то должно было случиться. Так и произошло.

Звонко бухнул выстрел английской винтовки, протарахтел автомат. В ночную тишину ворвалась разноголосица беспорядочной стрельбы. Из-под туш животных показалась вооруженная охрана. Владимир толкнул ручку управления вертолетом от себя и с левым креном отошел от каравана.

Звено прикрытия открыло стрельбу по периметру. Снаряды рванули вблизи каравана, но урона не нанесли. По неписаному закону, после предупредительных выстрелов караванщики должны поднять руки и выйти

на открытое место. Но по группе прикрытия ударил тяжелый пулемет, застрекотали автоматы.

- Я 263-й! Поднялись давление и температура двигателя. Вероятно, пробита маслосистема. Возвращаюсь на базу. Как поняли? Прием.
- Возвращайтесь. Всем внимание! По готовности открыть огонь.

Земля вздрогнула от десятков снарядов, вонзившихся в ее тело. 263-й выпустил весь боезапас и, бухнув на прощание кормовой пушкой, ушел на север.

Ракеты рвали все живое на своем пути. И людей, и животных разносила в клочья злая сила, вырвавшаяся на волю. Вверх полетели ящики, вьюки, тела животных и людей. Но еще строчил заколдованный пулемет, неслись в сторону вертолетов огненные автоматные трассы.

— 261-й! Подавите пулемет. Произвожу посадку.

Раздался залп пушек пары прикрытия. Вторым заходом Дим Димыч прочесал караван из пулеметов. Владимир успел заметить, как подкашивались ноги верблюдов и они в смертельном страхе неуклюже падали на землю. Ослы пытались вырваться из огненного мешка, но сползшие со спин ящики не давали беднягам тронуться с места. И только сорвавшиеся с привязи лошади с громким ржанием уносились прочь, в ночной сумрак.

Садков выполнил разворот в наветренную сторону и произвел посадку. Ведомый вертолет капитана Ваканова сел рядом. Кудрин дал команду, и десантники один за другим покинули вертолет.

Усман Алиханов осмотрел пустые стены шатра. Достал из сундучка туго набитый мешочек и сунул его в карман.

Он встал на колени лицом на восток, склонил плешивую голову и долго читал молитвы, усердно отбивая поклоны. В последний раз провел по лицу ладонями и решительно направился к выходу.

Около шатра били копытами и беспокойно ржали застоявшиеся, почуявшие близкую дорогу лошади. Его верные телохранители расположились у костра и пили чай. Увидев своего повелителя, вскочили на ноги и почтительно склонили головы. Эти люди были оттуда, с родины, его земляки, и он, как мог, заботился о них, оберегал и лелеял. В благодарность они поклонялись ему, верили каждому слову, были преданны и надежны.

— Я отправляюсь на родину. Поведу караван к моему побратиму Ахмат-хану. Дорога трудна и опасна! Кто не хочет идти со мной — может остаться в кишлаке. Я не буду держать обиды. У каждого своя дорога в жизни. Я свою прошел и возвращаюсь на вечный покой к могилам предков. Вы свободны в выборе. Да продлит Аллах вашу жизнь!

Усман обвел взглядом отряд конников и отвернулся. За его спиной послышался приглушенный шепот. Вперед выскочил Мамед Керимов, тридцатилетний великан с живыми детскими глазами и шрамом, пересекшим щеку надвое. Упав на колени перед стариком и обслюнявив полу его халата, он заговорил:

— Учитель! Господин! Осыпь своей милостью верных своих псов, не обижай сыновей Аллаха и твоих детей. Мы выбрали твою дорогу и не свернем с нее. Умрем, но не бросим своего хозяина...

Старик прослезился, обнял за плечи верного джигита, посмотрел в его преданные глаза и троекратно расцеловал.

- Я горжусь тобою, Мамед. Если бы у меня был такой сын...
- Мы все твои сыновья, хозяин. Умрем, но не покинем тебя, под восторженно одобряющий гул голосов закончил Мамед.
- Спасибо вам... Помолитесь. Попросите у Аллаха прощения грехов, и на родину...

Усман подошел к старому седому своему адъютанту и положил руки ему на плечи:

— Прощай, Абдулла, друг детства, соратник и побратим. Помни мой приказ. И еще... Помнишь, в Ферганской долине ты искал меня трое суток? Я был на могиле у Лизы и взял на память горсть земли — вот она в мешочке, в кармане... Хотя и была она не нашей веры, но мы искренне любили друг друга. Высыплешь землю в мою могилу... Такова моя последняя просьба к тебе. Мешочек с землей, где бы я ни погиб, ты найдешь на моем теле. Двигайся за нами в одиночку. Я хочу, чтобы ты пережил и похоронил меня. Ну а теперь прощай.

Они обнялись, два старых, засохших дерева. Абдулла по-стариковски, всей пятерней вытер выступившие на глазах слезы и прошептал:

— Все сделаю, как ты велишь, Усман.

Алиханов отстранил от себя Абдуллу, долгим взглядом оглядел его лицо, крепко поцеловал в желтые потрескавшиеся губы. Резко повернулся, подошел к склонившему голову коню, похлопал его по огненно-рыжей гриве и вставил ногу в стремя. Абдулла помог ему запрыгнуть в седло. Подняв руку вверх, Усман произнес одно-единственное слово:

— Вперед!

Всадники гикнули, лошади сорвались с места и понеслись вдогонку за лошадью Усмана. Абдулла остался один.

Солнце закатывалось за дальние горы, когда Абдулла услышал далекий гром. Он выскочил на улицу и прислушался. Снежная лавина в середине лета? Гром в ясном небе? Может быть, показалось? Он засеменил на торговую площадь, где еще был народ. Знакомый торговец мукой, обтерев белую пыль с лица, произнес:

— Стреляют. И когда это кончится?

Старый Абдулла подумал, что ослышался и, подойдя к торговцу, дрожащим голосом спросил:

- Где стреляют?

Торговец махнул рукой:

— Везде стреляют. А сейчас там, за перевалом, на севере. Аксакал, вам плохо? Может, чем помочь?

Абдулла уже не слышал его. Не чувствуя под собой ног, он поспешил обратно в шатер. Собрал в рюкзак свои пожитки, сунул в него ломоть хлеба, запасся водой. Зыркнув по сторонам, спрятал кошель с золотом на груди. Подобрал крепкую, суковатую палку, повесил на нее сапоги, поклонился и босиком отправился в путь.

Он шел на север, по следам хозяина, наверняка зная, что скоро встретится с ним.

Глава 3

Выпрыгнув из вертолета, лейтенант Кудрин огляделся. Впереди что-то горело и гулко взрывалось. По долине стелился еле видимый черный дым, щипавший глаза и оседавший черной копотью на землю. Вечерние солнечные лучи затерялись в вершинах гор. Дневной зной сменился вечерней духотой. По бокам вертолета залегли Дектярев и Неделин. Метрах в двадцати от хвоста примостился пулеметчик Виктор Озеров со своим незаменимым ручником. Подняв облако пыли, метрах в тридцати выполнил посадку второй вертолет. Открыв блистер, Ваканов помахал кому-то рукой. К нему подбежал сержант Садыков, что-то спросил и оглянулся в поисках Кудрина. Олег сам подскочил к сержанту, кивнул Ваканову:

— Садыков, зайдешь им в тыл. Обойдешь по кромке долины. Постарайся не обнаружить себя. Я ударю в лоб, — прокричал, сложив ладони рупором, Олег.

Сержант, перекинув ремень автомата через плечо, покивал головой, хрипло ответил:

- Садыков не подведет, как змея подползет. Возьму первое отделение, командир, мы быстро.
- Ударишь после нашей атаки. Впрочем, смотри по обстоятельствам. Дашь знать красной ракетой. Все понял?

Садыков весело козырнул и попытался еще что-то сказать. Олег толкнул его в плечо и, показав кулак, бро-

сился догонять основную группу десантников во главе с сержантом Ефремовым.

— Ахмет! Командуешь левым флангом. Ефремов, руководишь правым. Я в центре. Взять караван необходимо до темноты. Короткими перебежками, марш!

Первые выстрелы прозвучали неожиданно. Олег пробежал несколько метров, когда пуля сорвала панаму с его головы, и он, больно ударившись коленкой, плюхнулся на землю. Поискал глазами укрытие и, перевернувшись, спрятался за круглый камень. Лежа на животе, с любопытством ощупал аккуратную дырочку правее кокарды. Поморщился и засунул панаму под ремень. Скосил глаза в сторону и увидел торчавшие толстые подошвы ботинок. Потянул за ногу. В ответ ктото лягнул его по скуле. «Живой! — обрадовался Олег. — Лягается, как жеребец». Он рванул тело за обе ноги, и неизвестный юзом влетел в укрытие.

— Ларин, ты? Миша, где рация?

Радист с трудом оторвал голову от земли, посмотрев на командира бессмысленными глазами.

- Рация где? спокойно повторил Кудрин. В глазах Ларина мелькнул страх и ужас. Он по-мальчишески шмыгнул носом, вытерев его рукавом маскхалата.
 - В вертолете.

Лейтенант понял, что впопыхах, надеясь на скорое возвращение, Ларин оставил рацию в вертолете.

— Успокойся, Миша. Вот так... Давай по-пластунски к летчикам. Слышишь? Пулемет заговорил. Пусть прижмут «духов» к земле и подавят его. Действуй. Я тебя прикрою.

Опомнившийся радист виновато взглянул на командира, молча развернулся и ловко, как ящерица, пополз обратно. Вскочил на ноги и, петляя, как заяц, двинулся короткими перебежками.

Кудрин высунулся из-за камня. Прицелился и короткими очередями ударил по огонькам, сверкающим в наступающей темноте. Рядом кто-то пустил длинную очередь в небо. Спохватился. Выровнял прицел и уже спокойно повел огонь по каравану. Дружно заговорили автоматы всей наступающей цепи десантуры.

Лейтенант облегченно вздохнул. Как он сам, так и его ребята оправились от внезапного встречного огня «духов». Пройдет немного времени, и они возьмут этот окрысившийся караван. Он оглянулся и увидел темный силуэт Ларина с рацией на плечах. Вертолеты огневой поддержки встали в круг и, беспрерывно пикируя, атаковали остатки каравана. Наконец-то обнаружили замаскированный пулемет. Голиков ударил из пушки. Песчаный грунт вздыбился, завалив огневую точку и похоронив пулеметчика. Кудрин под прикрытием огня вертолетов вплотную подполз к каравану. Вскочил на ноги и метнул гранату. Мельком увидел Ахмета, Неделина, Дектярева... Десантники, яростно строча из автоматов, опередили его и ворвались в расположение каравана. Кудрин быстро сменил рожок и, стреляя короткими очередями, бросился следом. Кто-то закричал «Ура!», он подхватил звонким голосом и закружился в вихре рукопашной схватки.

Садыков собрал свое отделение у подножья каменистого плато. Энергично жестикулируя, объяснил задачу. Оставив лишнее снаряжение, десантники двинулись в противоположную сторону от каравана. Пробежали с полкилометра. Сержант оглянулся и увидел, что они вышли из-за прикрывающих их вертолетов на открытую местность. Приказал продвигаться ползком. Преодолев на животах не одну сотню метров, они очутились в тылу каравана: теперь Садыков терпеливо ждал атаки основной группы. Десантники кружком расположились около командира. Тревожно вслушиваясь в звуки отдаленного боя, Самошвили открыл портсигар и протянул сигарету Садыкову:

- Закури, Рустам. Утро вечером мудро. Лейтенант даст, и мы поддадим и задавим эту гидру революции.
- Контрреволюции, поправил Садыков, чиркая спичкой о коробок. И не мудро, а мудренее.

— Я и сказал: ликвидацию беспорядка будем делать, — попытался разговорить сержанта неунывающий Самошвили.

Садыков отмахнулся от друга-говоруна, переполз к краю ущелья. Прижавшись к гладкой скале, выглянул наружу. Они сделали большой крюк, и караван был намного ближе, чем он ожидал. В сгущающихся сумерках Садыков видел далекие силуэты родных «двадцатьчетверок» и яркие вспышки в центре каравана. Атака вертолетов разрешила мучивший его вопрос «Когда начинать?» Как завороженные, смотрели десантники на работу винтокрылых машин. Вертушки стремительно носились на малой высоте, сотрясая тишину ракетными залпами.

Несколько ослов с налитыми кровью глазами пронеслись мимо, волоча за собой обрывки веревок и привязных ремней. Проковылял исполосованный осколками верблюд. Метрах в двадцати от них он упал на передние ноги и дико закричал. Из горла хлынула кровь, и бедняга захлебнулся ею, повалился на бок и задергался в предсмертной агонии.

Садыков зло сплюнул, затянулся сигаретой и бросил окурок под ноги.

Все, ребята, пора... Приготовьте гранаты.

Он достал ракетницу и выстрелил. Мгновение подумал, резко повернулся и, вскинув автомат, дал очередь по умирающему верблюду. Махнул рукой и побежал в сторону шарахавшихся от него животных. Преодолев метров триста, разгоряченный сержант увидел первых врагов, они удирали. Кучка оставшихся в живых «духов» еще сопротивлялась в центре каравана, а эти бежали вслед за ослами, спешили спасти свою шкуру. Самый трусливый, самый слабый оказался в первых рядах отступающих. Его ужасающий вопль при виде приближающихся десантников пронесся над ущельем и тяжелым эхом отозвался в горных вершинах. Садыков огрел его прикладом и, вертанув автомат в руках, расстрелял в упор. Крик застрял в горле душ-

мана, и он свалился под ноги наступающим. Сержант запнулся о распластанное тело и рухнул рядом. Через него перескочил Самошвили с автоматом в одной и гранатой в другой руке. Навстречу ему поднялся поджарый, заросший бородой великан. Кацо нажал на спусковой крючок, но выстрелов не последовало. «Кончились патроны», — промелькнуло в голове. Вспомнил про гранату и швырнул ее. Граната волчком покатилась под ноги великану. Душман ловко прыгнул в сторону, спрятал голову за тушу мертвого верблюда и замер в ожидании взрыва. Самошвили упал метрах в трех от него и инстинктивно прикрылся руками. Прошло несколько секунд, пока враги поняли, что граната не взорвалась. Оба поднялись с земли, встретились глазами. Кацо выругался по-грузински, душман хмыкнул по-своему. Одновременно вскочили на ноги и бросились друг к другу. В руках душмана мелькнул нож, но очередь автомата Садыкова сразила его наповал.

Самошвили дрожащей рукой смахнул выступивший пот со лба. Почувствовал, как нервно дрожат колени.

- Рустам, прерывающимся голосом выдавил он. Я плачу долг...
- Ты лучше про патроны не забывай, крикнул обогнавший его сержант.

Попавшие в капкан душманы походили на диких зверей, стремившихся во что бы то ни стало прорваться через заслон охотников. Садыков столкнулся с невысоким юрким коротышкой лет двадцати. Обнявшись, они упали и покатились по земле, царапаясь и сворачивая шеи друг другу. Душман подмял сержанта, придавил коленом ему грудь. Выворачивая, ломая руки, дотянулся до горла и сомкнул грязные пальцы на шее Садыкова. В глазах сержанта потемнело. Спазмом сдавило горло. Он отчаянно выгнул спину, рванул «духа» за волосы. Слабеющая рука все же нашла нож, подвешенный к комбинезону сбоку. Теряя сознание, изловчился и со всей оставшейся силой вонзил нож под левую лопатку врага.

Подбежавший Самошвили столкнул с сержанта мертвого «духа», несколько раз ударил Садыкова по щекам, открутил колпачок фляжки и насильно влил воду в рот, Садыков поперхнулся и закашлялся, с трудом открыв глаза.

- Будем жить, Рустам. «Духа» сильно тебя задушил? Сержант тяжело вздохнул и прошептал:
- Ничего... До свадьбы заживет.

Прошло несколько томительных минут. Работали двигатели, и где-то наверху тарахтела пара Дим Димыча. Владимир открыл блистер. В лицо брызнул выброшенный из выхлопного патрубка двигателя теплый воздух. Послышалась трескотня пулемета и гулкие хлопки винтовок. По бокам и сзади вертолета залегли десантники. Лиц не было видно. Лишь силуэты вырисовывались на фоне потемневшей земли. Садков повернулся к Ивлеву:

- Молодец, Кудряш. И об охране не забыл! Как с топливом?
 - До дома хватит.
- Ну и ладно. Подождем Кудрина и домой. Что там видно?

Ивлев высунул голову из кабины и всмотрелся в ночной сумрак.

— Да ничего, командир, не видно. Тьма, как в преисподней. Кто-то бежит к нам. Вроде, наш.

В грузовую кабину влетел Миша Ларин и возбужденно затараторил:

- «Духов» полно, нас прижали к земле, голову не дают поднять, гады. Лейтенант приказал подавить пулемет и расстрелять караван. Я забыл рацию, бегу обратно. Все.
- Подожди, торопыга. Опять без рации убежишь. Передай Кудрину: мы взлетаем через десять минут. О дальнейших действиях договоримся по рации. Связываюсь с Дим Димычем. А ты смотри, Маша-растеря-

ша, головой за связь отвечаешь. Умри, но рацию сбереги, иначе труба дело.

— Все ясно, командир. Я пошел.

Садков подмигнул сконфуженному радисту. Юрий помог надеть ему ремни рации на плечи, шлепнул Ларина по заднему месту:

— Смотри мне, раззява! Голову не потеряй и то, что в штанах имеешь. Торопыга.

По переговорному устройству раздался спокойный голос Садкова:

- Ивлев, займись расчетами. Будем взлетать без включенных фар. «Духи» не все перебиты, не приведи Господь, вдарят по свету. Рассчитай время прохода по ущелью и точку набора высоты. Я не горю желанием расцеловаться с горной вершиной.
- Понял, командир. Будем верны женам. Смотри!
 Дим Димыч атакует.
 - Вижу, позови Дектярева.

Садков высунулся из кабины и прокричал в ухо подбежавшему командиру группы прикрытия:

— Мы взлетаем. Забирай своих и к лейтенанту. «Ду-хов» много, вы там нужней. Передай: после набора выйдем на связь. Все. Выполняй.

Дектярев выскочил на открытое место и помахал рукой. К нему подбежали трое десантников, и вся четверка бросилась к каравану.

— Три тройки! Произвожу взлет. 334-й, взлет — одна минута, скорость сто двадцать, смотри маяк. Набор в квадрате «сорок». 261-й, вам выход в квадрат «сорок». Набор высоты после выхода из ущелья.

Плавным движением Садков отжал ручку управления от себя. Открыв блистер, бросил взгляд в кромешную темноту. Вся эта масса каменистых нагромождений просматривалась более темным сплошным пятном по границе ущелья. Будто чудовище сжимало свои огромные ручищи, пытаясь раздавить «вертушку», осмелившуюся нарушить вечный покой гор. Наконец чудо-

вище как бы нехотя разжало ладони, выпуская пленников на волю. Кончилось ущелье.

- Командир, вошли в квадрат «сорок».
- Три тройки. Квадрат «сорок». Набор тысяча двести. 334-й, дистанция три, набор и выход на базу самостоятельно. 261-й, наблюдаете проблесковый?
 - 261-й. Наблюдаю южнее два-три.
- Следуйте на точку. Волга! Я Три тройки. Как слышно? Прием.
- Я Волга. Слышу вас хорошо. Докладываю обстановку. Караван взят. Тьма оружия. Бросить не могу. Остаюсь до утра. Как поняли? Прием.
- Вас понял. Решение поддерживаю. Слушай внимательно. Сигналы ракетами, как договаривались на базе. Рабочая частота прежняя. Границу перекроем авиацией. Над вами постоянно будут дежурить вертолеты, указывай место удара. Много осталось недобитых?
 - Пока не знаю, но постреливают.
 - Как потери?
 - Двоих насмерть, пятеро раненых.
- Держись. Мы скоро вернемся. Ни пуха ни пера тебе, Олег.
 - К черту. Вам счастливо добраться...

После посадки на аэродроме капитана Садкова вызвали к подполковнику Мордуховичу. Лицо командира выглядело усталым. Сказывалось волнение за исход операции. В кабинете находились: командир батальона спецназначения — усатый подполковник, начальник разведки бригады — майор Быстров и капитан Голиков. Мордухович подошел к стене и отодвинул занавеску, прикрывающую мелкомасштабную карту.

- Докладывайте подробнее, капитан. Что, где и как. Садков взял указку и подошел к карте.
- В район высадки мы вышли нормально. Выполнили ряд необходимых маневров. Уничтожили случайно замеченную группу «духов», одного захватили в плен. В момент приземления в квадрате «сорок три» Дим Дим..,

извиняюсь, капитан Голиков обнаружил замаскированный караван. Я решил группу в засаду не высаживать. Несомненно, нас заметили погонщики каравана.

- Правильно решил. Продолжай.
- В момент посадки для досмотра по нам открыли сильный огонь. Нервишки не выдержали у «духов»? Голиков сделал предупредительный выстрел из пушки. В ответ ударил пулемет. Я принял решение на уничтожение каравана.
 - Вы уверены, капитан, что это не мирный караван?
- Абсолютно, товарищ подполковник. Во-первых, они выступили на ночь глядя, хотя известно, что передвижения через границу запрещены. Во-вторых, первыми открыли огонь по нам. Не из допотопных ружей, а из современных винтовок и автоматов. В-третьих, лейтенант Кудрин подтвердил очевидное. Там и сейчас не прекращаются выстрелы.
 - Убедительно. Продолжайте.
- Я связался с Кудриным. Он принял решение брать караван. Мы согласовали дальнейшие действия. Прошу разрешить моим экипажам продолжить работу. Мы освоились в том районе и нам будет легче, чем другим.
- Я сам хотел вас просить об этом. Идите отдыхать. Через час вам вылет. А вы, Голиков, задержитесь на минутку...
- Так вот, Дим Димыч. Я не постесняюсь присутствия офицеров из родственной бригады и объявляю вам выговор за ваши неуместные шутки. Вы понимаете, о чем речь?
- Так точно. Оплошал, командир. Уж больно зуб на них чешется.
- Вот и почеши... Там, в ущелье... Иди отдыхай. Все, товарищи офицеры, действуем как договорились. Торопите броню. К рассвету они должны быть на месте.

Усман Алиханов подгонял коня. Чем ближе к границе, тем скорее хотелось пересечь незримую полосу, отделяющую чужую страну от долгожданной родины.

«Нет, еще не все потеряно, — пела в душе радостная струнка. — Я жив и вновь сижу на коне. Я чувствую силу в руках, и разум мой светел и чист. Я проведу караван к Ахмат-хану, брошу клич на родной земле. В мои отряды вольются новые люди и я смогу покарать неверных.

Мои конники примчатся в Кабул, схватят блюдолиза Кармаля и повесят в центре города, на священной площади. Главой правительства я поставлю Ахматхана, который примет мои идеи и установит царство справедливости и счастья. Мы раскрепостим людей и установим на всей многострадальной земле Афганистана всеобщее братство. Мне приведут моего сына с веревкой на шее. Я посажу его в тюрьму и заставлю жестоко раскаяться в содеянном. Пусть сам увидит, что отец его был прав и народ наконец-то освободился от власти государственных узурпаторов, полиции, чиновников и бюрократов. Я стану пророком Магомета на земле, и люди возвеличат мое имя в веках. Вперед, старый Усман, только вперед!»

Конь неожиданно заржал и встал как вкопанный. Тревожно задрал морду и странно фыркнул. Высоко в горах загремел гром. Вспыхнули и погасли далекие вспышки огненных стрел. Где-то гулко ухнуло, как при землетрясении.

Телохранители встревоженно загалдели. Вновь вперед выехал Мамед Керимов.

 Хозяин! Это русские. Они громят караван. Нас кто-то предал! Надо возвращаться в кишлак.

Усман дико закричал и, ударив жеребца нагайкой, не оглянувшись, понесся к ущелью. Подгоняя коней, охрана ринулась следом. Почти на входе в ущелье показался всадник. Увидев стену лошадей, он придержал жеребца и, узнав старого Усмана, соскочил с седла и упал на колени.

— Хозяин! Это неверные. Они разгромили караван. Меня послал Тур Мухамет, он ранен. Я видел, что и с тыла обошли нас. Караван в капкане. Будь прокляты эти огненные гориллы, ползающие по небу!

- Не ори! Сколько русских атаковали вас?
- Много. Не хватит пальцев пересчитать. Они вылезли из двух чудищ и, как змеи, подползли к нам. Видит Аллах, Тур Мухамет не подпустил бы их к каравану. Злобствующие гориллы уничтожили большинство воинов своим смертоносным огнем. Кто остался в живых, те вскарабкались на горные вершины. Тур Мухамет передал, что будет держать русских под огнем.
- Хорошо. Испей водички и наберись сил. Тебе предстоит обратная дорога. Мамед, сынок, возьми свежих коней и скачи в спецлагерь. Передай мой приказ: двинуть сюда все учебные части. Понял меня? Все, без исключения. Если Базарбай воспротивится, убей его. Русских не так много, Мамед, как наговорил этот болтун. Всего два вертолета полсотни не наберется. До утра мы или погибнем, или прорвемся на родину. Захвати гранатомет, он может пригодиться. Я все сказал. Выполняй приказ.
- Хозяин, я приведу воинов, чего бы мне это ни стоило. Базарбай мне не указ. Твой приказ — закон для всех. Береги себя, отец.

Мамед вскочил на своего жеребца, ударил его плеткой и, прижавшись к холке, поскакал обратно в кишлак.

Усман повернулся к принесшему горькую весть всаднику:

— Показывай дорогу, еще не все потеряно.

Из его души рвался крик отчаяния. Хотелось завыть во весь голос. Но он понимал, что надо сдержаться, не показать людям свою слабость. Он пришпорил жеребца, горестно думая про себя:

«О, Аллах, за что ты наказываешь меня? Неужели мечты не сбудутся и мои предчувствия верны? Русские овчарки перегородили дорогу на родину. Зачем они здесь, что им нужно? Я стар и, видно, многого уже не понимаю. Меня, всю жизнь отдавшего делу освобождения моего народа, превратили в бродягу и бандита. Кто, кто в этом виноват? Русские? Значит, я должен

бороться с ними. Но разве раньше они мешали мне? Наоборот, это мои люди рубили русских воинов в песках Туркестана. И не они, а Ибрагим-бек перебил моих всадников, погубил Лизу и ранил меня. Русские закрыли границу, помогают Кармалю утвердиться у власти. От этого, кроме слез матерей и цинковых гробов, ничего не имеют, не просят, не требуют. О, Аллах! Направь мои мысли на истину, дай понять перед смертью где правда. Ясно одно: я должен вернуться на родину живым или мертвым. А теперь надо решать, как вырваться из ада лжи и предательства. Это последний шанс в моей жизни. Итак, предательства быть не должно. Что пойдет караван, знали многие. Но это ущелье, тропу я выбирал сам. Точный маршрут я сообщил перед выходом одному Тур Мухамеду. О, горе мне, мой сын — предатель! Он тайно перерисовал мою карту и теперь знает все, абсолютно все. Как же я забыл, не подумал, не догадался сменить маршрут? Он снова предал меня.

Но Ахмет не знал времени и дня выхода. Я решил в последнюю минуту. Я поторопил Тур Мухамеда. Не дождавшись темноты, дал приказ выступать. Я так торопился встретиться с родиной, что не подумал об ищейках, вынюхивающих караван с оружием.

О, Аллах! Ты отвернул от меня свой лучезарный лик. Дикий случай помешал мне выполнить благие намерения. Только я сам виноват в случившемся. Но еще не все потеряно! Необходимо уничтожить русских, осмелившихся встать на моем пути. Освободить караван, разбить его на мелкие части и рассредоточиться, затеряться.

Он остановился. Развернул дряхлую, пожелтевшую от времени карту. Кто-то зажег факел и услужливо посветил ему. Над головой протарахтели вертолеты, помигали красными огоньками и ушли на север.

«Пошли заправляться, — подумал он. — Еще есть время. Итак, первый удар — в лоб, на входе в ущелье. Пошлю всех оборванцев, которых набрал в Пакистане.

Во главе поставлю эту свинью Базарбая. Позади — пару пулеметов. Пусть знают: дороги назад нет. Если собьем заслон, чалмисты быстро разделаются с кучкой неверных и тогда наш путь свободен.

А если не удастся? Остается эта тропа. Потеряем много времени, но спасем хоть остатки каравана. Ее середину как раз оседлал Тур Мухамед».

Он подозвал ожидавшего приказа проводника.

— Передай Тур Мухамеду или тому, кто остался за него... Мы ударим со входа в ущелье. Пусть они пошумят сверху. В случае удачи, немедленно спускайтесь по тропе, ждать не будем. Если постигнет неудача, второй удар нанесем именно с этой тропы. Возьми с собой пару человек и разведайте хорошо дорогу. Одного верни ко мне с точным и самым близким маршрутом. Поспеши.

Бой кончился. Кругом чернели трупы убитых, раздавались стоны раненых. И своих, и чужих. Распрямив плечи, стерев пот с лица, лейтенант Кудрин осмотрел то, что осталось от каравана. Чудом уцелевшие ослы и верблюды сбились в кучу. Они прижимались друг к другу, испуганно косясь на чужаков.

Туши мертвых и раненых животных лежали вперемежку с убитыми душманами. Вид их был жуток. Кудрин отвернулся. Боясь, как бы не стошнило, нагнулся и хотел погладить раненого верблюда. Тот резко дернулся, с трудом приподнял голову и харкнул прямо ему в лицо.

Кто-то толкнул его в бок, осторожно обнюхивая карманы. Кудрин нагнулся и увидел ластившуюся к нему обыкновенную дворняжку. Собака настороженно вильнула хвостом, готовая молниеносно отскочить в темень. Олег осторожно погладил ее по прижатым ушам, провел ладонью по кончику холодного носа. Собака лизнула его пальцы и осторожно улеглась у его ног, жалобно повизгивая.

Кудрин пошарил в кармане, сожалеюще развел руками. Собака испугалась его движения и бросилась наутек. Олег внезапно, как там, в вертолете, ощутил острое одиночество. И все окружавшее показалось нелепым, противоестественным, плохим фильмом.

А в это время в подмосковной деревушке бродили по улицам пыльные курицы. Вышагивали строем гордые гуси, крякали на речке хлопотуньи утки, вился над ульем пчелиный рой, мычала на пастбище корова Дуня, хрюкали в хлеву свиньи. Спозаранку вертелась у горячей плиты бабка Анисья, а вечером поставит сети в речке добрый дедушка Максим.

Только здесь, на войне, понял Олег деда Максима. Он и курицы не обидит, и злого слова соседу не скажет. Вечно бабка беззлобно ворчала: «Голову курице рубить мне, а навар тебе. А еще мужиком называешься». Дед Максим, посмеиваясь, благодушно отвечал: «Повоюй, Анисья, и ты, а я свое отвоевал». Погладит шершавой ладонью по голове внука и, вздохнув, добавит: «Эх, кабы и тебе не пришлось».

Соберутся, бывало, безногие и безрукие ветераны за большим деревенским столом, поставят бутылочку «Московской» и давай вспоминать, как Сталинград защищали и Киев брали. Сидит Олежка, затаив дыхание, слушает. И почему-то все чаще захмелевшие старики, расходясь по домам, вздыхали, сетуя, что не все сбылось, о чем мечтали в окопах.

Кудрин тоскливо вздохнул, вспомнив о стариках и милой сердцу деревне. А теперь... Война продолжается. Он приподнял ствол автомата и выстрелил в раненого верблюда.

- Что случилось, командир? подбежал встревоженный сержант Ефремов.
- Вот... Верблюда пристрелил. Из жалости, понимаешь?
 - Понимаю, командир. Погибших ребят и раненых куда?
- Укройте под скалой, которая на отшибе. Что в ящиках — проверили?
- Уйма патронов, пулеметы, зенитные ракеты

«Стингер» или «Блойпап» — в темноте не разберешь, винтовки М-16 и мины итальянские. Раненых «духов» шестеро, двое почти готовы.

- Так. Их тоже под скалу и перевязать как следует.
 Где Садыков?
- Помяли его немного, через полчаса очухается. Двоих наших, командир, насмерть в рукопашной зарезали — Говорова и новичка Свежина. Пятеро ранены. Ничего, ребята держатся.
- Жаль Говорова и Свежина, да только завтра оплакивать будем. Сегодня еще придется поработать, чувствует мое сердце. Где афганцы?
- Ахмет пленного допрашивает. Говорит, караван будто тот самый. На ловца и зверь бежит. Командир, мы до утра останемся здесь?
- Слушай, Ефремов. Поставь по пулемету на вход и выход из ущелья, в сторону границы усиль гранатометом. Всем окапываться. Под укрытия применяйте туши животных, ящики, камни. Все, что можно. Надо остаться, Ефремов, надо. Зверь уж очень крупный попался, не выпускать же хищника.
- Я так же думаю, командир, и ребята гутарят об этом. Не бросать же столько оружия. До утра продержимся, да и струхнули они, не сунутся.
- Не говори гоп, пока не перепрыгнул, сержант. Оружие просто так хозяева не позволят бросить. Готовьтесь к бою. А я на рацию. И про животных не забудь... Зачем им мучиться.

Сержант Ефремов выполнил все указания лейтенанта. Вход и выход из ущелья перекрыл пулеметами. В каменистом грунте вырыли щель и установили гранатомет. Под козырьком скалы расположился импровизированный госпиталь, где властвовал военфельдшер Матвеев. Рядышком примостился и радист Миша Ларин, обложившись со всех сторон ящиками, набитыми камнями. Помнил свою оплошность и наказ летчиков: от рации не отходить ни на шаг. Десантники

перетащили десятки ящиков на вход в ущелье, не побрезговали и трупами животных. За пулемет залег сам сержант Садыков, вторым номером примостился неунывающий Кацо.

- Рустамчик, как твое горлышко? Надо сладким смазать заживет скорей.
 - Сойдет и так. Где тут сладкого возьмешь, в горах-то?
 - Момент, брат. Имей сто рублей и тысячу друзей.

Грузин пошарил в своих необъятных карманах, спрятанных под складками маскхалата, и извлек пару конфет. Протянул сержанту:

- На, вылечивай гортань.
- Ух ты. Где взял? удивился довольный вниманием друга Садыков. С тобой и на том свете не пропадешь, Кацо. Бьюсь об заклад, что у тебя целый кулек припрятан. Поделись с ребятами.
 - Им горло не давили. До утра далеко, сами съедим.
 - Жадюга ты тбилисская.
 - Зачем опять ругаешься? Ешь, пока я дала.
 - Ладно, давай вместе.
- Вот это друг и называется. Тебе пополам и мне пополам.
- Ну да, как в песне: тебе половина и мне половина. Посасывая конфеты, они продолжили неторопливую болтовню, внимательно вглядываясь в кромешную тьму.

За тушей верблюда, выкопав небольшой окопчик, залегли два ленинградца — Дектярев и Неделин. Дектярев перевернулся на спину и, не вынимая изо рта потухшую сигарету, смотрел на звезды.

— Венера... Звезда любви. Я первый раз влюбился в девчонку из параллельного класса. Как сейчас помню — мы ездили на экскурсию в Пушкино. Как-то так получилось: мы отстали от основной группы и задержались около памятника Александру Сергеевичу. Она мне говорит: «Послушай, как звучит». И прочитала: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты». Знаешь, рядом с великим поэтом его стихи воспринимались

совсем иначе, чем на уроке литературы. И сам он, каменный, неодушевленный, становился родным и близким. Вот и явилась в тот миг передо мной Оксана. Через год ей признался в любви.

- А чем ваша любовь кончилась? после минутного молчания спросил Неделин.
- А у нас и не кончилась. Шестнадцать стукнуло я на завод. Оксана тоже работать пошла. В семнадцать мы поженились.
 - Рано ты, Витек, хомут на шею повесил. И дети есть?
- Причем здесь хомут, если по любви. И дети есть, двое короедов. Моя Оксана говорит, что не остановимся на этом. Любит она детей.
- Ну ты даешь, Витька. Здесь героя не заработаешь — так там получишь.
- Ты не смейся, Дон-Жуан с Невского проспекта. Как хочешь, а я своей Оксанке верю. Хорошая женщина— это дом добрых советов и необходимых ответов. И нам, мужикам, без них не обойтись.
- Если честно, Витек, я вам завидую. И хорохорюсь я так. Не встретил я такую, как твоя Оксана.
- Правильно, Серега. Держи краба. Ищи свою единственную и неповторимую. А после дембеля заходи в гости будешь третьего короеда крестить.

Лейтенант, перескакивая через туши животных и невольно вздрагивая от беспорядочных выстрелов оседлавших горные вершины и спрятавшихся в расщелинах недобитых душманов, обходил линию обороны, на ходу объясняя сержанту Ефремову свой замысел:

— Они полезут только на входе в ущелье. Время их поджимает. Чтобы ударить с севера, надо минимум три часа на преодоление горной гряды и выход нам в тыл. Могут послать небольшую группу. На всякий случай, пошли двух ленинградцев с пулеметом. Чем черт не шутит. Сам останешься у этой тропки, будь она неладна. И прикажи ребятам прекратить ответную пальбу, толку нет, только шумиха одна. Может, успокоятся и эти

охламоны. Я буду находиться в нише радиста, послушаю, что пленный скажет.

- Хорошо, командир. Я здесь поставлю третий пулемет. Если они прорвутся на входе через Садыкова, то мне недолго повернуть ствол в их сторону и ударить отсюда, прикрыв таким образом госпиталь.
- Правильно. Командным пунктом будет та скала, где расположились Матвеев и Миша Ларин. Повнимательнее, сержант.

Кудрин чертыхнулся, запнувшись о что-то мягкое, завизжавшее под ногами. С удивлением узнал ту собачонку. Задрав лапы кверху, она как бы сдавалась в плен человеку, дрожа всем телом.

«Не можешь жить без человека, — подумал Кудрин, взяв осторожно ее на руки и прижав к груди. — Ну ладно, пошли, землячка твоего проведаем. Пить, наверное, хочешь и поесть бы не против?»

Ахмет, увидев лейтенанта с собачкой в руках, рассмеялся:

- Где взял такого «волкодава»?
- Тоже из охраны... В плен сдался. Матвеев, дай ему напиться и пожевать. Что, Ахмет, пленный говорит?
- Зовут его Махмуд, лет семнадцать, сам точно не знает. Говорит, их много было у родителей, отец со счета сбился. Родился в кишлаке около Матерлама. Мальчишкой забрали в банду и увели за кордон. Там поднатаскали. Это его третья ходка через границу. Ты видел сам, когда брали в плен, кусался, как звереныш. Сейчас немного обмяк. Не беспокойся, я его быстро обработаю.

Ахмет скороговоркой спросил о чем-то пленного. Тот исподлобья взглянул на лейтенанта и что-то буркнул в ответ. Они заговорили на своем языке.

Собачонка вылакала чашку воды и спряталась в ногах сидящего на корточках пленного.

— Он говорит, что не верит русским. Какой-то Базарбай сказал, что пленным мы вспарываем животы, достаем потроха, набиваем кишки мясом, потом жа-

рим их на костре и съедаем. Из головы и костей делаем холодец и кормим своих ханум. Я ему вправил мозги. Слушает внимательно, видно, не совсем свихнулся и пожить еще хочет. Говорит, устал питаться объедками со стола хозяина, но очень боится гнева Базарбая и его подручных. На днях тот безжалостно расправился с афганцами, которые сбежали из лагеря и были пойманы близ перевала. Всех повесили в центре лагеря, предварительно испоганив их мужское достоинство. Махмуд сам напросился с караваном. Вдвоем с земляком — кстати, собачка эта его — хотели незаметно скрыться и вернуться домой. По его словам, караван вышел на пару часов раньше запланированного. Причину не знает. Впереди шла разведка, уничтоженная вертолетами. Никто не подумал, что их атакуют на ночь глядя, да еще вблизи границы. Махмуд благодарит Аллаха за свое спасение. На полпути караван должна встретить охрана Ахмат-хана. Случайно он слышал, где должна состояться встреча.

Кудрин достал из планшета карту, подготовленную майором Быстровым, и протянул ее Ахмету, который спросил о чем-то пленного.

Увидев голубое пятно озера, Махмуд ткнул грязным пальцем в название кишлака, притулившегося с восточной стороны перевала и перечеркнутого на карте жирным крестом, удивленно взглянул на Ахмета.

- Все точно, лейтенант! Мы сработали неплохо. Можете передать майору Быстрову, пусть встречает моего тезку на перевале.
- Передам... Спроси, какой была охрана каравана, кто старший.

Ахмет вдруг нахмурился и, не глядя на Кудрина, ответил:

— Я спрашивал. Охрана — сто двадцать человек. Старший каравана Усман Алиханов. В настоящее время в лагерях и учебных центрах находится около тысячи боевиков, имеется ударный батальон чалмистов.

- Что за чалмисты?
- Это мой отец так называет отборных головорезов, элиту отряда.
- А какое отношение имеет твой отец к этому воинству?
- Видишь ли, в чем дело, лейтенант. Мне говорить об этом не следует, но раз так получилось... Усман Алиханов мой отец.

Кудрин разинул рот от удивления.

— Не беспокойтесь, лейтенант. Меня проверяли кому следует. И майор Быстров знает. Я сам удивился, когда узнал об этом. Обычно отец отправлял караваны к Ахмет-хану, но чтобы сам пошел... Подозреваю, что он решил вернуться на родину. Ему восемьдесят. Хочет умереть по-человечески. Пленный говорит, что здесь есть звериная тропа в ущелье. Она помечена на карте моего отца. Я знаю эту тропу, надо перекрыть и ее, лейтенант.

Кудрин автоматически мотнул головой.

- Ахмет, извини, я просто опешил от такой новости.
- Я тоже, когда узнал, что отец ведет этот караван. Мой отец фанатик-анархист. С двадцатого года носится с идеями Кропоткина. Раз отец отправился с караваном, он от своего не отступит, и нам надо готовиться к тяжелому бою.

Михаил Ларин откинул антенну, подключил питание, включил тумблер и протянул наушники Кудрину.

- Три тройки! Вас вызывает Волга. Прием, несколько раз повторил в эфир лейтенант и замолчал в ожидании ответа.
- Волга, я 333-й. На подходе, откликнулся Садков. — Как обстановка? Что нового?
- Все нормально. Ждем гостей. Недобитые постреливают. Передай на командный пункт: пусть высылают группу захвата в квадрат «сорок», по улитке «шестерка». Пленный подтвердил данные разведки. Встреча намечена именно там.

- Понял. Я тебе горячего чайку привез, три резиновых баллона. И гостинцев, которые ты просил. Сориентируй ракетами место выброски.
 - Спасибо, Володя. Гостинцы пригодятся.

В воздух взлетели ракеты, вырвав из темноты зловещие контуры ущелья, новая серия ракет — и оглушительное гудение одиночного вертолета над головой.

— Командир! Садков просит отойти. Темнота, как в преисподней, боится обжечь кого-нибудь, — крикнул Кудрину радист.

Лейтенант кивнул и застыл как вкопанный. На входе в ущелье, именно там, где ожидал Кудрин, застрочил пулемет, раздались автоматные очереди, грозно рявкнул гранатомет.

Мельком заметил, как Матвеев с кем-то из десантников подбирает сброшенные с вертолета боеприпасы.

- Миша! Доложи летунам, что началось. Пусть будут готовы к удару по входу в ущелье. Разберусь в обстановке пришлю наводчика, крикнул он радисту, выскакивая из укрытия.
- Командир! Баллоны с водой лопнули, подвернулся под руку Матвеев. Без чая остались.
- Черт с ними, не до чая. Оставшуюся воду как зеницу ока береги. Крылов! Со мной, бегом марш...

Чертыхаясь и запинаясь о камни, припустили к входу в ущелье. С разбегу чуть не перепрыгнули через ящики, вовремя услышав приглушенный голос Садыкова:

— Командир, сюда!

Сержант бил из пулемета короткими очередями в ночную мглу. Кто-то кинул гранату, толкнув лейтенанта на землю.

- Докладывай, сержант, крикнул Кудрин, больно стукнувшись коленкой о камень, выматерился, скидывая с плеча автомат.
- «Духи» пытались просочиться, командир. Да Кацо заметил. У него глаза кошачьи, ночью видит.
 - Подошли, сволочи! Торопятся сбить с ходу. По-

смотрим, чья возьмет, — со злорадством ответил лейтенант, поворачиваясь к примостившемуся рядом грузину. — Кацо! Дуй на рацию. Передай летунам: пусть осветят вход в ущелье. Сигналы дадим ракетами. И метров двести от ракет нужно обработать зрэсами. Все понял? Садыков, ты как? Очухался?

- Норма, командир. Повоюем еще.
- Тогда быстро к гранатомету, стрелять на дальнюю позицию, в глубину ущелья. Создать панику и страх перед атакой. Остальное сделают летуны. Крылов, замени сержанта. Стрелять только по моей команде.

Вертолеты зашли на бомбометание. В небе появились светлячки, которые, падая на землю, разгорались, выхватывая из темноты что-то черное и жуткое, заполнившее ущелье. Бомбы, упав на землю, какое-то время продолжали гореть, тускнели и гасли.

Горловина ущелья не давала «духам» рассредоточиться. Они катились безмолвной массой костей, мяса и плоти, из которой невозможно было вырваться, спрятаться, притаиться. Передние ряды застопорили движение, подняв невообразимый гвалт, но задние надавили, и вся дико закричавшая толпа с воплем ринулась в атаку. Выстрелы гранатомета вырывали людей из обезумевшей толпы, но ряды смыкались, и новые смертники вступали в поединок со смертью.

Кудрин с ужасом смотрел на серую массу людей, заполонивших горловину ущелья. Он вскочил на ноги, передернул затвор автомата и, не спуская глаз с орущей толпы, протяжно крикнул: «Огонь!». Крылов что-то пробормотал и, сжав тело, как пружину, ударил длинной очередью, прорезав широкую просеку в набегавшем людском потоке. Затем плавно довернул ствол и без суеты скосил всю первую шеренгу наступающих свинцовым шквалом. Толпа громко зарыдала, завизжала, захныкала, застонала, заорала жутким гулом. А из ущелья выкатилась новая волна, которая была намного грознее первого шквала наступающих.

Сплошной линией перегородила путь наступающих заградительная черта взрывов. Кто-то все же переступил ее, но тут же упал, скошенный очередью пулемета. Их нагнала третья волна и сходу смела.

Кудрин размахнулся и кинул гранату. Она упала под ноги толстому, в длиннополом халате, душману. Тот успел заметить ее, дико закричал и попытался остановиться, упасть, спрятаться, провалиться сквозь землю. Но сзади толкнули, и, падая, он продолжал кричать истошным срывающимся голосом. Его тело не успело коснуться земли и, подкинутое взрывной волной, отлетело назад в объятия новой жертвы. Огромный бородатый детина попытался бросить гранату, запнулся и вместе с ней упал в самую гущу мечущейся толпы. В горячке боя мало кто заметил, что погасли осветительные ракеты и снова нарастает шум вертолетных двигателей. Словно сварка, прорезали темень яркие вспышки. Земля вздрогнула от десятков снарядов, вонзившихся в ее чрево. Ракеты рвали все живое на своем пути, уничтожая остатки тройного вала наступающих. Разрывы чередовались, пропахивая каждый метр каменного грунта. Невозможно было понять, как можно выдержать этот ад, не сойти с ума, остаться живым.

Десантники не стреляли. Они в оцепенении смотрели на вереницу разрывов, разносивших людей в клочья. Садыкова стошнило. Крылов икал, уткнувшись лицом в землю. Губы побледневшего лейтенанта Кудрина выдавили вслух: «Ну и мясорубка».

Вертолеты прекратили атаку, и снова в небе повисли ракеты, осветившие страшное ущелье. Вокруг все стонало и корчилось в предсмертных судорогах. Оставшиеся в живых люди, оглушенные, подавленные, безразличные к жизни и смерти, не таясь, в полный рост брели в обратную сторону. Раненые стонали, тщетно звали на помощь. Кто-то предложил провести переговоры.

Ахмет, узнай, что они хотят, — нарушил жуткое молчание лейтенант.

Афганец перекинулся несколькими словами с невидимым собеседником и, повернувшись к Кудрину, объяснил:

- Просят разрешить подобрать раненых. Я ответил, что мы согласны. Думаю, вы не будете против?
 - Наоборот. Спасибо, хоть догадались.

Всем своим видом показывая миролюбие, подняв высоко над головой горящие факелы, душманы медленно двигались по ущелью. Обогнав их, с двумя факелами в руках на пригорок поднялся мулла и стал читать молитву.

Кудрин неожиданно для самого себя вскочил на ноги, встал на снарядный ящик и замер в неподвижности. Враги заметили его, одобрительно загалдели. Так он и стоял у всех на виду, иногда сталкиваясь взглядом с грустными глазами муллы. Лейтенанта толкнули в бок, и четыре руки решительно стащили с ящика.

- В чем дело, сержант?
- Не надо, командир, так стоять. Чем черт не шутит, стрельнут.

Он сам понимал, что задержался на пьедестале и стал хорошей мишенью для их снайпера. Лейтенант повернулся и молча зашагал в глубину своих позиций. Садыков и Ахмет молчком шли рядом.

«Итак, в ущелье все кончено. Будем думать, Олег Константиныч, как жить дальше, — подумал Кудрин, остановившись около медпункта. — Теперь вход в ущелье закрыт накрепко. Выход тоже перекрыт, и не сунутся они с севера. Перед рассветом попасть в мешок и быть расстрелянным вертушками мало кто захочет. Остается звериная тропа. Навязалась она на мою голову, будь неладна. Здесь не прорвались — там обязательно полезут. Пожалуй, самое уязвимое место. И вертолеты мало помогут. В такой темноте точности не будет, да и узковата она. Надо перебираться к тропе».

Он остановился и положил руку на плечо Садыкова:

— Рустам, останешься здесь за старшего. Я с Ах-

метом — на тропу. Чаще освещай местность и наводи вертолеты, радиста оставим тебе.

— Будь спок, командир, как говорит товарищ Кацо. «Духи» получили свое, даже сверх меры. Надо будет — добавим еще. Скоро утро, там подмога придет. Все будет в ажуре.

Усман Алиханов не слезал с коня, готовый в любую минуту немедленно пустить своего Аргамака обратно в лагерь творить суд и расправу. Наконец появилась конница во главе с Мамедом Керимовым. Позади — пеший отряд новобранцев и отдельный батальон чалмистов.

- Хозяин, отрапортовал запыленный с ног до головы Мамед Керимов. Ваш приказ выполнен, люди прибыли. Базарбая пришлось связать и доставить к вам.
 - Что сделал этот сын шакала?
- Он приказал закрыть ворота и не пускать нас в лагерь. Заявил, что ваша власть, аксакал, кончилась и теперь он главный в лагере. Пригрозил, что откроет огонь из сторожевых пулеметов, если мы не уберемся вслед за вами. Я хотел брать ворота штурмом, но тут подъехали на автомобиле советники. Узнав, в чем дело, вправили Базарбаю мозги, выделили грузовики и передали вам, аксакал, пожелание удачи. Из-за этой гиены мы потеряли минут пятнадцать времени. Вот он, перед вами, скинул Мамед с крупа лошади обвязанного веревками человека.
- Развяжите его, распорядился Алиханов. Когда Базарбай встал на ноги, добавил: Говори, как выполняешь мои указания?

Толстяк расплылся в льстивой улыбке, упал на колени, чмокнул полу халата старика и елейным голосом заговорил:

— Усман-хан, да продлит твои годы Аллах, дай сказать слово твоему верному слуге, который может попасть в немилость твою из-за грязных слов возомнившего о себе Мамеда Керимова.

- Довольно, лиса, чесать языком! Объясни, шакал, почему не пускал моих людей в лагерь? Да поскорей оправдывайся, иначе без покаяния помрешь.
- Я подумал, что они бросили тебя. Разве можно напугать настоящих воинов двумя стальными трубками?
- Значит, две стальные трубки для тебя чепуха, Базарбай? Хорошо. Ты возглавишь наступление на неверных. Подожди благодарить. Даю тебе всех людей, кроме батальона чалмистов и моего отряда. Атаку провести тремя волнами. Думаю, воинов у тебя предостаточно. А позади вас я поставлю два пулемета и за одним будет лежать Мамед Керимов. Он лучший стрелок в лагере, об этом ты хорошо знаешь. Тебе, Мамед, приказываю: если вдруг Базарбай не справится с поставленной задачей, открыть огонь на уничтожение трусов. Понял, Базарбай? Горе тебе, если ты проиграешь...

Алиханов слез с коня и, подняв руку, установил мертвую тишину.

— Земляки. Я буду жесток сегодня с вами. Так поступать велит необходимость и наш всемогущий Аллах. Дорогу на родину нам преградила шайка неверных, высадившихся из стальных птиц. Необходимо смять их заслон, уничтожить иноверцев и освободить караван. Обратной дороги нет, дети мои. Трусы будут расстреляны огнем пулеметов моих телохранителей. Ваш командир — сотник Базарбай, он и поведет вас в бой. Спешите, пока не вернулись стальные птицы. Да хранит вас Аллах.

Он встал на колени, и вслед за ним рухнули сотни людей. Слова молитвы слились в монотонный гул, из которого выделялся красивый баритон воинственного муллы.

Алиханов вскочил на ноги и обратился к Мамеду Керимову, но так, чтобы слышали стоявшие рядом воины:

— Поставь пулеметы и положи за них метких стрелков. Открывать огонь по трусам без команды, — затем повернулся к поникшему Базарбаю и отрывисто бросил: — Это тебе не в лагере дурака валять.

Окруженный телохранителями с горящими факелами в руках, он стоял, обняв за холку своего коня, и жестко смотрел вслед уходящим в темноту отрядам. Подозвал командира чалмистов, молодого, с решительными чертами лица сотника, развернул потрепанную карту.

— Рафис, отбери пяток удалых бойцов и направь их через перевал в тыл русским. К рассвету они должны быть там. Они ударят в спину, мы вырвем караван из рук неверных. Помни, необходимо успеть до первых лучей солнца, иначе к ним подойдет подкрепление и стальные птицы уничтожат нас. Все, выполняй.

Из ущелья донеслись выстрелы, ударил пулемет, бухнули разрывы гранат. Донеслись истошные крики наступающих, и старик замер в ожидании.

Впереди творилась дикая и ужасная бойня. Шеренги шли во весь рост и падали, скошенные очередями пулеметов и автоматов десантников. Бесполезно Базарбай носился позади наступающих цепей, хлестал плеткой малодушных воинов, паля из револьвера по убегающим.

Предупредительно тявкнули тяжелые пулеметы, и рой пуль прижал бежавших к земле. Мамед выскочил из-за пулемета и заорал во все горло:

— Вперед! Вперед! Все вперед!

Толпа ахнула в общем стоне. Поднять кого-либо в атаку было уже невозможно.

Чуда, на которое надеялся Усман-хан, не случилось. В небе появились вертолеты. Усман прыгнул в седло и поскакал туда, где рвались бомбы и умирали его земляки. Мамед схватил жеребца Алиханова за узду, остановил его. Разгневанный Усман ударил плеткой своего верного телохранителя, хлестнул и коня. Охранники замкнули вокруг кольцо и оттеснили Усмана в глубь ущелья.

Вертолеты повесили осветительные ракеты. Десантники не стреляли, давая возможность оставшимся в живых выбраться из кровавой мясорубки.

Усман проглотил слюну, старчески прокашлялся и, указывая плеткой на ущелье, промолвил: — Зажгите факелы, договоритесь о перемирии. Надо подобрать раненых и погибших. Уберите пулеметы, страх здесь бессилен что-либо изменить. А ты, Мамед, приведи этого труса... держать ответ.

Телохранители подтащили упирающегося, смертельно бледного Базарбая. Алиханов с оттяжкой ударил плеткой по его трясущейся физиономии и, глядя прямо в глаза, сказал:

- Ты умрешь, собака, лютой смертью. Это ты, завистливая харя, виноват в гибели людей и в моем проигрыше. Ты протянул время там, в лагере, и дал возможность вернуться вертолетам. У русских не хватило бы патронов отбиться. Воины растоптали бы, смяли кучку неверных и спасли караван. Будь проклят ты, Базарбай, и пусть не будет тебе покоя на том свете. Керимов, посадите его на кол, пусть помрет лютой смертью.
- Не надо, Усман-ага, не надо, завопил толстяк, валяясь в ногах Алиханова. Старик отвернул голову, напряженно сжимая кобуру маузера. Охранники схватили Базарбая, связали его руки поясом, заткнули рот куском размотанной чалмы и, вытаскивая ножи, подтащили к отвесной скале. Прозвучал сухой выстрел маузера. Колени Базарбая подкосились и, хватая живительный воздух беззубым ртом, он замер на руках телохранителей. Те отпрянули от него, как от прокаженного, бросив дергающееся тело в пыль. Старик сунул дымящийся маузер в кобуру, взял за узду жеребца:
- Здесь нам делать больше нечего. Вертолеты уничтожат нас всех, прежде чем мы подойдем к русским. Оставим несколько человек с гранатометом, пусть исправно обстреливают их позиции. Вы, он повернулся к командиру батальона чалмистов, двигайтесь за проводником. Торопитесь, если не успеете до утра вертолеты уничтожат вас.
 - Понял. Усман-ага, а вы?
- Мы будем ждать вашей атаки. Они оставят здесь лишь прикрытие, и я со своими телохранителями со-

мну их в момент вашей атаки. Надеюсь встретить вас живыми на трупах наших врагов. Аминь...

Он повернул коня и, тронув за плечо Керимова, прошептал:

- Здесь пахнет мертвечиной, Мамед. Отойдем назад.
- Смотрите, хозяин! воскликнул верный джигит, указывая плеткой вдаль. На позиции русских в свете факелов застыла фигура одинокого человека.
- Командир! Я сниму его одним выстрелом, оживленно проговорил Керимов, скидывая с плеча автомат. Но удар плеткой охладил его пыл:
- Мамед, моя плетка не всегда бьет без пользы. Разве ты не видишь, что это их командир-смельчак? Это сердобольный человек, и я уважаю его за смелость и доброту. По всему видно, что он молод, как и ты, не чета трусу Базарбаю, который только и умел прятаться за чужие спины. Надо уважать смелого врага. Распорядись открыть огонь из гранатомета сразу же, как уберут раненых. Не трогай русского, Мамед. Меня найдешь в той лощине, где поили коней. За мной, джигиты.

Глава 4

В небе гудели вертолеты. На горной вершине вспыхнул огонек костра.

— Обогреваются, гады, — подумал лейтенант Кудрин, перескакивая через тушу верблюда и направляясь в нишу радиста. — Ну давай, давай, — разозлился он. — Мало вас учили уму-разуму, поучим еще.

Он приказал Ларину связаться с вертолетчиками и с нетерпением схватил наушники:

- Три тройки! Волга с вами говорит! Наглецы чаевничать вздумали, взгрейте их как следует.
- Видим, Олег, назвал его по имени Садков. 261-й на подходе. Пусть заварку бросят, а сахарком мы угостим.

Кудрин успокоился и, захватив с собой радиста, направился на середину участка обороны.

- Ищи, Миша, укрытие и располагайся. Теперь твое место здесь.
- Понял, командир, весело отозвался Ларин. —
 Мы сварганим укрытие.

У подножия тропы расположились десантники во главе с сержантом Ефремовым. Ковырялись в земле, окапывались.

- Тихо у вас? спросил Кудрин сержанта.
- Тихо, командир. Только позиция мне не нравится, закидают гранатами.

Лейтенант понимал, что местность для обороны выбрана неудачно. Тропа круто уходила вверх, и душманы непременно воспользуются преимуществом высоты. На рассвете снайперы будут стрелять сверху вниз. Отойти к северной стороне ущелья и отдать южную без боя? Но в такой темноте «духи» подползут, как змеи, и задавят количеством. Повесить осветительные? Нас тоже, как на ладони, видно будет. Навести вертолеты на ущелье? Сами пострадаем от осколков. Отойти под козырек скалы? Закидают гранатами. Где же выход?

- Командир! А что, если мы заминируем тропу, послышался голос сержанта. Как горохом посыплем мины по всему склону. Тогда им придется атаковать только с этого плато. Мы отойдем на северную сторону и сосредоточим огонь на этом пятачке. В трудную минуту отойдем к медпункту, а сюда наведем вертолеты.
 - Ты думаешь, успеем заминировать?
- А я проявил инициативу, тропу мы уже заминировали, осталось здесь. Мины немного прикроем и рассеем по краю ущелья. Не будут же «духи» со спичками искать их. Пока поймут, в чем дело, глядишь, и рассвет. А утром им крышка.
- Крышка, говоришь... Хорошо. Возьми всех свободных и минируй. А мы отходим на северную сторону.

Лейтенант совсем забыл о разозлившем его костре. И внезапный залповый выстрел, разорвавший тревожную тишину, заставил его вздрогнуть и оглянуться. Костра как будто и не бывало. Для верности вертолетчики дали повторный залп.

— Вот и чайку попили, — усмехнулся он, — да еще с сахаром...

Кудрин никогда не узнает, что прибывшие вскоре чалмисты обнаружили десяток обгоревших, разбросанных трупов и чуть в стороне — бездыханное тело Тур Мухамеда. В живых от охраны каравана остался один лишь посланный Тур Мухамедом гонец, который вскоре, подорвавшись на мине, вознесется на небеса вслед за товарищами.

Лейтенант удовлетворенно колупнул грунт саперной лопаткой и вдруг неожиданно услышал свист, и метрах в двадцати от него раздался взрыв. Ничего не поняв, он упал на землю и задрал голову. Второй взрыв, подкинувший труп верблюда, рассеял сомнения.

- Этого еще не хватало, гранатомет подтащили, выругался он. Поискал глазами кого-нибудь. Темнота, словно все вымерли.
 - Есть кто живой? крикнул он.
- Я живой, появилась неунывающая физиономия Самошвили.
- Кацо! Быстро к Садыкову. Пусть организует уничтожение гранатомета. В лепешку расшибитесь, но заткните ему глотку. Иначе не дотянем до рассвета, накроют минами.

Самошвили, вспомнив про устав, лихо вскинул руку к головному убору, но, услышав свист мины, тут же распластался на животе.

Когда Олег поднял голову, грузина уже не было. Самошвили подбежал к сержанту Садыкову и выпалил:

Командир приказал уничтожить пушку. Скорее!
 Тянуть надо до утра.

Садыков, несмотря на серьезность положения, улыбнулся:

- Пушку, говоришь? Хорошо. Попробуем. Пойдешь со мной?
- Айда, Рустам, и в огонь, и воду.
 - Про медные трубы не забудь, пошутили рядом.

Сержант молниеносно составил план. Решил под видом отходящих «духов» подползти к гранатомету и уничтожить его. А дальше — как получится.

Они сняли с себя маскхалаты, напялили замызганные, воняющие дымом и потом халаты. Кое-как обмотали головы длинными кусками материи. Садыков осмотрел с ног до головы грузина и, повернувшись к ефрейтору Лунину, с усмешкой сказал:

- Вылитый Ахмат-хан. Душман Самошвили, вы готовы?
- Так точно, хозяин. Молиться будем?
- После помолимся, Кацо... Когда вернемся. Стреляют, сволочи.

Над головой пролетела очередная граната и разорвалась в глубине ущелья, беспорядочно разбрасывая смертоносные осколки.

Уничтожить гранатомет было чрезвычайно трудно, но необходимо. Поэтому сержант торопился.

— Лунин, остаешься за меня. Передай вертолетчикам, что пойдем по западной стороне ущелья. Понадобится помощь — дам знать ракетами, пусть бьют по восточной. Ну, Кацо, Аллах с нами.

Он перескочил через линию обороны и на мгновение ощутил холод одиночества. Невольно оглянулся на товарищей, как бы прощаясь с ними. Позади запыхтел Самошвили, и они поползли, натыкаясь на валуны и безмолвные трупы людей. Случайно Садыков прикоснулся к липкому холодному лицу и резко отдернул руку. Захотелось вымыть ее — так омерзительна была встреча со смертью. Трупов попадалось все меньше, и Садыков понял, что они вышли из зоны вертолетной атаки. Проползли еще метров двести и неожиданно услышали приглушенные голоса.

Минут пять лежали, прислушиваясь. Поняли — боевое охранение. Должно быть, двое. Хриплый голос о

чем-то рассказывал напарнику, который время от времени нервно затягивался сигаретой. «Влепить бы пулю по огоньку, — подумал Садыков. — Нельзя, шум подымется, надо снять осторожно, тихо».

— Кацо, — прошептал он, — ложись ко мне на спину, стони, как можно сильнее и приготовь нож. Приблизимся вплотную — бей левого, а я правого. Если больше двоих, придется пошуметь. Может, обойдется.

Грузин обхватил сержанта за шею, взгромоздился на него, зажав нож в зубах, и застонал. Садыков привстал на колени, затем выпрямился во весь рост и сделал первый шаг. Под ногами предательски зашуршали голыши. Голоса смолкли, щелкнули затворы автоматов. Хриплый голос о чем-то спросил и, не дождавшись ответа, тревожно крикнул. Садыков ущипнул Самошвили за ноги, тот застонал в ответ. Шаг за шагом они приблизились к охранению. «Духи», прошедшие огненный ад воздушной и рукопашной мясорубки, сочувственно переговаривались и тревоги не поднимали, ожидая увидеть полуживых бедолаг, возвращавшихся из неудачной атаки. Сержант осторожно снял со спины стонавшего Самошвили. Будто в изнеможении, прислонился к скале, вытащив из кармана нож. Его снова окликнули. Он промычал что-то в ответ. Из темноты выступили двое. Один подошел к грузину, держа в левой руке автомат. Склонился над ним, пытаясь выяснить, куда он ранен. Второй похлопал по плечу Садыкова и ободряюще затараторил на своем языке. Так и не вытащив нож, сержант опрокинул его на землю и оглушил ударом сапога в висок. Оглянулся и увидел резкий выпад правой руки грузина в сторону нагнувшегося «духа». Тот упал на Самошвили, который вторым ударом прикончил его.

Вдвоем они быстро связали руки и ноги, заткнули рот не пришедшему в сознание «крестнику» Садыкова. Не таясь, побежали по ущелью.

За поворотом тропы показался слабый огонек. Они остановились и замерли в ночной тьме. Костер горел в небольшой пещерке. Полукругом сидели несколько человек. Лица их были хмуры. Скупо перекидывались фразами, потрясенные пережитым недавно испытанием. Держали в руках кто кружку, кто консервную банку, отхлебывая из них горячий чай. Оружие лежало в стороне, забытое и никому не нужное. В отблесках пламени мерцал гранатомет, расположенный на открытой местности.

Садыков рукой указал грузину на костер, ткнул пальцем себя в грудь и указал на гранатомет. Кацо закивал головой и прошептал:

— Понял, Рустам.

Около гранатомета суетились двое молодых веселых душ-манов, третий угрюмо наблюдал за ними. После каждого выстрела они удовлетворенно хмыкали и готовились к новому выстрелу. Эти двое, вероятно, не участвовали в рукопашной схватке. Совсем молодые парни радовались жизни, надеясь, что беда обошла их стороной. Угрюмый поторапливал их. Еще не очухавшись от страшного боя, он был зол на весь мир и торопился отомстить русским, которые захватили караван, защищаются, а не спасаются бегством, как сделал недавно он. Угрюмый первым заметил выступившего из темноты Садыкова, растерянно заморгал глазами, поперхнулся, произнеся протяжное «a-a-a». Двое весельчаков удивленно взглянули на него. Один украдкой повертел пальцем у виска и, сдерживая смех, подал гранату товарищу.

Садыков выпрямился во весь рост. Чалма на его голове размоталась, и конец ее свесился на землю. Халат он скинул, и в своем «хэбэ» почувствовал себя уверенней. Не торопясь, размахнулся и одну за другой швырнул две гранаты, спрятавшись за выступ скалы. Первая ударила в грудь оцепеневшего от страха угрюмого, отскочила к ногам и взорвалась, отбросив его

тело на ствол гранатомета. Вторая граната упала между весельчаками, изрешетив их осколками. Сержант выскочил из укрытия, оттолкнул труп угрюмого и сунул гранату в ствол гранатомета. Раздался глухой взрыв.

Самошвили не стал долго раздумывать. Все его гранаты полетели в середину костра, разметав людей в разные стороны. Для верности пустил веером длинную очередь из автомата. Приподнялся с земли и приблизился к трупам. Машинально ковырнул носком сапога тлеющие головешки костра. Обошел всех семерых убитых, которые в разных позах застыли на камнях. Посмотрел первому в лицо и отшатнулся. На безусом молодом лице застыла вечная добрая улыбка. Глаза смотрели на грузина, как бы пытаясь рассказать ему веселую историю. Кацо подумал, что он жив. Взял теплую ладонь, пощупал пульс. Пульса не было.

Смерть душмана потрясла его. Молодой парень, не старше него. И почему он так хорошо улыбался, сидя у костра? Самошвили захотелось вернуться обратно, еще раз посмотреть на доброе веселое лицо парня и, может быть, спасти его. Но вспомнив о красных пятнах на груди душмана, он отбросил эту мысль и ускорил шаги. Неосторожно толкнул в спину Садыкова, который удивленно оглянулся:

— Ты как лунатик, Кацо. Что тебе, места мало? Или все переживаешь? Самошвили промолчал и обогнал сержанта. Бояться было некого, и они шли в полный рост. Тишину нарушил выстрел из винтовки, потом еще один. Чем-то обожгло живот грузина. Он недоуменно поднял голову и тут же застонал от резкой боли, ноги подкосились, и он рухнул на спину. Садыков волчком крутанулся на земле и, не обращая внимания на боль в правом плече, выпустил длинную очередь из автомата в сторону выстрелов. Быстро перезарядил его и, стреляя на ходу, бросился вперед. Его душман, тот самый, которому связали руки и ноги, дергался в судорогах. Руки его были развязаны и сжимали винтовку. Очередь

из автомата сержанта вошла в голову душмана, изуродовав лицо и шею. Он еще услышал шаги Садыкова, с трудом поднял свое изуродованное лицо, превращенное в развороченный кусок пульсирующего мяса, жалобно простонал и затих, уткнувшись кровавым месивом в песчаную пыль. Садыкова, как на входе в ущелье, снова чуть не вырвало. Он отвернулся и нагнулся над телом грузина, обмотал бинтом его живот и взвалил на спину. Теперь он брел обратно, и снова грузин лежал на его спине и снова стонал разрывающим душу голосом. У сержанта подкашивались ноги, хотелось протереть глаза, которые щипало от пота и слез, выступивших от перенапряжения. Жгло рану, гудело в голове. Как заведенный, он упорно передвигал ноги, пока не свалился на землю. Встать он не смог и тогда пополз, как червяк, таща за собой грузина. С трудом вытащил ракетницу и выстрелил в небо.

Их ждали. Подхватили под руки Самошвили. Кто-то сунул фляжку в губы Садыкова, который взахлеб опорожнил ее. Вверху загудели вертолеты. Ларин бросился к рации и предупредил вертолетчиков о ложной тревоге. Когда он вернулся, Садыков подозвал его:

— Забирай ребят и — к лейтенанту. Оставь мне пулемет, не бойся, они тут не пойдут, а там будет жарко. Доложи: гранатомет уничтожен. Матвееву передайте: за жизнь Кацо отвечает головой, так и передай — головой. А теперь идите, — устало проговорил он, удобней устраиваясь за пулеметом.

Вновь наступила тишина. Зловещая, предутренняя. И только утюжили небо невидимые вертолеты.

Самое безопасное место было под козырьком скалы, где расположился фельдшер Матвеев. Он сновал между носилками и поил раненых водой. Воды оставалось мало, и вся она была сосредоточена в руках Юрия. Кудрин приказал вырыть котлован и обложить его камнями. Сюда собрали всех раненых, а в дальнем углу

положили убитых. Пленный освоился со своим положением и неутомимо носился среди раненых, стараясь заслужить доверие сердитого доктора.

Ахмет сел рядом с Кудриным. Второй афганец, неразговорчивый, с обожженным лицом — Хасан, куда-то запропастился, что в равной степени волновало обоих.

- Как думаешь, Ахмет? Где он? спросил Кудрин.
- Мститель-одиночка. Засел где-нибудь с ножом и поджидает жертву.
 - Может, Махмуд видел его?

Пленный утвердительно замотал головой и, указывая рукой на север, затараторил. Ахмет оживился:

- Гляди-ка, справочное бюро. Возьму его в свою команду, глазастый, черт. Говорит, что Хасан ушел следом за ленинградцами. Он, Олег, жареного петуха носом чует, надо бы еще послать кого-нибудь им в подкрепление.
- Людей мало, Ахмет. Видишь, в котловане большинство ребят. Если бы не Садыков с Самошвили все бы там были. Огонь гранатомета по пристрелянной цели опасная штука. Кстати, Ахмет, сержант ранен и остался один. Вот кому необходимо послать подкрепление.
- Идти надо мне. Я думаю, мой отец не захочет лазить по горам, сойдя с коня. Не тот возраст. Старик неплохой стратег, всю жизнь с кем-нибудь дерется. Если я не ошибаюсь, основной удар нанесут отсюда, а вспомогательный с обоих выходов из ущелья. Людей у отца много, и он может себе позволить распылить силы.
- По докладу Садыкова, на входе в ущелье душманов нет.
- Они могли спрятаться в какую-нибудь лощинку или каньон, выждать и ударить.
 - Убедил, Ахмет. Двигай к сержанту.

Ахмет подозвал пленного и долго ему что-то втолковывал. Махмуд кивнул головой и приложил руки к груди, с уважением посмотрев на Кудрина.

— Я ему сказал, если что случится со мной, держись

командира. Неплохой парнишка. Говорит, раз я его спас, теперь буду ему старшим братом и его долг подчиняться мне. У нас развито чувство почитания старших. Нахваливает моего отца, говорит, старик честный, справедливый человек, а вокруг него одни собаки и кровососы. В этом духе. Мне пора, командир. Скоро утро. Встретимся на рассвете.

Хорошо, Ахмет. Будет худо — отходите к скале,
 здесь будем держаться до последнего.

Лейтенант обошел раненых, задержался около Самошвили. Грузин был без сознания и тяжело стонал. Рядом с перебитыми осколками гранаты ногами лежал Крылов.

Олег взглянул в конец котлована, где лежали семеро погибших ребят его взвода, тяжело вздохнул и вышел наружу. Все боеспособные десантники находились на северной стороне ущелья, метрах в трехстах от медпункта. Кудрин насчитал четырнадцать человек. Садыкова с Ахметом и ленинградцев в расчет не брал, знал, что без приказа они позиции не оставят. В зыбкой полутьме рассвета догорали деревянные ящики, и дым тонкими струйками поднимался в небо. Всюду громоздились скалы, вершины которых терялись в сумрачной темноте. Ущелье выглядело пустынным. Как-то не верилось, что на входе его залегли Садыков и Ахмет, на выходе притаились ленинградцы и где-то спрятался мрачноватый Хасан. Не было видно и котлована с ранеными, скрытого козырьком огромной скалы. Вверху монотонно и однообразно работали двигатели «вертушек». Слух принимал шум двигателей как должное и необходимое. Словно так было всегда. Глаза лейтенанта поочередно выхватывали лица десантников. Он старался отыскать в них что-то особенное, памятное. Это утро и этот бой не повторятся. То, что они сделали и еще предстоит сделать, будет единственным и неповторимым в их жизни делом и, может быть, подвигом. Но лица ребят были спокойными и до обидного обыденными. И вряд ли кто думал о подвиге, о героизме, о возвышенном. Каждый оставался наедине с собой и думал о чем-то своем, сокровенном, скорее всего, совсем отдаленном от настоящей действительности.

Сержант Ефремов кусал стебелек травинки, полуобняв ствол автомата, устремив немигающий взгляд в сумрачную даль.

Рядовой Дима Озеров щелкал патронами, заполняя пулеметную ленту, что-то бубня себе под нос: то ли напевая песню, то ли считая патроны.

Снайпер Аркаша Старостин, прищурившись, смотрел в оптический прицел.

Миша Ларин прислонился к рации и дремал с наушниками на ушах.

Остальных десантников не было видно. И предстоящий бой показался Олегу нереальным и невероятным, противоестественным в этой идиллии наступающего рассвета. Не хотелось верить, что нарушат тишину разрывы мин и снарядов, снова прольется кровь. И эти парни, его родные ребята, забудут о матерях и невестах, отбросят усталость и застрочат из автоматов с яростными и злыми лицами. И ему самому будет некогда философствовать. Как все, он азартно и безжалостно будет стрелять и стрелять в таких же озверевших врагов.

«Еще часок, и нам сам черт не страшен, — удовлетворенно подумал он, взглянув на часы. — Наши где-то на подходе, да и десант можно будет высадить поутряне. Может, и ошиблись мы с Ахметом? «Духи», махнув рукой на караван, убрались восвояси? Все, что ни делается, — к лучшему. Однако не затем положил Усман Алиханов своих людей там, на входе, чтобы смириться с поражением. Старик с гонором, тем более, рвется на родину. Надо ждать...»

Он встрепенулся от разрыва мины, потом еще одной. Послышался чей-то жалобный крик. По спине пробежал озноб, стало страшно. «Сейчас пойдут!» — решил Кудрин. Вскинул руку и выстрелил осветительную ракету. Радостно понял, что темень отступает, и с каж-

дой минутой становится светлее. Приставил к глазам бинокль и напряг зрение. В утренней дымке различил маленькие фигурки людей, спускающихся по склону тропы. Впереди на карачках ползли несколько человек, отыскивая мины и тут же обезвреживая их. То и дело раздавались взрывы. Поняв, что обнаружены, «духи» пошли напролом, погнав впереди смертников.

- Ларин! Передай вертолетчикам: полезли и здесь. Радист включил рацию. В наушниках затрещало и Михаил услышал голос 261-го.
- Броня на подходе. Через полчаса будет на месте. Противника не наблюдаю, работаю по разрывам мин. Как поняли?
- Командир, крикнул Ларин Кудрину, броня будет через полчаса. Дим Димыч спрашивает: работать по разрывам мин? Душманов не наблюдает.
- Передай, работать с курсом двести градусов, строго вверх, крикнул радисту лейтенант, пристраиваясь около пулеметчика.

Капитан Голиков знал свое дело. Султаны разрывов накрыли смертников, заставив основную массу наступающих отхлынуть назад. Душманы рассредоточились по краям тропы, и теперь отвесные скалы предохраняли их от прямых попаданий реактивных снарядов. Некоторые смельчаки пытались, минуя узкий пятачок, переползти в ущелье, но были остановлены серией внезапных подрывов замаскированных мин. Сотник Рафис, командир батальона чалмистов, очень гордился расположением Усмана Алиханова. Теперь он должен оправдать доверие старого хана и разбить этих русских. Базарбай поторопился встать на пути старика и безжалостно раздавлен. Туда ему и дорога. Теперь он, Рафис, займет его место. Путь к почестям и славе идет через это проклятое ущелье. Он сломит сопротивление неверных, возьмет караван и даст старику прорваться на родину. Рафис хорошо понимал, что под

непрерывными ударами вертолетов их воинство не выдержит. Исход боя может решить одна мощная атака в лоб. Необходимо пожертвовать ударным отрядом головорезов, прошедших спецподготовку и названных стариком Усманом чалмистами. Потерь среди них не было. Они шли сзади, по следам «пушечного мяса». От общей массы душманов они отличались молодостью, отвагой, организованностью и дисциплиной. Самое главное — утопической верой в ислам и ненавистью ко всем иноверцам. У них была и своя форма, позволяющая отличить чалмиста от всякого сброда: белая чалма, красиво обмотанная вокруг головы, черные халаты, подогнанные по размеру, кожаные полусапожки или хромовые сапоги, плотно обтягивающие икры ног. Они были опоясаны широким ремнем, на котором болтались гранаты и запасные рожки. У каждого — современный автомат, в кобуре на боку — пистолет и в чехле под халатом — нож.

Все же Рафис сделал серьезную ошибку, не захватив с собой миноискатель и гранатомет. Теперь он наверстывал упущенное, посылая жалких оборванцев торить дорогу чалмистам. Он махнул рукой, и его элита, скользя, как змеи, маскируясь за трупами убитых, заняла плато.

Снайпер Аркадий Старостин вопросительно взглянул на лейтенанта.

 Давай, Аркаша, выбирай чернохалатников, создай им нервную обстановку.

Кудрин повернулся к Ефремову:

— Игорь, первыми атакуют чалмисты. Передай по цепочке: надо заставить их залечь. Затем быстро все под козырек скалы. Сюда наведем вертолеты. Броня на подходе, продержимся. Огонь по моей команде.

Старостин неторопливо передергивал затвор «снайперки», выискивал жертву в оптический прицел и плавно нажимал на курок. Отсюда не было видно результатов стрельбы. Но по первым вскрикам можно

было судить, что такое положение долго не продержится, и душманы поторопятся с атакой.

- Командир! «Духи» пошли, крикнул, оторвавшись от прицела, Старостин, торопливо передергивая затвор и почти не целясь, стрелял в сгрудившуюся на пятачке толпу.
- Вижу, процедил сквозь зубы Кудрин, опуская бинокль и выкладывая на бруствер ручные гранаты. Повернулся к пулеметчику. Уменьши прицел, не суетись, жарь длинными, заставь их залечь.

Мощный рев сотни глоток ворвался в предрассветную тишину. Сплошная серая масса спустилась с плато в ущелье, начала наступление. Казалось, этот черный поток вырвавшейся на свободу горной реки не сможет остановить никакая сила, что он сметет все препятствия на своем пути. Разгоряченный, подхваченный общим воем Рафис, размахивая наганом, рвался протолкнуться вперед, устремляясь навстречу гибели.

Лейтенант сохранил спокойствие до последней минуты. Он отбросил ставший ненужным бинокль. Как там, на входе в ущелье, все казалось невероятным, нереальным, происходящим не с ним, совсем не вписывающимся в красоту наступающего утра. Он неожиданно громко простонал, представив этих людей в той омерзительной картине смерти, которая открылась ему там, на входе. Помедлил секунду, чувствуя на себе недоумевающие взгляды ребят, и решительно махнул рукой.

Кинжальный огонь пулемета врезался в толпу. Застрочили автоматы, и редко какая пуля пролетала мимо. Чалмисты падали десятками. Живые давили раненых и упавших, ступали по трупам, упорно преодолевая оставшиеся метры до десантников. А на открытое плато стекали новые волны душманов и устремлялись вслед товарищам. Метрах в тридцати атака чалмистов выдохлась. Трудно было понять, кто убит, а кто жив — так густо чернели тела на песчаном грунте.

Кудрин отчетливо понял, что подошел предел воз-

можностей. Если он не предпримет что-либо экстренное, им не сдержать удара залегших вблизи чалмистов.

— Дима, передай по цепочке: всем отходить к скале немедленно! Я прикрою, — крикнул он Озерову, лежавшему за пулеметом. — Ларин, вызывай огонь вертолетов на себя, бросай рацию и — к скале. Только быстрее, ради Бога!

Пулемет неожиданно смолк. Кончилась лента. Ктото протянул Олегу новую. Краем глаза заметил Озерова, выругался и снова нажал на гашетку.

- Командир! Вертолеты атакуют, услышал он голос Ларина.
- И этот тут, разозлился Кудрин и, оглянувшись назад, заметил, что большинство десантников приблизились к спасительной скале. Из котлована им протягивали патронные рожки, ручные гранаты, и ребята падали в укрытия, огнем прикрывая командира.
- Миша, отходите, крикнул лейтенант радисту, зарядив новую ленту в пулемет.
 - А вы, командир?
 - Двигайте. Марш в укрытие оба. Я следом.

Михаил вскочил на ноги и побежал. Запнулся о камень и ткнулся носом в чье-то тело. Удивился, увидев живого и невредимого пленного.

— Ты чего? — угрожающе рыкнул на Махмуда. — Сбежать хочешь?

Тот глазами показал на Кудрина и, схватив Ларина за рукав, что-то затараторил. Оглушительный грохот прервал их объяснения. Несколько ракет попали в ящики с боеприпасами, которые взорвались, разнося в клочья набегающую толпу. Обезумевшие люди метались в логове дыма и гари, вскидывая в ужасе руки, кричали, пытаясь вырваться из огненного ада. Позади них бушевало всепожирающее море огня, впереди строчили автоматы в руках десантников, а с безоблачного неба убийственно грохотал ракетный гром вертолетных выстрелов.

Кудрин успел отбежать несколько шагов от пулемета, когда за спиной раздался грохот. Он хотел оглянуться, но что-то ударило в голову и толкнуло в спину. Олег еще успел сообразить, что это взорвались боеприпасы. В глазах его потемнело и, сделав еще шаг, он рухнул на землю. Завыл, закричал пленный афганец. Полуоглохший Ларин с трудом оторвал голову от земли и взглянул на пленного. Перевел взгляд назад, куда тыкал пальцем Махмуд. Вздрогнул от вида горящих людей и подскочил, как на пружине, не увидев нигде командира. Снова услышал бормотание Махмуда. Увидел лежавшего на краю огненного вала Кудрина. Вскочил на ноги и бросился к нему. Махмуд обогнал его и первым склонился над Кудриным, поцокал языком и осторожно приподнял за плечи. Они подхватили тело командира под мышки и, не оглядываясь, потащили в сторону от огня и пламени. Навстречу выскочили сержант Ефремов и Старостин. Наступило утро.

Два ленинградца — Виктор Дектярев и Сергей Неделин — долго выбирали удобную позицию. В принципе выхода из глубокой лощины не было. Она продолжалась и дальше. Но здесь ущелье пересекал узкий, с отвесными скатами, каньон, который, изгибаясь в виде подковы, брал свое начало на той стороне границы.

Лейтенант подробно объяснил им местонахождение каньона. Выходило два километра от медпункта, взятого за точку отсчета. Ближе выходов в лощину не было, и они, добросовестно отсчитав шаги, зажгли факел.

- Мертвецки темно, выругался Виктор, озираясь вокруг. — И какой дурак будет лазить по горам в такую ночь?
- Кому как, отозвался Сергей. Кто в городе никогда не бывал, тому село Ленинградом покажется.
 - Ты-то когда-нибудь в деревне был?
- Случалось. У меня дядя в Поволжье живет. Ездил к нему в гости.

- А я только в пионерлагере город повидал, а так не приходилось.
 - Много потерял. Отстал ты, Витя, от жизни.
 - Стоп, Серега! Вот он, этот каньон. Ошиблись на сто шагов.
 - Ты уверен, что не прошли?
 - Уверен. Ты шаги считал, а я стену ощупывал. Ни одного спуска не было, сплошной камень. Тут расположимся?
- Нет. А вдруг этого аксакала принесет сюда нечистая сила? Прыг из расщелины и заказывай панихиду по рабам Божьим Виктору и Сергею, усопшим по своей глупости. Надо отойти назад и там залечь.
 - Верно, пошли, а то хрен его знает, что у них на уме.
- Потуши, Витя, факел, неприятно. Будто целится кто в тебя.
- Ладно. Считай шаги, выберем позицию и уйдем во мрак.

Отсчитав сто шагов, осмотрели обрывистые скаты. Не обнаружив признаков тропок и сухих русел речушек, установили пулемет, обложили его камнями. Потушили факел и затихли, вслушиваясь в тревожную тишину.

Вдруг послышались легкие шаги и чье-то бормотание. Неделин, перевернувшись на левый бок, крикнул:

- Стоять!
- Своя, своя. Хасана я, отозвался из темноты знакомый голос афганца.
- Ей-богу, Хасан, удивился Дектярев. Тебя командир послал?
- Помощь пришел, сама пришел, душман лезет убивать буду.
- С чего ты взял? Светать скоро будет, а ты «духи». Лейтенанта или Ахмета предупредил?
 - Ага, Махмуда сказал, пошла к вам.
- Нашел кому докладывать. Вечно ты, Хасан, со своими фокусами. Раз пришел, не маячь, ложись рядом.
 - Нет. Дальше надо засад делать, душман вас погоню.

- Откуда им взяться, Хасанчик? Ложись рядом, дорогой, не ерепенься.
- Не уговаривай, Виктор. Он только майора Быстрова слушается. Хасан, мы через часок к своим рванем. Тебя подождать или ты весь день в засаде просидишь?
- Душман старый, умный аксакал, он послал джигит на перевал, хребет. Эта, как ее, дырька выйдет. Я бить их спину, вы пулеметом та-та-та.
- Предложение дельное. Только навряд ли кого тебе бить придется. Слышишь взрывы мин? Полезли, сволочи, на ребят.
 - Возвращаться надо. Нашим трудно придется.

Хасан протестующе замахал руками. Постукал пальцем по циферблату часов:

— Ждать надо, будет душман. Я пошел засад.

Неделин нервно закурил, пряча бычок в широких ладонях.

Минут пятнадцать лежал молча, с беспокойством прислушиваясь к разгоревшемуся бою. Когда ударили вертолеты, не выдержал и вскочил на ноги.

- Уходим, Витек. Кудрин приказал с первыми петухами возвращаться. Там каждый ствол на счету, а мы загораем, ждем у моря погоды.
- Да, штормит у ребят. Хасана предупредить надо, пусть вылазит из своей берлоги.

Неделин кивнул, встал на ноги, отошел метров пятьдесят от пулемета, сложил ладони рупором:

— Хасан! Мы уходим. Догон...— успел крикнуть он, хватаясь руками за грудь и падая на живот.

По ущелью прокатилось эхо одиночных выстрелов. Пуля, взвизгнув, срикошетила о камень у головы Дектярева. Виктор вдруг осознал, что случилось страшное и непоправимое. Понимая, что Неделин убит, все же крикнул:

— Серега, назад! Серега... — он захлебнулся в собственном крике, почувствовав, как больно обожгло ноги. Подтянул их под себя и осторожно выглянул изза камня. Успел заметить несколько чьих-то фигур,

приближающихся к нему. Резко нажал на гашетку пулемета, срезав нападающих длинной очередью.

Забыв о боли, он костерил последними словами «духов», стрелял, стрелял и стрелял. Все же вовремя распознал ползущего Хасана и отвел ствол пулемета в сторону. Афганец сорвал с плеча винтовку и несколькими выстрелами добил оставшихся в живых «духов». Прислушался и победно затряс карабином в воздухе.

Виктор, превозмогая боль в ногах, пополз к Сергею, расстегнул его маскхалат и попытался остановить кровь, заливавшую сильную грудь друга. Прислонил ухо к его сердцу, схватил руку, пытаясь нащупать пульс. Обнял Сергея за плечи и заплакал, уронив голову на бездыханное тело земляка. Вскоре, объезжая их, пронеслись юркие бэтээры, с которых смотрели десятки сочувственных глаз. Виктора обняла Ольга Данилова, ласково погладила волосы, прошептала:

— Мальчики, что они с вами сделали...

Усман Алиханов успокаивал всхрапывающего коня, гладил по упругой шее. Жеребец испуганно танцевал на месте, вздрагивая от выстрелов. Верные воины перебирали поводья в руках, готовые по сигналу старого аксакала пустить лошадей в атаку. Солнце коснулось лучами отвесных скатов лощины, и выглянувший из-за горного выступа Мамед Керимов немедленно доложил:

- Двое с пулеметом. Идут вниз. Что делать будем?
- Лишь бы эти двое не помешали нам. Пока не трогай. Помолимся, Мамед, вложим в руки Аллаха наши души.

Не успели колени Усмана коснуться скалистого грунта, как яркие вспышки прорезали горизонт. Старик встрепенулся и с ненавистью проводил взглядом вертолеты. Понял, что нужно немедленно атаковать, иначе будет поздно.

Он молодо вскочил на своего жеребца, выхватил из кобуры маузер и, потрясая им в воздухе, закричал:

— Вперед! Покараем неверных!

Полусотня, скинув с плеч винтовки, понеслась по ущелью.

Ахмет с тоской смотрел на вершины гор и горестно думал об отце. Перед глазами проносились картины далекого детства, их кишлак и отец, подсаживающий его на круп кобылы. Из дувала выходит счастливая мать и, прищурившись, смотрит на сына. Затем Ахмет держит в руках отцовский маузер и целится в старый горшок, повешенный на изгороди. Отец часто пропадает из дома, и в один несчастный день мать умирает от брюшного тифа. Приходят какие-то люди и посылают Ахмета учиться в Советский Союз.

Грянула революция, и сын обнял постаревшего отца на пороге тюрьмы.

Старик не допускал мысли, что его сын может думать по-иному и является работником органов контрразведки. Они колесили по свету, клянчили оружие и деньги, создавая опорные базы подготовки отрядов. Уходили караваны и банды через границу и попадали в искусно расставленные засады. Нашелся предатель и рассказал все отцу. Усман проклял сына и поклялся своей рукой покарать изменника.

Залп вертолетов и черные клубы дыма, вырвавшиеся в поднебесную высь, накрывшие черной копотью одинокую скалу, где находился последний пункт обороны, заставил Ахмета и Садыкова выскочить на середину ущелья. Послышалась стрельба где-то вблизи. Садыков вопросительно посмотрел на Ахмета. Тот приставил палец к губам и замер в неподвижности. Уловил не вписывающиеся в общий грохот далекие выстрелы.

- В тыл ударили, там ленинградцы и Хасан прикрывают. Неужели отец сам полез в горы? нерешительно проговорил он.
 - Какой еще там отец? Что будем делать, Ахмет?
- Бери пулемет и двигай на подмогу лейтенанту.
 Неужели ошибся, не разгадал старого аксакала?

— Что-то темнишь ты, Ахмет. То отцом, то аксакалом какого-то «духа» называешь, — на ходу бросил Садыков, торопливо засовывая запасные ленты в патронный ящик и взваливая на плечо пулемет.

Ахмет не ответил. Схватив патронный ящик, бросился догонять тяжело идущего сержанта. Впереди вспыхивали зарницы пожара, суетились фигурки людей. С новой силой застрочили автоматы из-под козырька скалы. Вдалеке заклубилась пыль, послышалось урчание двигателей бэтээров. Сержант устало опустил пулемет на землю, обтер панамой пот с лица. Радостно повернулся к Ахмету. Охнув, бросился за пулемет, крикнув:

— Ахмет! Сзади «духи»!

Афганец упал лицом вперед, развернулся, сорвал с плеча автомат и передернул затвор. Перед глазами мелькало лицо отца. Их взгляды встретились, засветились мгновенной радостью неожиданной встречи. Ахмет задержал свой палец на спусковом крючке и, как завороженный, уставился на морщинистое лицо старого Усмана. Он не заметил, как всадник, скакавший бок о бок с отцом, приподнял дуло винтовки и, не целясь, ловко выстрелил. Что-то обожгло его левый глаз, прострелив вместе с яблочком образ отца, вошло в мозг и раскололо черепную коробку, брызнув сгустком кровеносных пульсирующих сосудов на воротник маскхалата.

Сбоку торопливо ударила пулеметная очередь, и несколько всадников кубарем скатились на землю. Остальные, не останавливаясь, проскакали метров двести и встали как вкопанные, подняв коней на дыбы. Навстречу но ущелью неслись бэтээры и танки. Всадники повернули лошадей и, нахлестывая их плетками, понеслись обратно под губительный огонь пулемета Садыкова.

Мамед Керимов снова приподнял дуло винтовки, но выстрелить не успел. Вытаращив глаза, захлебываясь кровью из перерезанного пулями горла, он вылетел из седла под ноги скакуна Алиханова. Жеребец Усмана испуганно заржал, вздрогнул и остановился. Упал на

передние ноги, дико фыркнув, повалился на бок. Старик соскочил с лошади и, держа маузер в руке, подошел к сыну. Да, это был его Ахмет, убитый верным Мамедом, который еще хрипел простреленным горлом, выплескивая на песок остатки жизни.

«Ему не поможет и сам Аллах, — подумал старик, проходя мимо верного телохранителя, направляясь к сыну. Увидев рану, понял, что Ахмет мертв. Осторожно положил простреленную голову сына на колени и погладил его курчавые волосы. Посмотрел на спину русского. Садыков, заметив старика с маузером в руке, беспомощно повернулся к нему, с ужасом понимая, что не успеет развернуть пулемет и упадет сраженный пулей этого плешивого старика. Но душман не выстрелил. Долгим печальным взглядом посмотрел на молодого безусого русского, опустил маузер, уронил голову. Садыков схватил автомат, наставил ствол на старика, держа дрожащий палец на спусковом крючке. Успокоился, увидев подъезжавшие бэтээры. Неожиданно вспомнил последние слова Ахмета о каком-то отце-аксакале. Веря и не веря догадке, подошел ближе и ужаснулся выражению лица старика. Любовь, жалость и усталость отражались в его слезящихся глазах, застыв в них всеми муками и печалями разбитого сердца. Старик приподнял голову, сознание его прояснилось, и он виновато улыбнулся молодому солдату. Повелительным жестом властной руки попросил оставить его одного.

Сержант, как завороженный, поспешно кивнул, повернулся к подъехавшему бэтээру, почувствовав сильную слабость. Вздрогнул от одиночного близкого выстрела. Повернулся и удивленно посмотрел на старика, который, неуклюже положив голову на плечо Ахмеда, застыл в неподвижности.

Садыков, догадываясь о случившемся и боясь поверить в это, еле передвигая ноги, подковылял ближе. Откинул носком ботинка еще дымящийся маузер, увидел струйку крови, сбегавшую изо рта старика на его подбородок.

Вокруг сгрудились спрыгнувшие с бэтээров десантники и отводили в сторону глаза, инстинктивно боясь встретиться с печальным взглядом старика.

Сержанта обняли за плечи, и он услышал знакомый голос комбата:

— Пойдем, старина. Нам здесь делать нечего.

Эпилог

Электричка остановилась на небольшой опрятной станции в Подмосковье. Я спустился на землю из полупустого вагона и снял летную кожаную куртку. Вечер обещал быть теплым и солнечным. Подхватив небольшой чемодан, вышел на окраину поселка и зашагал по пыльной дороге в сторону лесного массива. На опушке, заросшей сердитой крапивой вперемежку с широкоухими лопухами, стояла выцветшая от времени табличка: «Берегите лес — наше богатство!» Усмехнулся про себя, подумав, что наверняка она на десяток лет постарше этого соснового бора, а тот лес, который она призывала беречь, давно уже срубили. Я передохнул на ветхой скамейке, чудом не подломившейся подо мной, и уверенно зашагал по утоптанной тропинке в глубь леса.

Примерно через час появились редкие просветы в сменившей ровные шеренги молодых сосенок смешанной чаще лиственных деревьев. С нетерпением прибавил шаг и наконец-то увидел деревушку, живописно раскинувшуюся по берегам небольшой речки, запруженной старым дедовским способом — землей и лопатой.

Вся поверхность пруда была покрыта овальными пожелтевшими листьями, стебли которых терялись в темно-зеленом скоплении вязкого ила. Лишь в середине и около самой запруды контрастно вырисовыва-

лись окна чистой воды, притягивающие к себе внимание рыболовов и детворы.

Память не изменила мне. И станция, и табличка, и тропинка, и деревушка были в точности такими, какими я их представлял со слов Олега Кудрина. Наугад постучался в ближайший дом, приглянувшийся мне красотой резных наличников. Вышедшая на порог хозяйка отряхнула покрытые белой мучной пылью руки, сдержанно поздоровалась, с какой-то суровостью и подозрительностью спросила:

— Вы кто будете? Не из райсобеса ли, молодой человек?

Я отрицательно помотал головой и, чтобы отделаться от лишних вопросов, пояснил ей, кто я такой, к кому и зачем приехал.

Морщинистое лицо пожилой женщины расцвело доброй, приветливой улыбкой, и, гостеприимно приглашая меня в дом, она скороговоркой пояснила:

— Ездют тут все... Агитируют перебираться в райцентр. Сколько деревень загубили, все им мало. Не пойму, зачем нам покидать родное местечко: и лес здесь, и речка, и воздух чистый, без машинной гари, мама с папой похоронены...

Она подала мне кринку парного молока. Я с удовольствием припал к ней губами.

— Вот так, сыночек, мы и живем, — насладившись зрелищем моей довольной физиономии, продолжила она. — Молодежь-то на стройки да в города подалась, одни старики остались. А что молодым-то здесь делать? Ни работы, ни театров, дорогу и ту сделать не могут. И начальства никакого, некому за нас заступиться. Бригадир Ванька Погорелов вечно в райцентре околачивается, приедет домой, так в стельку пьяный в клубе отсыпается или шукает, где бы опохмелиться. Давно пора гнать его в шею, не знаю, о чем только в правлении думают. Слышала я по радио, что больше зорить деревни не будут. Правда ли это, сынок?

Немного опешивший от потока информации о житии сегодняшней деревни, я собрался с мыслями и в простых словах постарался пояснить ей нынешнюю политику по сельскому хозяйству.

Она неожиданно прослезилась, но затем облегченно вздохнула.

— Дай-то Бог. Может, и сыночки мои вернутся. Напишу им, нечего блукать по свету. Мой старик-то тоже говорит: опомниться власти должны, нельзя землю без присмотра оставлять. Мы умрем, кто ее приголубит, родимую? Ванька Погорелов? Так он и пьет-то потому, что на все махнул рукой. А в парнях справным был и руки золотые. Поставить над ним умного человека, уважить его, так он горы свернет и пить бросит. Это я вам точно говорю. Ну да ладно, заговорила я вас. Спасибо вам на добром слове. Значит, вы к Кудриным, внучка Олежки товарищ? Больно уж убивались старики, получив похоронную. Мамаша-то его, дочка Анискина, Наташенька, слегла, говорили, парализовало ее. Единственный сынок. Наталья-то на поправку пошла, но пока еще не приезжали; хорошо, мужик ейный, отец Олежки, золотой попался. Ухаживает за ней. Старики на все праздники в город ездют, могилку попроведовать. И к ним приезжают, изведывают. И сейчас девушка, баская с лица, поговаривают, Олегова невеста, с мальчонкой своим гостит. Она часто приезжает. Максим-то у нас за главного, если бы не он, так, наверное, сосватали бы нас в райцентр, погибла бы деревня, - пояснила женщина на прощание.

Я пожелал ей долгих лет жизни. Благодарный и озаренный счастливой догадкой, поспешил к указанному дому, расположившемуся вблизи величественной полуразвалившейся кирпичной кладки старого строения. «Церковь, что ли, была?» — подумал я, открывая проржавевшую щеколду голубой калитки.

Двор был полон птицы и скотины. Около сарая жевала свежий клевер белобокая корова со звездочкой на лбу. Рядом примостился теленок, тыкаясь теплой мордочкой в бок матери. Довольно хрюкали в хлеву свиньи, в огороде носился выводок желтых цыплят, резво сбегаясь на зов-кудахтанье матери, вдоль палисадника расположились дремлющие куры, возле которых, искоса поглядывая на них, выхаживал коричневый петух. Над деревянной колодой горделиво гоготали серо-белые гуси, щипая друг друга, копаясь клювами в пушистом оперении. На припеке возле окошка, на мягком половичке развалились сомлевшая кошка и пара котят, усердно сосущих молоко, а под навесом сарая, заполненного наполовину чурками сухих дров, - аккуратная конура с внимательно наблюдавшей за мной собакой. На задах, за невысокой изгородью, сделанной из обыкновенных сосновых и еловых жердей, ломились под тяжестью спелых ягод кусты малины, привязанные верхушками к деревянным кольям, манили к себе гроздья черемухи, облепившие ветви дерева. Вдоль палисадника росло несколько молодых яблонь, и карапуз, лет трех от роду, вооружившись сучковатой палкой, настойчиво сбивал ядреное яблоко.

Что-то знакомое мелькнуло в его облике, и я, убежденный в верности моей догадки, окликнул его. Мальчишка недовольно взглянул на незнакомого дядю, отвлекшего его от важного дела. Тут же, не выдержав моего нахального вторжения, залаял пес каким-то незлым, а вызывающим отрывистым лаем. Послышался скрип открываемой двери, и я увидел Ольгу Данилову. Она ничуть не изменилась, разве только пополнела, приобретя ту неповторимую женскую прелесть, которую принято называть материнством. В своем легком платьице и стоптанных тапочках на босу ногу она выглядела милее и домашнее, чем в армейской зеленой рубашке и такой же юбке, в которых мне довелось ее видеть...

- Фу, Дружочек, фу, проговорила она и, откинув прядь волос со лба, вопросительно взглянула на меня, растерянно заморгав глазами и залившись краской. Забыв о мальчике, я подбежал к ней, обнял ее хрупкие плечи и замер, взволнованный и потрясенный долгожданной встречей. Она разрыдалась на моем плече, обхватила за шею руками и поцеловала в губы. Я заметил настороженные лица стариков, мелькнувшие из-за отодвинутой занавески окна, услышал какую-то перепалку между ними, а за спиной Ольги увидел насупившуюся физиономию мальчишки.
- Вот мы и встретились, еще всхлипывая и не обращая внимания на расплывшиеся от слез круги туши под глазами, сказала она, рассматривая меня с грустной улыбкой.
- Не в форме ты другой какой-то, непривычный. Как ты нас нашел?
- Олег рассказывал... Да и дело небольшое к старикам есть.

Я торопливо и сбивчиво поведал ей о цели своего приезда, затылком ощущая на себе колючие взгляды терпеливо ожидающих объяснения хозяев.

Ольга поняла мое состояние, кулачком постучала по плечу и рассмеялась.

- Боятся, что какой-нибудь принц похитит меня от них, даже к первому парню на деревне, пьянчуге Ивану Погорелову, ревнуют. Меня и внука... громко добавила она и пояснила:
- Его тоже Олегом зовут. Олег Олегович... Мы приезжаем в деревню второе лето и гостим по два месяца кряду. Вот так и живем. — И, чтобы не сердить стариков, крикнула:
- Выходите, отшельники! Олежкин друг приехал! Тут же растворились настежь двери веранды, и первой выкатилась оживившаяся старушка, а следом, по-кашливая в кулак, седой дед, с достоинством протянув-

ший мне руку. Теперь я не мыслю моей России без таких стариков, всеми корнями приросших к своей земле, и деревушек, сохранивших самобытную красоту Отечества.

 Заходите в избу, гостем будете, — степенно произнес он, пропуская меня вперед как желанного гостя.

Мы просидели до первых петухов, вспоминали, грустили, пропускали по маленькой. И еще я три дня провел у них, отдыхая душой и телом.

Поезд умчал меня обратно на Север, но я часто вспоминал склонившегося над моей писаниной деда Максима с дымящейся трубкой в зубах и бабку Анисью, скорбно поджавшую губы, сидящую на табурете, внимательно слушавшую хозяина, время от времени украдкой от своего «безбожника» озаряя себя поспешным крещением. А на печи в уголке — свернувшийся клубочком, утомившийся голубоглазый мальчик — продолжатель рода Кудриных.

А недавно мне приснился сон: перед шеренгой замерших по стойке «смирно» молодых десантников стоит знакомый мне сержант Садыков и, открыв список вечерней поверки, звонким голосом зачитывает: «Лейтенант Кудрин?..» И правофланговый торжественно отвечает: «Лейтенант Кудрин геройски погиб при исполнении интернационального долга...» — «Рядовой Неделин...»

В конце строя замерли девчонка с санитарной сумкой на боку, с выбившейся из-под берета челкой, и маленький мальчик с игрушечным автоматом на груди и глазами погибшего Олега Кудрина. И я сам, в голубом летном комбинезоне, нетерпеливо открываю блистер, выглядываю наружу и докладываю капитану Садкову о готовности вертолета капитана Ваканова и пары прикрытия капитана Голикова к вылету. Напряженное лицо Юры Литвиненко за гашеткой крупнокалиберно-

го пулемета. На траверсе — середина ВПП, метров на двести левее расположились наши модули и над СКП полотнище красного флага. Подполковник Мордухович берет в руки микрофон, нажимает на клавишу «Радио», и мы слышим в эфире: «Три тройки! Я — Омар. Взлет группой».

Вертолет разгоняется, отрываются колеса, и куда ни кинешь взгляд — горы, одни только горы. А под нами — зеленая жемчужина Афганистана, вечно цветущий солнечный Джелалабад.

Рассказы

-

го пунктите. На гразверсе — серения ВЛП, митеов на двисти отвор респоряжения надрежения воздуже и издражения бражения просистем фина. Подполяжения Моргания друговы бражения просистем воздужения во

Воргонет разголентов, отраналогия колека, и кума на разголения — горы, понатольно пред и под нами — започная вине выб Е 13 34 3 3 13 Чено цватущий существия Дисковическия

КАПКАН

Безымянному офицеру Советской Армии и его солдатам, погибшим в июле 1984 года в Афганистане, в восточных отрогах Гиндукуша, вблизи озера Суруби, посвящаю

Лейтенант Андрей Оверин с тоской и грустью провожал взглядом меркнувшие лучи вечернего заката. Прищурившись, через разбитое оконце в стене он наблюдал, как желто-оранжевый диск солнца нехотя перевалил за горную гряду и окончательно спрятался за изгибом русла полноводной в это время года реки. Он облизнул губы, такой близкой показалась ему живительная вода, в которой, напившись досыта, утонули цветастые блики заката. Ему захотелось вскочить на ноги и, послав всех к черту, припустить что есть сил под гору. По пути скинуть с плеча автомат, отстегнуть поясной ремень с гранатами, снять промокшую кровью куртку, остаться в чем мать родила и бухнуться с разбега в зеркальную гладь воды. Он представил, как обожгло грудь холодом, свело руки и ноги леденящим зудом. Как от удовольствия закричал, и вода хлынула ему в глотку. И он, захлебываясь, пил, пил, пил. Долго, непрерывно, как огуречный рассол после недельной пьянки... Потом развалиться на мягком песке, зарыться по уши в теплом иле и безмятежно уснуть. И снова купаться, и снова пить. Набрать полную горсть мелких круглых камешков и пустить «блинчиков» вдогонку волне. Закинуть удочку и поймать огромную рыбину. Развести костер и сварганить ушицу. С удовольствием поглядывать сквозь очки на облака в синеве неба, ласковое солнце и стаи птиц, облепивших скалы. Вновь почувствовать себя не загнанным зверем, а свободным человеком. Он на минуту зажмурил глаза, окунувшись в лазурный мир

желаемого, но досадная дробь пулемета заставила встрепенуться. Оверин недовольно открыл глаза, поморщился, обведя взглядом серые стены дувала, подумал: «Могильник какой-то. Неужели здесь сдохну? Надо на солнце, солнце, солнце...»

Попытался проглотить комок, застрявший в горле. Зло сплюнул сгусток приторной слюны и глухо застонал от бессилия и безысходности. Откинул автомат в сторону, обхватил голову ладонями, потряс ее, стараясь выгнать из мозговых извилин радужные мечты о воде и спасении. Во все легкие, открытым ртом глотнул пыльного воздуха, поперхнулся и судорожно забился в сухом кашле. Из носа и рта потекла кровь — теплая и соленая. Чем-то сдавило живот. Он почувствовал жжение в паховой области, сильную слабость и зуд во всем теле. Боясь умереть неожиданно, нелепо, сразу, без агонии и борьбы за жизнь, скороговоркой пробормотал:

— Не конец ли приходит, Андрюха? Ну-ка, бери, браток, себя в руки. Трем смертям не бывать, а одной не миновать.

Оттого, что заговорил вслух, он почувствовал себя не так одиноко в этом проклятом «могильнике», за порогом которого застыл, раскинув руки, изрешеченный пулями Витя Кочергин, а в трех метрах от него, скошенные одной пулеметной очередью, тела двух Сергеев. Наступала ночь, и Оверин отчетливо понимал, что жить осталось немного, до темноты.

Дрожащей рукой достал помятую сигарету. С унынием подумал: «Последняя». Попытался прикурить ее, но новый приступ кашля сотряс тело. Он протяжно застонал, на глазах выступили слезы. Кое-как сделал несколько затяжек и щелчком выкинул окурок за порог. Сигарета упала возле тела Витька и погасла.

«Скоро и моя жизнь погаснет, — пришла в голову мысль. — Последняя сигарета, последняя затяжка — и мрак, пустота».

Стало муторно на душе. Он паниковал, трусил, в чем было трудно признаться самому себе. Не от страха

смерти и боязни боли протестовала его душа. Гибель ребят и собственное израненное тело смирили его разум с фактом близкой гибели. Само понятие смерть стало обыденным понятием, как бы пройденным этапом. Он умирал несколько раз. В прошлую операцию, когда выстрел из гранатомета накрыл их позицию на вершине горы, размазав радиста Савченко и Колю Вершинина по скалам. И он, контуженный, чудом уцелевший в суматохе боя, очнулся от прикосновения ласковых рук медсестры в медсанбате. Уже тогда, на больничной койке, от безделья, в тишине он философски смирился с мыслью о неотвратимом конце. И сегодня он умирал трижды. Тогда, когда пули, прошив Сергеев, вонзились в глинобитные стены дувала. Когда упало на пороге «могильника» изрешеченное тело Кочергина. Когда он сам, получив по пуле в живот, руку и ногу, коекак перетянул бинтом раны, перешагнул через психологический барьер предстоящей физической смерти. Он был готов ко всему, но все же...

Было что-то другое, мучившее и злившее его до бесконечности, заставлявшее выть, скрежетать зубами, смотреть на солнце и крыть матом свою судьбинушку. Он не хотел подыхать в этом «могильнике», на грязном полу, в собственной кровяной луже. Боялся потерять сознание и попасть в плен. На миру и смерть красна. А тут он один. И узнает ли кто, что он, лейтенант Оверин, с честью выполнил свой воинский долг? Вспомнят ли его? Добром или злом? Простит ли Бог прегрешения? Успокоится ли его душа в том загробном мире? Вопросы, вопросы, на которые нет ответа. Для него, Андрюхи, все будет кончено в этой мерзкой хате.

Как в тумане, ворох мыслей ворочался в его воспаленном мозгу. Чем слабее становилось тело, тем медленнее реагировало сознание. Становилось обиднее, ужаснее и страшнее. Он так и не успел додумать, дорешить для себя, трус он или нет. Его время остановилось, оставив другим решать вечный вопрос жизни и

смерти. Ясно было одно, что его час пробил. Надо было спешить. Мозг устал, а израненное тело просило отдыха, вечного покоя.

Громкое эхо выстрелов из носовых пушек вертолетов огневой поддержки и залпов реактивных установок «восьмерочников» слилось воедино, пронеслось над долиной, спряталось в ущелье и затерялось в узких каньонах горной гряды.

«Бесполезно. Калибр маловат. «Градушки» б сюда или тяжелые танки. Мигом «душков» выкурят из подземных нор и муравейников», — тоскливо подумал Оверин, машинально, уже в который раз, шаря усталой ладонью по поясу. Почувствовал всем телом пугающую пустоту и легкость кармашков из-под патронов.

Вспомнил своего командира, капитана Никитина, который находился там, за насыпью, в каких-то трехстах метрах. Уже пару часов он держал под огнем всю «зеленку», не давая «духам» прорваться через насыпь и всем «гуртом» разделаться с ним, лейтенантом Овериным. Еще на базе капитан строго предупредил:

- Никакой отсебятины. Быть готовыми с ходу принять бой. Идем на проверку караванов. Главное не отрываться, наблюдать друг за другом, не ловить ворон. Всем держать в поле зрения командира и радиста. Тебя, Андрей, особенно касается, повернулся в сторону лейтенанта командир. В прошлый раз ты увлекся преследованием. Если бы не отсечный огонь вертолетчиков, сам знаешь, что было бы.
- Бы да бы, взъерепенился Андрей. Понял, осознал, на привязи, как осел, следом ходить буду. Только забыл ты, командир, что в прошлый раз мои ребята караван обнаружили, обшарив соседнее ущелье.
- Раз на раз не приходится. Я тебе, Андрей, как другу говорю. Не увлекайся. Помни, ты командир, а не осел... Не только за себя отвечаешь. Перед матерями, Родиной, наконец. У «духов» головорезы, а у нас пацанва. Половина хлопцев необстрелянные салаги. Не обижайся ты, садовая голова...

Сердиться Оверин долго не умел. И уже после осмотра первого каравана слышался его возбужденный голос:

— Героинчика-то сколько взяли, командир! Молодцы наши огольцы, нюх у Витьки, как у натасканной собаки. Везет нам сегодня, как никогда. Всегда бы так...

И повезло, черт возьми! Накаркал на свою голову. Под самый вечер произошла осечка. Непоправимая, неотвратимая и последняя в его жизни. Этот караван был «пустой» в прямом смысле слова. Обычный, с тряпичным барахлом, ставший на отдых на песчаной насыпи. А он тогда был взвинчен от выпавшей за день удачи и раздосадован от последнего прокола. Спокойные лица кочевников и суета беспокойной детворы разозлили его. Старый аксакал — старший каравана — в новом белоснежном халате, с кинжалом на боку и доисторической винтовкой на плече хмуро выговорил на ломаном русском языке:

— Ищете не там. Оружия нет. Не надо грабить, мы мирные. Возьмите бакшиш и оставьте нас в покое.

Оверин и не думал их грабить. Так, потрясти немного, может, что и клюнет. Он с досадой наблюдал, как двое тезок Сергеев, распотрошив мешки с товаром, раскидывали по земле тряпичный хлам. Нагнулся, подобрал кулек с джинсами. Не поленился разорвать целлофан, надеясь найти наркоту. Нутром чувствуя, что голяк, отшвырнул пакет прочь. Недовольно ответил аксакалу:

— Все вы мирные, когда спите или в покойниках числитесь. Знаю я вас. Днем в торгашей играете, а ночью стреляете. Проверим — отпустим. Товар немного подпортим, не обессудь. Служба такая. Дома на печи тебе, старик, сидеть надо, не хрен по горам лазить.

Андрей матюгнулся, хотел гаркнуть на развеселившуюся, осмелевшую детвору, передумал и зло добавил:

— Уйми душманчиков. Меня от них тошнит. Не верю я вам. Все одним миром мазаны. И старики, и пацаны. С вами надо держать ухо востро. Где оружие, старик? Говори, пенек старый.

Аксакал нервно дернул плечами, покосился в сторону гор:

- Там... Возьми, если сможешь. А нас отпусти, мирные мы.
- И возьму. Сынки там твои, а, старик? Воюют с нами, а мы с тобой тут цацкаемся. Пулю бы тебе влепить, да скоро сам подохнешь. А до сынков твоих мы доберемся. Скажи только, как они выглядят. Ненароком не узнаю, пристрелю с ходу. Хочу поговорить по душам, через полевой телефон.

Понял ли его старик? О чем думал он, мрачно теребя бороду? Помолчал, грустно ответил:

— Все помрем. Да простит Аллах мои прегрешения. Всех вам не перестрелять. На земле мы своей, а вы здесь чужие. Уходите домой, так будет лучше.

Оверина окликнул Витек. Показал стволом автомата на кучу серых дувалов, притулившихся к подошве горной гряды.

— Смотрите, командир!

Это был вызов судьбе. В неровных просветах «зеленки» мелькали люди. Они падали, вскакивали, ползли, суетились, как в непонятной детской игре. Что непонятно, то опасно. Такого правила придерживался лейтенант в этой страшной войне. Он почувствовал, как его охватывает охотничий азарт, как у собак, загоняющих волка в красный круг. Вскочив на ноги, ехидно взглянул на аксакала.

— Вот и сынки твои объявились. Теперь посмотрим, кто кого. Хочешь с нами? Увидишь, как русский солдат контру бьет.

Старик неопределенно мотнул головой, ничего не ответил. Встал на колени и, не обращая внимания на лейтенанта, забубнил слова молитвы. Проклинал или призывал к миру умудренный жизненным опытом седой кочевник, Оверин так никогда и не узнал.

— Вперед! — забыв о старике, бросил на ходу Андрей, прижимая к груди автомат, кубарем скатываясь с песчаной насыпи. В последнюю минуту запоздало успел все же вспомнить о предупреждении Никитина. Увидев догоняющих его Витька Кочергина и двух Сергеев, подумал: «Осмотрю ближайший дувал, прощупаю людишек, может, мирные, зачем отвлекать Никитина. Начнут стрелять — помогут вертолеты, как тогда...»

Решение войти в дом и было его роковой ошибкой, цена которой — жизнь. Боже мой! Этого тогда он не знал. Всей четверкой они вперлись в просторное помещение с одним выходом, окруженное высоченной стеной и представляющее собой брошенные хозяевами смежные пустые комнаты с голыми стенами и сорванной с петель массивной дверью, валявшейся на замусоренном полу, впоследствии ставшей надежным укрытием. Неожиданно снаружи что-то оглушительно громыхнуло. «Заряд сработал, что-то сволочи взорвали», — мелькнула мысль. Тут же послышалась дробная разноголосица автоматных выстрелов. Неторопливо застучал крупнокалиберный пулемет. «Началось. Кажется, приплыли», — подумал Оверин, крикнув ребятам:

— Назад! Быстро к своим на насыпь. Я прикрою.

Два Сергея молча развернулись и, мешая друг другу в дверном проеме, выскочили из дома. Из-за огромного валуна на дальнем краю ограды ударила длинная очередь ручного пулемета. Пунктирная линия рваных дырок прошила пятнистую материю маскхалатов на груди Сергеев, прошла сквозь мякоть туловищ и вонзилась в глинобитную стену. Без крика и стона оба повалились на землю. Тут же, просачиваясь в песок, изпод тел зловеще поползли бурые струйки крови. Андрей оттолкнул Витька от выхода, проскрежетал зубами, плюхнулся на пол. Быстро перегородил дверью вход в дом, передернул затвор автомата, прошептал:

— Спокойно, Витюха, спокойно. Главное, не паниковать. Ах, сволочи, ах, сволочи! Обоих одной очередью... Не уберег я ребят, Витек. Вдвоем остались. Не высовывайся за дверь, успокоятся, решат, что всех кончили. Сунутся проверять, тут-то мы их и прищучим.

Он как в воду глядел. Из-за валуна показался один душман. Прополз с десяток метров и настороженно поднял физиономию. Оглядел пустынный двор и, заметив убитых десантников, удовлетворенно хмыкнул. Осмелев, гортанным голосом крикнул товарищам. Вскочил на ноги и, строча из автомата, устремился к входу в дом. Следом, угрожающе рыкая, бросились еще несколько человек. Передний душман, в горячке расстрелявший все патроны, остановился. Попытался на ходу сменить запасной рожок, помешав бежавшим сзади товарищам сосредоточить огонь на дверном проеме. Этой заминкой и воспользовался Андрей. Лежа на животе, тремя одиночными выстрелами расстрелял переднего. Схватил гранату, размахнулся и удачно метнул ее под ноги бегущих. Взрыв взметнул песчаный грунт, взрыхлил землю, раздробил камни, подняв облачко серой пыли. «Раз, два, три», — как на ученьях, отсчитал он, схватил автомат, рывком вывалился за порог. Секунды ему хватило, чтобы осмотреться, протереть глаза и нажать на спусковой крючок. Сзади над головой заработал автомат в руках Виктора. Сержант что-то прокричал, но было плохо слышно. Перестрелять залегших во дворе «духов» для Оверина было делом двух секунд. Для верности он всадил по пуле в убитых взрывом гранаты. Успел заметить удивленные лица людей за козырьком скалы, растерянно смотревших на молниеносный поединок. Увидел, как двое самых любознательных неуклюже вывалились наружу. «Витек долбанул», последнее, что подумал Оверин в этой суматошной схватке. Он повернулся назад и, споткнувшись о порог, кувыркнувшись через голову, влетел в комнату. Прижался к стене, быстро сменив патронный рожок. По входу в дом ударил шквал огня. Стреляли из всех видов оружия. Пули впивались в мякоть толстенных глинобитных стен, отламывая мелкие кусочки, взметал известковую пыль. Наконец, огонь стих.

Лейтенант чертыхнулся, с удовольствием чихнул, осторожно приподнял голову, обрадовался, увидев невредимого сержанта Кочергина.

— Отсекли нас, Витек, — тихо выдавил Оверин, чиркнул зажигалкой. Закурил сигарету и, глядя в дверной проем, тихо добавил: — Их там уйма. Ты двоих лихо завалил, молодец. Перекрыли нас. В капканчике мы. Ребят угробили. Я виноват, не послушался капитана. Век себе не прощу, если жив останусь.

Ближайший помощник лейтенанта — двухметровый, добродушный, с веснушчатым лицом, постриженный наголо сержант, восхищенный смелой вылазкой командира, беспечно проговорил:

— Ничего, выкарабкаемся. Не впервой. Не в таких переделках бывали. Наши выручат. А вы, командир, даете. Ловко «душков» подсекли. Человек восемь к праотцам отправили. Сосчитать не успел, те двое вылезли. Пришлось и мне пострелять.

Витек уважал своего лейтенанта. За ловкость, бесшабашность и честность. Да и разница в возрасте была невелика. Он и сейчас верил Оверину до бесконечности. Не сомневался, что командир найдет выход. Теперь дело Кочергина — отвлечь командира от тяжких мыслей. Стараясь не смотреть на окровавленное, пробитое десятками пуль и осколков, покрытое пылью месиво — то, что осталось от двух тезок Сергеев, протянул:

— Жуть... На то она и война. Никто не застрахован от пули. Судьба. Выкарабкаемся — похороним с честью. Родина нас не забудет.

Лучше бы он не говорил последней фразы. У лейтенанта зашевелились желваки скул. Он скомкал пачку изпод сигарет, сжал ладонь в кулак и хрястнул им по полу. Замычал, завыл по-звериному. На минуту замолк, уткнувшись лицом в рукав маскхалата. Тихо проговорил:

— О чем ты, Витек? Родина, честь, Отчизна. Ты что, белены объелся? Да кто нас вспомнит добром? Мать, жена? Да и то пожалеют. Про нас фильмов-то не снимут, как мы здесь, в Афгане, подыхали. Суперменов каких-то сделают, наемников, уголовников. Но только не героев этой войны. Все, Витек, умрет вместе с нами.

Не нужны мы ни своим, ни чужим. Для одних — отработанный материал, для других — убийцы, изверги. Мы — потерянное поколение, Витек, списанное оптом в никуда. Трудно судить, что будет дальше в Афгане и стране нашей непредсказуемой. Аты: «Родина нас не забудет». Мы — живые свидетели срама и позора правителей. А свидетелей... сам знаешь, куда засовывают. На свалку, в небытие, к черту на кулички. Тоже мне — Родина. Другая она, совсем другая, Витек. Выздоровеет Родина, тогда, может, нас вспомнят. Только когда это будет...

Кочергин не совсем понимал командира, его жарких слов. Постарался перевести разговор на другую, понятную ему тему.

— Укрытие у нас удобное. Стены толстые, гранатомет не возьмет. Выживем... Атаковать могут только с открытой позиции. Мы тоже не лыком шиты, еще с десяток положим. Пусть только сунутся. Слышите? Наши долбят с насыпи, вертушки страх нагоняют. Скоро драпать будут душманчики. Выручат нас. Только патронов маловато. Кто думал в капкан угодить? К ночи, думаю, выберемся.

Кочергин повел стволом автомата, заметив очередную бородатую физиономию, выглянувшую из-за валуна. Плавно нажал на спусковой крючок. Очередь ударила прямо в лоб человека, раскроив ему черепную коробку. Послышались проклятия. Витек удовлетворенно хмыкнул, осторожно выглядывая наружу.

Андрей до последней минуты и сам верил, что выручат. Шло время. Он радовался удачным выстрелам, подбадривал себя и Витька. Громко распекал командира врагов, посылавшего потенциальных мертвецов на открытый двор, под губительный огонь автоматов десантников. Вдруг с ужасом понял, что кончаются патроны, а людей у противника навалом и чужой жизнью он совсем не дорожит. У Кочергина боезапас кончился раньше. Он отстегнул от пояса гранату и протянул лейтенанту:

— Держите, командир, последняя. У вас получится лучше. Нам бы патронов тысчоночку, хрен им тогда нас взять. До утра бы продержались. У Сереги длинного на боку целая сумка россыпью, вот бы ее достать.

Сержант принял решение неожиданно. Мгновенно и бесповоротно. Так бывает на любой войне. И решение может принести удачу или гибель. Как повезет. Витьку не повезло.

С минуту он поерзал на полу, окинул тоскливым взглядом пустые рожки из-под патронов, тяжело вздохнул, вглядываясь в дверной проем, прикинул расстояние до Сергея, насупился, резко вскочил на ноги и, крикнув: «Я мигом!» — ринулся к телам товарищей. Витек успел схватить сумку и развернуться вполоборота. Размахнулся и попытался кинуть сумку Оверину. Не успел. Сломался пополам, раскинув руки, уронив сумку. Точный выстрел снайпера сразил сержанта наповал. Тут же яростно застрочили автоматы и пулемет, вогнав в бесчувственное тело Кочергина сотни пуль. Витек превратился в то же, что осталось от двух Сергеев, упав рядом.

Не успел лейтенант удержать своего последнего бойца, потерял друга, потерял и надежду. Теперь он остался совсем один.

И только глаза Витька преследуют Оверина. В них укор, тоска, злоба и чувство вины перед Андреем. И он, бравый командир погибших ребят, в растерянности бросивший последнюю гранату в сторону валуна, получивший по пуле в живот, руку и ногу, умирает на грязном полу и льет слезы.

Теперь стало ясно, что они напоролись на многочисленный вооруженный отряд, базирующийся в мертвом кишлаке. «Духи» насквозь простреливают треклятую насыпь. Они не дадут возможности капитану Никитину пробиться на помощь к нему, лейтенанту Оверину. Андрей отчетливо осознал, что пока он стреляет, капитан не отступит, не бросит его. Ночью от вертолетов толку ноль. Броня и подкрепление подойдут на рассвете. Вспомнил слова Кочергина о капкане. Представил, как тяжело будет обороняться десантуре на открытой ме-

стности. Они тоже будут в капкане и тоже погибнут. Из-за него, слюнтяя Оверина.

«Надо кончать это дело, — как о постороннем Андрей подумал о себе. — Пора ставить точку. Ребята поймут, что со мной кончено, и Никитин примет верное решение — улетит на базу. А утром вернутся, отомстят».

То, что не забудут, отомстят — знал точно. Все же они были не в России. В доску свои парни, делившие горе и радость, глотавшие пыль Афгана, воевавшие не за страх, а за совесть, за Родину, пославшую их умирать на чужой земле. Вспомнил он и старика аксакала из каравана. Захотелось встретиться с ним, поговорить, поспорить. «Может, был прав старик?» - последнее, что ясно подумал он, пошатываясь и осторожно переступая через то, что осталось от сержанта Кочергина. Неторопливо поднял вверх руки. Прищурился, последний раз взглянув на небо, сделал первый шаг. Расчет был верным. Взять его решили живым. Десантура никогда не сдается в плен, а тут «спецназ». Дикий случай. На открытую местность, настороженно сверля Оверина глазами, выскочили несколько человек. Передний поднял руку, тявкнул команду и твердым шагом направился навстречу. Это был их командир.

Как сквозь туман Андрей смотрел на подошедшего вплотную человека, с какой-то непонятной жалостью окинувшего взглядом забрызганного кровью с ног до головы Андрея. Удивился его усталым глазам. Их взгляды встретились. Два командира, два воина разглядывали друг друга. Лишь любопытство читалось в глазах. Не было злобы, не было ненависти.

«Такие же, как мы, не звери, обыкновенные люди. Зачем все это, зачем?» — пронеслось еще в голове, прежде чем Оверин упал на землю. Рывком выхватил из голенища сапога пистолет, зверино рыкнув, пустил первую пулю в глаз афганцу. Собрав остаток сил, не обращая внимания на дикую боль, боясь потерять сознание, оттолкнул падающее на него тело, выставил вперед дуло пистолета.

«Раз, два, три, четыре, пять, шесть», — просчитал Андрей выстрелы, успев пожалеть, что так и не узнает результатов стрельбы. Простонал, провыл с каким-то мальчишеским злорадством:

— Живым думали взять? Шиш вам! — и сунул ствол пистолета себе в рот.

Враги пинали его ногами, резали ножами, глумились, как могли, мстя за смерть своего командира. Но Оверин этого уже не чувствовал. Бросили в общую груду, на тела ребят. И, может быть, его душа обрела покой. Долгожданное примирение со всем миром, с друзьями и врагами.

За насыпью садились вертолеты и грузили десантуру. Не пряча слез, плакал капитан Никитин, грозил горам кулаком и клялся отомстить. Только кому и за что? Он и сам не знал. Но море крови обещал. И никто не сомневался, что капитан слово сдержит. Будет кровь, будет смерть, будет ненависть. Начнется все сначала. А может быть, нет. Кто знает?

На западе спряталось солнце. Наступила жаркая афганская ночь.

НЕ ОСТАВЛЯТЬ В ЖИВЫХ

Посвящаю участникам афганского похода— Ивану Цуприкову и Владимиру Баландаеву

Кишлак был уничтожен только к вечеру.

А все началось с одиночного выстрела — прицельной или шальной пули снайпера, выпущенной из «зеленки» по «вертушке», заходящей на посадку. Пулядура прошила тонкую обшивку «восьмерки» где-то сбоку, вошла в ухо командиру, разворотив бедняге голову до неузнаваемости. Правый летчик, обалдевший от кровяных сгустков, брызнувших ему на колени, заорал благим матом, выпустил из рук управление, усугубив

ситуацию. Хвост вертушки опустился, с левым вращением «восьмерка» врезалась в скалу рулевым винтом. Сразу отвалилась хвостовая балка. Вертолет вспыхнул, как свечка, и, разваливаясь на глазах, трескающимся черным факелом кувыркнулся в ущелье. Всего минуту назад дремавшая в грузовой кабине десантура — смелые, решительные люди — теперь были обгоревшей грудой мяса и костей вперемешку с металлом и керосином, еще долго потом дымившейся на дне ущелья. Как коршун, ведомый вертолет кружился над местом трагедии, поливая «зеленку» из пулемета. Он ждал подмоги, ждал своих, ждал прикрытия.

Немедленно на место происшествия был десантирован батальон спецназначения майора Маликова. Следом с базы вышла броня и взлетела группа прикрытия. Началась одна из десятков подобных в этой странной, необъявленной войне операций.

Накануне отделение сержанта Владимира Жданова пополнилось новичками — желторотыми салагамиспортсменами. На базе старички заставляли двухметровых бугаев до седьмого пота ползать по-пластунски, носиться как угорелых, при полной выкладке по сорокаградусной жаре, держали на голодном пайке, без грамма воды и пищи. Тот, кто осмеливался поднять спину от земли, получал громкого «леща» от самого сержанта. Резкий удар скрученной волосяной плеткой по заднице сопровождал дружный хохот старичков и насмешливый голос Кости:

— Учись, салага, учись, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия.

Уморенные от казавшейся бестолковой муштры, новички взбунтовались и потребовали воды. На что грузин Гога бодро ответил:

— Тебе не дам, себе не дам, никому не дам. В тебе воды много, ползай давай. Вода вредно сейчас, терпи, солдат, после дам. Вперед, шайтан! — он грозно закатил глаза и левым боковым врезал по печенке

добродушного верзилу Сеню Савченко. От неожиданности и боли Семен изогнулся в три погибели. Грузин резко сделал подсечку, крутанул его бычью шею и рывком пустил грузное тело новичка в свободное плавание. Семен перевернулся через голову и рухнул лицом в горячий песок. Не успел фыркнуть, как резкий ожог ниже пояса заставил его прижаться к земле. Плетка больно жиганула пышущее здоровьем тело Семена. Жалко всхлипывая и постанывая, он задвигал руками и ногами. Рядом, усердно сопя, обгоняя его, ползли еще три десантника его призыва. И казалось, что не будет конца этой песчаной дороге, что треснут от жажды высохшие, обкусанные губы, взорвутся от нехватки воздуха измученные легкие, выскочит из груди усталое сердце, сгорит в огне обожженная плеткой задница, наступит конец света и все кончится. Но мучения продолжались.

После ползанья приступом брали препятствия. Сотни раз лазали по лестнице и канату. Вверх — вниз. Вниз — вверх. Падали, поднимались, косились на плетку в руках сержанта и уже безоговорочно выполняли приказы. Потом были приемы рукопашного боя. Лихо дубасили друг друга по мордасам. Доходило до драки, но Гоглидзе вовремя новичков растаскивал.

Затем кидали ножи в чучело. Сотни, тысячи раз — снимали часовых. И опять делали друг другу больно. Но уже не злились. Тупели от боли и становились равнодушными даже к собственным страданиям. В голове — шаром покати. Всего несколько слов команд, механических мыслей и вечное желание пить. Затем трехкилометровый марш-бросок вокруг палаточного городка к стрельбищу. До сумерек стреляли стоя, сидя, лежа, на бегу, в падении, через плечо, на шорох и звук. Кидали гранаты прицельно, как баскетбольные мячи в корзину. И еще черт знает чем занимались. И так спозаранку и до заката. К концу дня получали долгожданную воду.

Сержант Костя Жданов, тоже уставший, как всегда, был расположен к шутке:

— Что, братва, трудно? Это вам не солнечные Гагры. Пить много нельзя. Привыкайте глотками, а не стаканами. Семен, тебе воду, как брагу, в ковшике подавай? Что морду воротишь? Я тебя плеткой только по заднице. Вон она какая у тебя толстая, всех демаскирует. Больно, да? До свадьбы заживет. Не выставляй ее напоказ, а то потеряешь. Я и говорю: «духи» прострелят или голову, или ее. Ладно, кончай злиться. Мне еще не так попадало, было время. Зато видите – жив... В горах или победишь, или подохнешь, или обузой будешь. Вот и выбирай.

Новички гордо и демонстративно молчали, миролюбиво поглядывая на сержанта и главного их обидчика — грузина Гогу. И не было на сердце зла и обиды. Все вышло с потом.

Так продолжалось с неделю. Так было надо. Так диктовала жизнь. А может — и смерть. Здесь, на базе, делились на молодых и стариков. Там, в горах, все были равны. Как перед Богом. В одних условиях. Разница была лишь в том, что выживал сильнейший. И духом, и телом. Разумом и сноровкой. Дисциплиной и инициативой. Жаждой жить и вернуться на Родину. Из стариков и из молодых. Из солдат и офицеров...

Они были одними из первых русских, ступивших на эту землю, и первыми русскими, оседлавшими вершины Гиндукуша над злосчастным кишлаком. Всю ночь молча и упорно долбили горную гряду, делали лазы и норы, выставляли пулеметы, ставили мины-ловушки, перекрывая возможный прорыв «духов» по рукаву долины. К утру замерли в ожидании. До обеда выдвигалась на позиции броня. Неторопливо, грозно и неотвратимо к селению приближалась гроза.

С запада и востока, на клочках обработанной земли, на песчаных барханах и скалистых возвышенностях расположились расчеты ракетных установок. Мощные танковые орудия и стволы легких бронемашин, подошедших вплотную, взяли под прицел весь хаотич-

но разбросанный жилой массив. Отступление на север преграждала бурная в это время года река, переправиться через которую не рискнул бы и сумасшедший. В воздухе барражировала дежурная пара «вертушек», готовая немедленно нанести удар по противнику. А где-то на аэродромах, далеко в Союзе, уже выруливали на взлетную полосу стратегические бомбардировщики и ждали приказа.

Кишлак и прилегающая к нему «зеленка» были блокированы полностью. Молоденький лейтенант из отдела пропаганды и агитации, курносый, с ямочкой на подбородке, в аккуратно пригнанной и ладно сидящей камуфляжной форме, с планшетом на боку и биноклем на груди, впервые участвующий в боевой операции, подбежал к командиру батальона спецназа майору Маликову и весело отрапортовал:

- К заданию готов. Разрешите выполнять.
- Давайте, недовольно буркнул майор, совершенно не разделяя восторга лейтенанта.

Хорошего было мало. Только что радист принял приказ. Было сказано: никого не оставлять в живых. Это значит — работать на уничтожение. Вся и всех. Майору не привыкать. Он старый служака, хорошо знает свое дело. В его военной биографии были и не такие эпизоды.

Маликов не раздумывал. Сначала начнут авиация, артиллерия, а затем продолжат его ребята. Чуть кто дернется — снова авиация и артиллерия. Впереди броня. И снова ребята.

Своих пацанов он берег. В дело пускал в крайнем случае. Хорошо усвоил аксиому, что жалеть боезапас нельзя. Его в Союзе навалом. Гниет на военных складах. На сотню таких войн хватит. Родом он был из деревни. И ему часто приходило на ум поле. Обыкновенное, крестьянское, хлебное. Видел, как по нему идут трактора. Пашут, а затем боронят и сеют зерно. Так и он, прежде чем пустить ребят в атаку, старался поглубже пропахать землю снарядами, проборонить ракета-

ми и засеять осколками. На его поле не рос ни хлеб, ни даже сорная трава. Зато наступать можно было смело.

Такого большого жилого массива обрабатывать ему еще не приходилось. Намечалась обильная жатва. Думать об этом, решать, а тем более отдавать приказ ему на сей раз не хотелось. До последнего тянул резину. Вот и этого юнца из отдела пропаганды вызвал, пусть попробует. Может, что и получится. Он вновь встретился глазами с азартным взглядом симпатичного политработника. Вспомнил самого себя из далекого прошлого, декабря семьдесят девятого. Все повторяется. Разное время, другие сюжеты. Только тема одна. Война, убийство и смерть. Три неразлучных спутника в истории человечества. Чтобы смягчить обстановку, Маликов коротко добавил:

— Ты, Иван, осторожней агитируй, держи дистанцию. Лицо лейтенанта расплылось в улыбке. В какой-то удальской и одновременно хищной, беспечно-нетерпеливой. Молодцевато козырнув, он вспрыгнул на капот и скрылся внутри «бээмпэшки». Механик рванулгаз, и, обдав комбата облаком пыли, боевая машина пехоты помчалась в сторону кишлака.

«Ерунда все это, – неожиданно зевнув, подумал Маликов, внимательно наблюдая в бинокль за движением машины, – все равно «духи» мирных из селения не выпустят, будут держать в качестве заложников, живым прикрытием. Откуда им знать, что получен приказ уничтожить кишлак. Живые свидетели в таких случаях не нужны. Хоть бы сдались, черти! Профильтровали через одного. Глядишь, женщины и дети в живых бы остались. Сожгли бы пустой кишлак, как сожгли десятки ему подобных. И дело в шляпе. Так нет же, как истуканы, во имя своего Аллаха дружно умрут все. И лейтенант, вероятно, бесполезно дергается. Одной стороной приговор уже подписан. Главарь, старейшина, мулла решили их судьбы. Теперь дело за другой».

Майор не спешил, он отчетливо сознавал, что именно ему предстоит дать команду, сделать последний тол-

чок к началу бойни, тоже одобренной старейшинами из Москвы и благословленной патриархами Политбюро.

«Чертов снайпер! И дернуло идиота стрельнуть по вертушке! Теперь такая карусель закрутится», — тоскливо оборвал поток своих мыслей Маликов, прислушиваясь к звонкому голосу лейтенанта. Тот нудно и долго в чем-то убеждал через мегафон афганцев. «Бээмпэшки» кружили вблизи «зеленки», останавливались, и вновь раздавался настойчивый призыв лейтенанта. Майор поморщился, увидев, что агитаторы нарушили границу ориентира — одиночного пышного эвкалипта, дальше которого он запретил лейтенанту приближаться к кишлаку. Он оторвал взгляд от бинокля и сказал своему заместителю, капитану Баеву:

— Салага, мать твою, грохнут же. Куда лезет.

Вновь прильнул к окулярам, вглядываясь в пустынный кишлак. Приятно удивился, когда заметил одиночные фигурки людей, потянувшихся к бэтээру. «Смотрика, сработало!» — успел подумать он, как короткие пулеметные очереди откуда-то из центра селения прижали сдающихся к земле. Гулко бухнули далекие выстрелы, окружив «бээмпэшку» султанами разрывов. На бешеной скорости бронемашина попыталась выскочить из-под огня и вдруг подпрыгнула, как игрушечный мячик, резко остановилась, задрав носовую часть в небо. Затем накренилась, плавно перевернулась и юзом, на тормозах скатилась в ложбину. Тут же из ложбины рванул яркий столб огня, а затем черное облако копоти.

— Тридцать первый! Вперед! — несколько раз рявкнул в микрофон покрытый по уши пылью заместитель Маликова. Не удержался, выскочил на плато и замахал в сторону танковой роты руками. Тут же раздался далекий одиночный винтовочный выстрел. Баев замер на миг с вытянутыми вверх руками, а затем грузно опустился на землю, схватившись ладонями за грудь. Его подтянули за плечи и волоком втащили тело в укрытие. На груди выступила кровь. Тело капитана дернулось в предсмер-

тных судорогах. Он сумел открыть глаза и с какой-то грустью и надеждой долго смотрел на комбата. Он так и умер с открытыми глазами, не проронив ни слова.

Лицо комбата ничего не выражало. Щеки его побелели, дрожь пробежала по скулам, спрятавшись в плотно сжатых губах. Зрачки расширились и наполнились жестоким огнем. Он тяжело, с натягом вздохнул и вновь уставился в бинокль.

К бэтээру мчались три танка, облепленных, как гроздь винограда, десантурой. С высотки, где находилось отделение сержанта Жданова, прозвучали выстрелы. Радист схватил наушники и несколько раз повторил:

 Без команды не стрелять. Слышите? Без команды не стрелять.

Ждали команды урчавшие в небе «вертушки». Молотили двигателями в Баграме загруженные бомбами самолеты. Застыли на кнопке «стрельба» пальцы операторов ракетных установок. Примкнули к окулярам прицелов глаза наводчиков танков и бэтээров. Приготовилась к стрельбе артиллерия. Сняли с предохранителей и передернули затворы автоматов десантники. Застыла в ожидании чего-то ужасного и природа. Слабый ветерок, обдав жаром лица, умчался вдаль и спрятался за вершину гор. Усталое желтое солнце спешило на запад, подальше к закату. Всего несколько секунд отделяло еще цветущий жизнью кишлак от границы хаоса и смерти.

Майор Маликов сверху вниз рубанул рукой. Радист молниеносно продублировал приказ о начале атаки, окончательно разорвав тонкую ниточку между жизнью и смертью. Рявкнули, застрочили десятки стволов. Ураган взрывов накрыл кишлак сплошным залповым смерчем, методично и беспощадно стирая с поверхности все живое. Вероятно, и тех людей, кто пытался сдаться. Особенно досталось «зеленке». После залповой стрельбы огонь танковых орудий, артиллерии и ракетных установок стал хаотичен. Расчеты сами выбирали цели и стреляли по готовности.

С пригорка, на который выдвинулся командный пункт батальона, хорошо было видно, как разрывы снарядов вдребезги разбивали глинобитные дувалы, а неуправляемые ракеты кучно ложились на кривые улочки, стремительно врывались в дверные проемы жилищ. Сотни ядовитых жал горячего свинца разлетались в разные стороны, круша на своем пути людей и животных. Еще носилась по улицам чудом оставшаяся в живых курица, изредка из развалин появлялись фигурки людей, но уже вторая волна смертоносного урагана готова была низвергнуться на землю. В небе с востока появились «сухарики». Эскадрилья самолетов пропахала кишлак пятьсоткилограммовыми бомбами и вторым заходом, сорвавшись в пике, нанесла точечный ракетный удар. И наконец-то юркие «двадцатьчетверки», а следом «восьмерки» плюнули огнем из всех стволов, закончив свинцовую смертельную пляску.

И тут же двинулся вперед разопревший от ожидания и безделья, разгоряченный от увиденного спецназ. Через полчаса десантура захватила всю «зеленку» вблизи кишлака, выйдя на финишную прямую.

К комбату стремительно подкатили две бронемашины. Бережно опустили с капота и положили на брезент рядом с телом капитана Баева и стонущего лейтенанта.

— Без сознания, — как сквозь сон услышал майор голос хмурого, с обвязанной белоснежным бинтом головой, полуголого десантника. — У меня куртка загорелась, когда лейтенанта вытаскивал. Сквозное ранение в голову и удар в затылок. Может быть, выживет. Механик и стрелок мертвы, раздавило всмятку.

Маликов старался не смотреть на лежавшие рядом тела капитана Баева и лейтенанта Суприкова, на всех ребят, убитых и раненых, приготовленных к загрузке в вертолет. Боялся при подчиненных показать свои чувства. И еще что-то такое, что на гражданке называется жалостью, а здесь слюнтяйством. Отвел взгляд в сторону и буднично бросил:

 Лейтенанта и всех раненых в вертолет и быстро в госпиталь. Убитые подождут, им теперь спешить некуда.

Про себя подумал: «К вечеру еще больше будет, отправим оптом. Может быть, и сам в ящик сыграю, кто знает. Баев погиб, хоть бы ты, Ванюша, остался жив. Помоги ему, Господи!»

Комбат резко оборвал поток мыслей.

— Пленные есть?

Радист пожал плечами и ответил:

— Начальник штаба собирает данные. По докладам ротных, в «зеленке» только трупы. В кишлак не совались, ждут команды.

Майор Маликов и радист так и не узнают, что пленные были. Один мужчина и его жены, откликнувшиеся на призыв лейтенанта Суприкова о сдаче. Оглохших и обессиленных, жалких и растерянных людей захватило отделение Кости Жданова. Позже десантура распорядилась их судьбой — жестко и безжалостно. Убитых «духов» насчитали более полусотни. Несколько человек бросилось в реку. Многие слышали их крики о помощи.

Отделение Кости Жданова после нанесения авиационного бомбово-штурмового удара (БШУ) спустилось в долину на изгиб горной реки. По пути взяли в плен трех женщин и мужика. Сорвав паранджи, были приятно удивлены милыми мордашками молоденьких жен трясущегося от страха крестьянина. Мысль пристрелить пленных и скинуть тела в реку сразу же вылетела из головы сержанта. Он плотоядно ухмыльнулся и приказал:

- Гога, спрячь их с глаз подальше. Мужики, пока не тронь, а то выть начнут. После ближе познакомимся...
 - Понял, командир, все будет в ажуре, не впервой...

Жданов уже не слышал своего бравого помощника. Его острый слух уловил крики людей, тонувших в бурном потоке горной реки. Взгляд выхватил из пузырящейся воды чью-то голову. Хищно сверкнув глазами, он схватил «снайперку». Методично и хладнокровно расстрелял несколько человек, всаживая в каждое тело пулю для страховки. Довольно ухмыльнулся и объяснил стрелявшему короткими очередями Сене Савченко:

— Все равно потонут. Так я их вне очереди к Аллаху. Чем больше этой дряни убьешь, тем больше сам проживешь. Мы — их, они — нас. Диалектика жизни.

Но потонули не все. Двоих молодых и сильных парней, вовремя нырнувших под воду и избежавших пуль сержанта, река вынесла на песчаную отмель в трех километрах от кишлака. Они с трудом отползли в укрытие и отлеживались до сумерек. Яростно и бессильно кусали губы, наблюдая, как русский спецназ уничтожает кишлак. Ночью направились в сторону Панджшера к Ахмад-Шаху Масуду.

Комбат в сопровождении ротных командиров брел по «зеленке», внимательно рассматривая хмурые, искаженные гримасой боли лица убитых. Что он хотел увидеть, понять в этой дикой картине смерти? Что-то загадочное, завораживающее, и в то же время, отвратительное и нездоровое, побуждало его смотреть на жестокое деяние рук своих. Женщин и детей не было. Видимо, прятались в подземных норах или были погребены под развалинами глинобитных дувалов. Разве только вон тот мальчишка с автоматом в руках, с разорванным животом и застрявшим где-то в пояснице окровавленным осколком. Его изуродованное, ощеренное в оскале лицо уже покрылось бледной пленкой смерти. На песок через лохмотья черного стеганого халата вывалились зеленоватые кишки. От них еще шел пар, легкая пепельная дымка. В открытых огромных глазах еще сохранились отблески жизни. Молодецкая удаль и отвага, боль и печаль запечатлелись в его глазах, внимательно смотрящих на комбата. Вероятно, мальчуган принял мгновенную смерть, не познав предмогильного стариковского страха, не почувствовав границы между светом и мраком.

Майор медленно наклонился, провел ладонью по глазам убитого и приказал прикрыть тело обрывком

брезента. Отвел взгляд в сторону и остолбенел от неожиданности. Прямо перед глазами, в каких-то трех шагах, лежал труп девушки, совсем не похожий на покорный и послушный облик восточной женщины. Она была прекрасна в последние секунды жизни. В джинсовых, облегающих бедра брюках, с согнутыми коленками, она ласково обнимала рукой камень, прижавшись правой половиной лица к зеленоватой гранитной поверхности. Копна пышных светлых волос, плотно охваченных по лбу зеленой лентой, мирно покоилась на покатых девичьих плечах. Концы золотистых завитушек прикрывали поясной ремешок, на котором болтался широкий армейский патронташ. Левый глаз остался прищуренным, как у молодой кокетки, подмигивающей понравившемуся парню. То ли европейка, то ли американка, то ли метиска. Любительница приключений или идейная мусульманка? Откуда забросила судьба эту амазонку-воительницу в суровые афганские горы? И это для майора Маликова осталось навсегда тайной.

На камне лежала современная снайперская винтов-ка, рядом валялось несколько стреляных гильз, забрыз-

ганных кровью. Поблизости

Поблизости оказался сержант Костя Жданов. Он бесцеремонно растолкал толпу десантников, мельком взглянул на труп девушки и, заметив снайперскую винтовку, злорадно схватил ее. Его всегда бледное лицо побагровело, в глазах вспыхнул яростный огонек.

— Гадина! — заорал он. — Притаилась, курва, за камнем. Из «снайперки» ребят била. Замкомбата, стерва, срезала. Я ее в бинокль вычислил, ловко спряталась. Думал, мужик, а это баба, сучара французская!

Он пнул носком массивного ботинка по ее изогнутым бедрам и, просунув ногу под живот, резко перевернул тело на спину. Ее голова скатилась с валуна, и перед глазами десантуры открылась отвратительная картина смерти, реальный мир, в котором они существовали.

Правая щека и глаз девушки были вырваны напрочь. На камне остались темно-бордовый сгусток засохшей

крови и кусочек прилипшего мяса. Был непонятен убийственный ход пули, исковеркавшей правую сторону лба, глаз, щеку, подбородок и не задевшей левую сторону лица и тыльную часть затылка.

Комбат недовольно покосился. Повернувшись в сторону начальника штаба, он спросил:

- Потери подсчитали?
- Пятеро наповал, семеро еле живы и эти, агитаторы... Начальник штаба оторвал завороженный взгляд от трупа девушки, сосредоточился и внимательно оглядел местность в бинокль. Уже спокойным и деловым тоном ответил:
- Добивать надо недобитков, иначе очухаются. Хотя навряд ли. После такой долбежки в земле разве только кроты выживут. Пора наступать, командир, на кишлак.

Основной удар был нанесен по позициям «духов» в зеленом кольце распаханной под посевы земли на плантации цитрусовых. В самом кишлаке в живых оставалось еще много людей. Женщины, старики, дети, больные и раненые. Обессиленные, оглохшие от бешеной бомбежки люди боролись за жизнь, зарывались в землю. Прятались в ямах. Прятали своих детей, стариков, прятались сами.

Так устроен человек, так устроен весь животный мир. Каждая земная тварь имеет инстинкт самосохранения. Прятались, твердо зная, что тоже вскоре умрут под пулями спецназовцев. Кто попадет в ад, кто — в рай. Кого услышит Аллах, кого нет. И будет ли что потом, после смерти?

А еще позже, совсем в потемках, по приказу начштаба, двое десантников закопают девчонку, единственную из всех погибших. Поднатужатся и сдвинут валун, на котором она умерла, на взрыхленную землю могилы. Устало присядут на камень, перекурят и уйдут в неизведанную даль, девушка останется навсегда одна — современная амазонка-воительница нашего кровавого времени, странного века, безумного мира. Валун и по сей день там. Среди сотен ему подобных. И краса-

вица девушка под ним, забытая и заброшенная. Остальные трупы жителей кишлака остались валяться и гнить там, где их настигла смерть, на радость летающим и ползающим тварям.

Майор Маликов посмотрел на наручные часы, чтото окончательно решил для себя и скомандовал:

— Прочесать кишлак. И чтобы по всем правилам.

Он в последний раз взглянул на красавицу-снайпершу. В памяти промелькнуло бледное, обескровленное лицо раненого лейтенанта, красное пятно на груди заместителя, шеренга рядком лежащих убитых его солдат. Он поморщился, сунул в рот сигарету, ощерился и громко рявкнул:

— Без потерь, мать вашу за ногу! Работать на уничтожение, всех к ногтю... Слышали приказ?

Ротные вскинули руки к вискам. Кто-то промямлил: «Есть!» Вскочили на бэтээры и разъехались по своим позициям.

Учить, как работать на уничтожение, десантуру не надо. Прозвучали гортанные команды взводных. Радист Коля Ефремов, прислонив мегафон ко рту, громко забубнил:

Все на кишлак. Работать на уничтожение, уничтожение, уничтожение...

Согласно отработанной системе, впереди медленно, по-медвежьи, натужно урча двигателями и лязгая гусеницами, пошли тяжелые танки. Подпрыгивая на камнях, словно сорвавшиеся с привязи псы, вдогонку устремились бронемашины. Строча из автоматов короткими очередями, прикрываясь матерками, вперевалочку двинулась десантура. Танковые пушки постоянно напоминали о себе. Звонко бухали в подозрительные точки, но чаще для острастки, бесприцельно стреляли по центру кишлака. Ну а пулеметы заливались вовсю, поливая свинцом пустые улицы. Окружив вплотную селение, еще с полчаса обрабатывали уцелевшие строения из всех видов оружия.

Все делали как надо, как учили. Планомерно, неторопливо, надежно. Кишлак доживал последние минуты. Кое-где еще ревела чудом уцелевшая, одуревшая от боли и страха скотина. То и дело во дворах порхала экзотическая азиатская живность. На кривых улочках подыхали верблюды и ослы, где-то за разрушенной мечетью жалобно ржала лошадь. Изредка слышался визг собак и мяуканье кошек. Рядом с животными валялись трупы людей, исковерканные, обезображенные, десятки женщин, стариков, детей. Раненые истекали кровью, пытались ползти, хватались руками за голову, вскакивали на ноги, всхлипывали, кричали и замолкали под градом пуль. Некоторые добивали себя сами, вонзая холодную сталь ножей себе в живот. Взрывали укрытия, превращая подземные дыры в семейные могилы. На предзакатной синеве неба инородным пятном расползалось зловещее облако копоти и дыма. Стремились вверх, в небо выхлопные газы бронетехники и души убитых людей. За горами поспешно пряталось солнце. В соседнем кишлаке неожиданно затянул тоскливую мелодию мулла. Он совершал вечерний намаз, может быть, проклинал неверных или провожал в последний путь своих несчастных соплеменников. Как будто не было войны, не гибли рядом люди.

Десантура вошла в кишлак. По команде взводных бойцы, разбившись на тройки, окружали полуосыпанные, разрушенные постройки дувалов. Двое подбегали к дверным и оконным проемам, а третий прятался в укрытие и прикрывал тыл, держал под прицелом ближайшие дувалы и всю улицу. Внутрь домов летели гранаты. Десантники заскакивали за порог, внимательно разглядывали внутреннее убранство жилищ чужого народа и немедленно расстреливали все движущееся, шевелящееся и ползущее. Заметив лаз, погреб, глубокую подозрительную дыру, вызывали огнеметчиков. Струя плотного яркого огня завершала дело. Для верности сделав по контрольному выстрелу, прихватив

ценные вещи, вся тройка устремлялась к следующему дувалу — продолжать дьявольскую вакханалию.

Уже в центре кишлака сержант Жданов, не обнаружив на поясе гранаты, отступил от своих правил. Без предварительной обработки смело переступил порог дувала. Все же на всякий случай пустил по окружности длинную очередь. Мельком заметил растерянное, бледное лицо еще живой женщины, прижимавшей к груди тельце голого ребенка. Но «калашник» четко выполнил свою черную работу. На светлом халате женщины, поперек живота и через холстину, прикрывавшую тельце ребенка, пропечатались точки зловещих дырок, из которых незамедлительно просочилась кровь. Женщина умерла мгновенно, но глаза... Мольба, ужас, страх и еще что-то женское, материнское, недоступное нам, мужчинам, жило в ее взгляде. И руки... Перебитые, все в крови, они плотно прижимали к груди ребенка, защищая ладонями его лысенькую головку от того ужасного, что с болью вошло в ее тело.

Костя замер посреди комнаты, долго смотрел на дело рук своих, допустив вторую ошибку, за которую тут же поплатился. Гулко хлопнул одиночный выстрел, и левую руку сержанта пронзила боль. Он молниеносно брякнулся на пузо, перезарядил автомат, поморщился и, не обращая внимания на простреленную руку, приподнял голову. «Сержант! Лежать!» — услышал он голос Савченко, который исправил его первый промах. Прогремел взрыв гранаты, и боком из-за угла начал вываливаться изрешеченный осколками мужчина. И тут же завалился назад под шквалом очередей спецназовских автоматов. Он что-то успел пробормотать, прежде чем грузно рухнул на тело женщины. В проеме двери появился Савченко, держа наготове автомат. Облизал губы и прохрипел:

— Фу, думал, тебе каюк. Я его сразу заметил, только ты мешал стрельнуть, пришлось гранатой. Пошли на воздух, перевяжу. Мерзко тут, кровища кругом. Рыгну еще.

Жданов приподнялся, качнувшись, шагнул к тру-

пам, приподнял автомат и спокойно сделал контрольный выстрел в затылок мужчины. Это был последний выстрел в этот день. Последние жертвы. Кишлак был окончательно зачищен. Солнце наконец-то спряталось за горами. Близился вечер. Бесконечный и теплый.

Еще сутки батальон находился на краю «зеленки». Ночью ярко горели костры, на которых жарились куски мяса. Десантура жевала свеженину, изредка сонливо поглядывая на мертвый кишлак. Когда появился знакомый сладковатый запах разлагавшейся мертвечины, Маликов отдал приказ отойти от кишлака и рыть окопы по периметру. Еще пару дней спецназовцы, матеря всех и всякого, торчали в окопах. Но никто из кишлака так и не появился. Последними покинули селение бойцы отделения Кости Жданова.

На вопрос своего спасителя, что делать с пленными, сержант, усмехнувшись, ответил:

- Если бабы надоели, бери мужика. Лицо Семена залилось краской. Но чтобы не казаться опытному командиру пацаном, он развязно хихикнул:
- Бабы всем приелись. Взводный приказал отходить. Куда их девать будем?

Жданов неосторожно двинул простреленной рукой, охнул от резкой боли и уже со злостью выдавил:

- Дерьмо собачье. Свидетелей не оставлять, кончай их... Поняв, что сержант не шутит, Савченко заморгал глазами, суетливо роясь в кармане маскхалата.
- К реке их, Семка. Предупреди братву, ни гу-гу. Все одной веревкой повязаны. Пулю в затылок, камень к ногам и в воду. Что уставился? Слизняк хренов. Веди баб, сам кончу. Тоже мне, вояки.

Привели закутанных в тряпки женщин. Истерзанные, поруганные, полуголые, они и сейчас упорно прикрывались руками, стыдясь своей наготы. Послушно встали на бережку на колени, опустив лица в землю. Одна не удержалась, зачерпнула в ладони воду и хотела выпить. Не успела. Костя передернул затвор авто-

мата и выстрелил ей в затылок. Неторопливо добил и остальных. Братва суетливо привязала к ногам камни и быстрехонько столкнула трупы в воду. Костя закурил и хмуро проговорил:

— Не в бирюльки играем. У них все воюют. И дети, и бабы. Сами видели. И этих оставлять в живых нельзя. В снайперки определятся, как та стерва, или нас заложат. Нет человека, нет проблем. Семка, понаблюдай, чтобы не всплыли, не дай Бог...

Тела без вины виноватых женщин надежно укрыла река. Не будут они матерями. Оборвалось еще одно звено между прошлым и будущим.

Еще раньше забитого до полусмерти крестьянина связали и на веревке спустили на солнцепек поджариться. Обнаружив, что он еще жив, решили напоследок потренироваться в меткости стрельбы. Тут отличился Гога. Его выстрел оборвал веревку, и тело бедняги упало в ущелье. Сеня Савченко вслед полоснул очередью из автомата. И его сердце погрузилось в пучину жестокости и равнодушия.

А в Москву ушло очередное донесение о крупной победе советских войск в Афганистане. Многие получили ордена и медали. Позже в кишлак пришли люди и нашли трехлетнюю девочку. Как она уцелела, только Богу известно. Ее грязная, умная мордочка тоскливо смотрела по сторонам. Искала маму. Не приведи Господь стать ей снайперкой в своей или чужой стране.

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

Тот день остался в моей памяти навсегда, вобрав в 24 часа времени всю жестокость, мерзость, безнравственность, подлость, отчаяние, безысходность и глупость афганской войны. И я в той далекой горькой обыденности с трудом узнаю себя: молодого и сильного, равнодушного и послушного робота войны. Мы рабо-

тали, выполняли служебный долг. Становились пленниками войны, ее закадычными друзьями. Менялись мы, менялась страна. В худшую сторону.

Тот день — стращный, насыщенный памятными фактами, для меня был последним, пограничным толчком к прозрению. Простой вопрос наконец-то пришел в голову. Для чего? Для чего все это? Ответы у всех разные. Но по сей день лично у меня одни вопросы. Всего один только день...

Полковник Смирнов, злой, как черт, явно перебравший спиртного, исходил потом. Все казалось плохим. Особенно это ущелье, куда с левым разворотом заходили вертолеты. Смахнув пот с лица, брезгливо поморщившись, влажной ладонью полковник прижал «ларингофон» к гортани. В эфире раздался его властный голос:

— Кто на посадке? Понял. Садись с ходу. Кому говорят, мать вашу! Не дрейфь. Что, летать разучились? Я приказал — с ходу! Кому говорю! Раззява хренов!

Смирнов был не в своей тарелке. Возомнивший о себе бог знает что, как и любой большезвездный ка-бульский коршун, привыкший воевать по штабным картам, давать распоряжения, теоретик паниковал и нервничал. Он, как базарная торговка, отрывисто, «матком» рычал в эфир, давая противоречивые указания:

— Куда прешь! Слепой, что ли? Уходи на повторный. Как твой позывной? Салага, мать твою! Сниму с летной работы, дуб тупорылый!

Смирнов вытягивал шею, вертел головой из стороны в сторону, налегая грузным телом на ручку управления вертолета. Резко дергал педалями, заставляя бледнеть и ерзать на сидении опытнейшего бортмеханика Анатолия Головина. Анатолий, бросая взгляд на приборы, кричал мне в ухо:

Этот инспектор нас в землю вгонит. Перетяже-

лит винт. Опять скорость гасит. Что он, с ума сошел? Ведь перетяжелит, перетяжелит винт!

 Командир! Обороты, скорость, — напомнил я, стараясь не взбеленить разгоряченного полковника.

То, что Смирнов самодур, но летчик от Бога, я знал давно. Но здесь... не Кабульский аэродром и не плановые полеты по коробочке. У меня было достаточно горького опыта сложных полетов в горной местности. А опыт мне подсказывал, что еще немного дерготни и нам амба, конец. Полковник что-то буркнул в ответ, брезгливо, с высоты покосился на меня и вновь перешел на визг:

— Куда прешь! За горку заходи! Что, ослеп или пьян с утра? Я тебе покажу на разборе полетов. Кому говорят, олух небесный!

Толку от моих реплик было мало. Небесный ас не слушал мелкоту. Может быть, спутал стационарный командно-диспетчерский пункт аэродрома с кабиной «вертушки». Как каждый штабной большезвездный чин, он искренне считал, что кругом одни дураки. Он привык командовать, любил повелевать. Ко времени и месту ли — ему было наплевать.

У командира последней «вертушки» сдали нервы. Да и по логике, последний всегда крайний. Ему полковник преподнес целый букет матерков. Командир поспешил с посадкой, преждевременно загасив скорость. Вертолет резко просел, набрав большую вертикальную скорость.

— На повтор, на повтор! — заорал благим матом в эфир полковник.

В данном случае повторный заход был необходим, но нежелателен. Второй круг — всегда угроза лишней пробоины в фюзеляже или дырки во лбу. Но и уходить на второй круг было поздно. Набору высоты и разгону скорости мешали пики горных вершин, торчавших в поднебесье по курсу взлета. «Вертушка» плюхнулась на землю, благо, на все три точки опоры. Удар был силен.

Вертолет отпружинил от земли, сделал пару скачков, бешено вращая лопастями. Умелые руки летчика удержали его от опрокидывания. Резко был сброшен шаг-газ и немедленно выключены двигатели. Угрожающе раскачивая корпусом, вертолет замер на краю пропасти.

— Пронесло, — только подумал я, как почувствовал всем телом резкое падение вниз. Сразу же вылетел из головы полковник со своими командами и судьба «вертушки», произведшей посадку. Мой и Анатолия взгляды мгновенно сосредоточились на приборах. С ужасом я увидел стрелку указателя скорости, приближающуюся к нулю. Мельком увидел угрюмое, побагровевшее лицо борттехника. Мои руки схватились за рычаги управления. Будто во сне, услышал крик Головина:

— Командир! Скорость, обороты, обороты, скорость! Вроде бы Толик съездил полковнику по уху. Все же Смирнов был дока в летном деле. Молниеносно окинув взглядом приборы, сосредоточив внимание на указателе оборотов и скорости, он плавно потянул «шажок» (рычаг шаг-газ), поманипулировал «коррекцией» и протолкнул ручку управления вертолета вперед. Позже я понял, что это был единственный шанс выжить.

Перетяжеленному несущему винту не хватало мощности двигателей. И винт мог сделать опасную штуку, страшную для любого летчика, стоимость которой – человеческая жизнь. Вертолет, задирая нос, камнем падал в пропасть. Тогда нас спасли глубина ущелья, выдержка и умелые руки самодура-полковника.

Прищурив глаза, плотно сжав губы, он упорно проталкивал ручку управления вперед. Еле-еле стрелка указателя скорости поползла вверх. Нос вертолета выровнялся. Прекратились визжавшие от напряжения хлопки воздуха. Метрах в ста пятидесяти от земли нас тряхнуло, скорость перевалила за отметку 60 км/ч. Я с облегчением понял, что и на этот раз пронесло. Вертолет перешел на режим косой обдувки, стремительно уменьшилась вертикальная скорость и мы плюхну-

лись позади всей вертолетной кавалькады. Несколько десятков метров высоты и секунд времени спасли нас от гибели. Смерти. Внезапной, нелепой, сотворенной человеческими руками.

Но полковник! Он остался верен себе. Не зря говорят: «горбатого только могила исправит». Затормозив вращение лопастей, он победоносно взглянул на меня и самодовольно проговорил:

— Что? В штаны наложили? Паникеры. Как моя посадка? Ты бы сумел? Где уж бы вам, лапотникам. Учись, браток, пока я жив. Так что вам повезло.

Позже о «геройской» посадке со слов полковника знали многие. Смирнов за операцию получил орден. Но мало кто знал, что лишь своевременное вмешательство мое и борттехника сохранили те метры и те секунды. Ну а тогда его высокомерная, победная рожа, ждущая похвалы, желание ястреба, создавшего своим самодурством смертельную ситуацию, какой-то благодарности от нас повергло в шок.

— Я больше с вами не полечу, — спокойно проговорил Головин, закуривая сигарету. Вылез из кабины и, повернувшись к ошарашенному полковнику, добавил, — хотите подыхать, так без меня. Ваши фокусы мне ни к чему. Ищите другого дурака-технаря. А мне хочется домой вернуться.

Анатолий снял шлемофон с головы, долго смотрел на предрассветные лучи солнца, жадно вдохнул воздух и молча двинулся к соседнему вертолету.

— Стоять! — взревел опомнившийся полковник. — Я кому сказал! Стоять! А ты куда без команды? Я с вами еще разберусь!

Тут уж взбеленился я. Появилось желание съездить Смирнову по роже. Кое-как овладел собой. На ходу бросил:

 Летайте с другими. Более умными. Вы же сами сказали, мы до вас не доросли.

Услышал вдогонку:

— Сниму с летной работы. Я кому сказал. Стоять!

Головин не выдержал. Его лицо побагровело, кула-ки сжались.

— Спокойно, Толик, — я обнял его и с силой сдавил плечи. — Я сам разберусь. Как летчик с летчиком.

Мы смотрели в глаза друг другу. Смотрели долго, не мигая, непрерывно. Мы говорили глазами. И мы друг друга поняли. Полковник отвернулся первым. По-стариковски покряхтел, вытер потными руками лысину и молча пошел в сторону штабной палатки. Больше мы с ним не летали.

Это был рассвет. А утром...

Мы дремали в «вертушке», обливаясь потом. Кто-то пошаркал ногами по стремянке. Я открыл глаза и увидел здоровенного десантника с оживленным выражением лица. Заметив, что я проснулся, он весело спросил:

— Командир, курить не найдется? За недельку совсем прокурились. Патроны, жратву возят, а курить нет. Хоть на травку переходи. Забодала житуха.

Я протянул ему пачку «Примы».

— И что вы тут недельку делали?

Он жадно затянулся дымом, несколько раз чихнул и, хохотнув, ответил:

— Трясли друг друга. То мы «духов», то они нас. Благо, сегодня поутряне две «объемки» бахнули. То, что мы за неделю напластали, бомбочки за часок ковырнули. Эффективно, скажу я вам. Есть желание — пожалуйста, таких «страшков» покажу, какие и в кошмарном сне не приснятся.

Я вскочил как ошпаренный, только сейчас поняв причину убаюкивающей тишины вершины и долины горной гряды Гиндукуша. Соскочил с сиденья и Анатолий — любитель всевозможных зрелищ. Оживленно переговариваясь, мы двинулись следом за десантником. Жестикулируя, он восторженно рассказывал:

— Мы с прошлой недели дергаемся. Ни туда, ни

сюда. Сильно укрепились, гады. Ни пулей, ни снарядом не возьмешь. А тут начальства, как саранчи, поналетело, журналисты всякие. Взводный говорит: «Хана. ребята, дело. Полбатальона положат, а заставят горку взять». Показуха. Мы было приуныли. А ночью команда — отойти назад. Поутряне «стратеги» (самолеты) нагрянули, затем «вертушки». Когда рассвело, и мы в бой пошли. Хотя, какой бой? Трупики одни. Трупики. А какие! Бомбочка хрясь — и сливай воду. Эффект стопроцентный. Сами посмотрите. Такое в кино не покажут. Муторно, блевать тянет. Снайперов не боись. Как в Сочах на курорте — голяком гуляй. Всех бомбочка подчистила. Газочек в каждую щелочку залез. Говорят, какая-то вакуумная. Разряжение сильное, давление бешеное. Хлеще американского напалма. Там море огня и шума. Тоже эффективно. Смотреть жутко. А у нас подругому. Тихо-мирно — и шашка в дамки. Чаще бы применяли. А то — «нельзя, негуманно». Убивать ножом, пулей гуманно, а газом — нет. Брехня какая-то. По мне так хоть весь Афган вытрави. Скорей домой поеду. А вот и первый экземпляр. Их поблизости много валяется. В одной пещерке так под сотню штук. На стенки, дурилы, прыгали, друг в друга мертвой хваткой цеплялись. Как клопов, траванули. Туда мы не пойдем. Опасно. Там несколько человек живьем взяли, выжили както. Только я думаю, они после бомбежки по каньону спустились. На разведку шли. Тишине удивились. Или подкрепление. Свеженькие. Не попали под молотилку. Может, еще кто есть. Стрельнуть могут. А нам это ни к чему. Береженого Бог бережет. Этого дохлого добра и здесь навалом. Бомбочка, скажу я вам, ну и бомбочка!

На возвышенности стоял пулемет, заправленный полной лентой. Полукругом окоп, под ногами стреляные гильзы. Валялись три трупа. Двое — уткнувшись лицом в песок, третий — облапив руками камень, выгнувшись по-змеиному телом. По очертанию спины, еще не старый человек, с неестественно вывернутой

шеей и сжатыми в кулаке пальцами. Гримаса его лица была ужасна. Рот порван — красное, обагренное дупло с торчащим, обкусанным куском языка, вытянутым каким-то образом до подбородка, задранная к носу верхняя губа и звериный оскал шеренги ровных зубов. Его подбородок был свернут в сторону, щеки сморщены. А глазищи! Открытые, выпученные, вылезшие из глазниц, с кровяными стрелами лопнувших поперечных и продольных сосудов.

Десантник деланно хихикнул. Пнул носком ботинка в бок трупа.

— Развалился. И правда, у себя дома. Посмотрели? Сногсшибательно. Что я говорил? Те двое песок, камень хрумкали. Так и подохли с набитым ртом. А этот ерепенился. Не хотел умирать. Я за день нагляделся. Ничего, привык. И вы привыкнете. Человек, он ко всему привыкает. Пойдемте следующих мертвяков покажу. Экскурсоводом поработаю.

Дикое желание посмотреть на чужую смерть у меня испарилось. Невольно на миг представил самого себя на их месте. Попытался вообразить предсмертные муки, последние мгновения жизни этих людей. Мне показалось, что вот сейчас вновь взорвется бомба. Уже мы будем грызть зубами землю, дико орать от бешеного давления в ушах, хвататься друг за друга руками и молить Бога о скорой смерти. Мне стало жутко, одиноко, тоскливо. Я потянул Головина за рукав. Анатолий почувствовал что-то подобное. С нас довольно было и этих экземпляров, о чем я сообщил десантнику.

Он благодушно кивнул, явно и сам не желая продолжать экскурсию. Опустился на корточки, развернулся спиной к трупам, запустив в рот очередную сигарету:

— Дело ваше. Как сговорились. Третью экскурсию веду. Дальше никто не двинул. Мы по горячке осмотр произвели. Вот теперь и рассказываем. Но лучше б глаза мои не смотрели. Сниться еще будут. На гражданке никто не поверит, что такое бывает. Сюда бы тех, кто

войны начинает, кто придумывает эту белиберду: «гуманно, негуманно». По мне, Бог дал жизнь, он и забрал. Вся гуманность. Мы тут дергаемся, долбим друг друга пачками. За что, про что — по сей день не врублюсь. Пробуем новые виды оружия. Сегодня мы, а завтра они. Конструкторы тем временем еще что-нибудь страшненькое изобретут. Зачем, для чего все это? Иногда гадаю, какой смертью легче умереть. Вот такая ерунда в голову приходит. Раньше на мечах бились, стрелы пускали. После пушки пошли, снаряды, автоматы. Теперь бомбы атомные, водородные, напалм, газы, ракеты. Интересно, лет через сто как убивать будем? Как думаешь, командир?

Мы сидели рядом с десантником, думая каждый о своем. Головин вдруг громко захохотал, схватившись за живот. Повернулся ко мне и, тыкая пальцем в десантника, проговорил:

- Чудит десантура. Сто лет жить собрался. Ты до дембеля-то доживи, не сыграй преждевременно в ящик.
- Жив буду или помру, а мне все равно интересно. Раньше воевали, сегодня воюем и завтра будем. А техника-то развивается, особенно убойная. Сами сегодня убедились. Одна-две бомбочки, а такой шухер навели.

Толик помолчал. Сорвал пучок травы. Долго мял его пальцами. Тихо ответил:

- Ничего не будет. Пустота. Безбрежный космос. Тысячи других планет, других миров. Смотри. Я дунул и нет травы. А когда-то она цвела, зеленела. И земля прахом пойдет, если дальше воевать будем. Ну, нам пора. А ты, философ, возьми лопату и закопай «духов». Люди же...
- Ну уж фиг. В могильщики я не нанимался. Их тут полно валяется. Месяц закапывать будешь. Мы уйдем, вернется «духовская» родня, похоронит. Насчет этого у них строго. Мертвых не бросают.

Действительно, у мусульман строгое правило – хоронить убитых. И мстить за их смерть. Это железное

правило было причиной ряда яростных атак на наши позиции. Пока штабисты и разведка выясняли, что ценного «духи» нашли в данной местности, афганцы, прикрываясь огнем, тащили на себе погибших товарищей. Стратеги в погонах закручивали кольцо крупной операции на пустом месте. «Духи», вытащив своих, тихо покидали район боевых действий. А потом мстили. Коварно, безжалостно. И, может быть, справедливо. Хотя, какая может быть справедливость на войне? Это было утром, а в полдень...

Изнывая от жары и безделья, находясь под впечатлением утренней экскурсии, мы уныло наблюдали за группой людей, спускавшихся с пригорка. Впереди, связанные одной веревкой, устало тащились четверо пленных. Сзади грузные мужики, обвешанные оружием, явно не первогодки, замыкали процессию. Пленные, как на подбор, были молодые, сильные парни. На головах двоих отсутствовали чалмы, один придерживал другого, третий одергивал руками в клочья разорванный халат. Последний, опираясь на палку, скакал по камням босыми ступнями ног. Безразлично взглянув на нас, они проковыляли мимо. Сзади резко дернули за веревку и четверка пленных послушно рухнула на землю.

Я посмотрел на конвоиров и увидел радостно улыбающуюся знакомую физиономию.

- Привет, старина, хрипло пробасил коренастый, мускулистый майор, протягивая руку.
- Колян? удивился я, мгновенно вспомнив приблатненного, вечно пьяного капитана, с которым два месяца назад на пересылке в Ташкенте мы трое суток беспробудно пили водку. Выпили мы ее море. Опустошив карманы, двинули на поиски приключений. Связались с какой-то узбекско-татарской шантрапой, которая на прощание решила заглянуть в наши бумажники.

В карманах только ветер гулял. Разочарованные собутыльники начали футболить нас ногами, разбудив мирно дремавшего на ящике капитана воздушно-десантных войск. Колян дрался яростно. Бил жестоко и профессионально. Последнего из нападавших потряс за шиворот и заставил обшарить карманы противников. Засунув деньги в карман, ладошкой рубанул последнего по шее. Матюгнулся и изрек: «Ишаки. Лежачего бьют. Денег захотелось, вот и платите компенсацию. Сматываемся, а то менты нагрянут. А эти? Пусть знают наших. На кого, суки, руку подняли».

Где-то орала милицейская сирена. По дороге снова нажрались до одури. Колян вновь пил за себя, за того парня и хоть бы хны. Куда-то рванули на такси. Щедро расплатились. И... Дальше не помню. Резко пошел в вырубон. Утром открыл глаза, а капитан уже с опохмелкой стоит, ухмыляется. Оказывается, как с поля боя, он меня на спине тащил километра два. А я песни пел. В общем, совсем крыша поехала. А он выдержал. Что значит десантная закалка. Колян улетел первым. На прощание обнялись. Он похлопал меня по плечу:

— Встретимся в Афгане. Пора, братан, на работу. Передышку необходимо сделать. По спиртному годовую норму выполнил. Держи краба, браток.

Вот и встретились. Правда, теперь его было не узнать. Может, и правда, все мы меняемся, когда пересекаем границу. И туда, и сюда. Какой-то дерганый, взвинченный, как пружина. Болтал без умолку. Видно, безумно был рад случайной встрече. На его плечах я заметил майорские звездочки, с чем незамедлительно поздравил. Он покосился на погоны и довольно изрек:

— Это за Митерлам. Вне очереди. Знай наших. Такими темпами, дорогой, я и генерала в Афгане получу.

«Или пулю», — хотел добавить я, но промолчал, решив не омрачать ему настроение.

Вдруг в его глазах загорелся зловещий огонек. Как тогда в Ташкенте. Сумрачно окинув взглядом пленных, Колян повернулся ко мне:

 Вот такое дело, дружок. Троих надо спустить на землю, без парашюта. Сможешь? Или кишка тонка?

Я с изумлением уставился на майора, ставшее чужим и злым его лицо. До меня постепенно дошел смысл его предложения. Дрогнули ноги, тело прожгло жаром. О таких делишках я слышал. Но чтобы самому... Помялся на месте, растерянно улыбаясь. Колян не дал мне передышки. Речь его стала прямолинейной, четкой и напористой. Он загорелся идеей, он вновь занимался делом, своей работой.

— Не дрейфь. Так надо. Они на связь шли. После бомбежки. Не раскалываются, хоть кол в задницу вбивай. А тот дылда за главного. Я переборщил. Задницу ему проводкой попортил. А это место у них святое. Теперь ему муки земные «до фени». Может быть, небесные помогут?

Какое-то нездоровое любопытство, чувство новых ощущений заставили меня утвердительно мотнуть головой. Не глядя на пленных, спросил:

- Всех? Или по выбору?
- По ходу видно будет. Мне бы этого верзилу тряхнуть. Чувствую, знает, но молчит. Возиться с ним некогда. А информация у него ценная должна быть. Ну что, по рукам?

Эта минута перевернула многое в моей жизни. Ведь фактически и я стал палачом. Но тогда об этом не думалось.

- Надо с начальством вылет согласовать. У нас за бугра полковник Смирнов. Договорись с ним. Скажешь, второго летчика с соседнего борта возьмем. Он поймет, почему. Кстати, прикажи этих привязать, а то дергаться начнут. А бардак в воздухе нам ни к чему.
- У нас не подергаешься. Правда, кто их знает. Возьмут, друг за другом все прыгнут. У них мозги набекрень после проводки. Одного надо оставить обязательно, а там посмотрим. Я к полковнику. Запускай «вертушку». Одна нога там, другая здесь. Я мигом.

Парашют, парашют. «Духи» нас не подведут, С па-ра-шю-том сиганут,—

громко мурлыкая, растягивая слова, пел он, шагая к штабной палатке.

Тогда в воздухе я вышел в забитую пленными и десантурой грузовую кабину. Хотел понять, что чувствуют приговоренные к гибели люди на пороге смерти. Догадываются ли об этом? Они сидели рядком с левой стороны борта. Напротив — насупившиеся лица офицеров-десантников. Я, безоружный, в голубом комбинезоне, сильно отличался от вооруженных до зубов десантников и возбудил в пленных любопытство. И, как мне показалось, надежду. Это были последние минуты их жизни. Понимали, знали ли они об этом? Никто никогда не поведает. А я старался запомнить их лица. Надолго, навсегда. Не знаю, зачем. Я хорошо понимал, что моя команда послужит началом конца их существования на земле. Что-то подтолкнуло меня к третьему смертнику, сидевшему рядом с верзилой, молодому безусому парню с грустными черными глазами. Как ни странно, на его жилистой руке сохранились часы. Я протянул ладонь и указал глазами на них. Верзила что-то буркнул афганцу. Тот растерянно, виновато встрепенулся и резко вскинул левую руку в мою сторону. В его утомленных глазах сверкнула веселая искорка презрения. Презрение к мародеру в синем комбинезоне. Ко мне. Я провел пальцами по стальному браслету и прочитал еле заметную надпись на циферблате — «Сейко». Вторая рука пленника попыталась расстегнуть браслет. Я схватил его за ладонь, крепко сжал за запястье и отрицательно замотал головой. Афганец сидел не шелохнувшись, уставившись мне прямо в лицо. Наши глаза встретились. Какая-то человеческая ниточка связала нас. Я потерянно улыбнулся ему. И в его глазах мне почудилось сочувствие и жалость. Человеческое участие ко мне, одному из палачей! Не знаю, понимал

ли он тогда, что был на краю смерти. Но никто не хотел умирать. Это я твердо знаю. Я оттолкнул его руку с часами. Неожиданно для себя потрепал по плечу и, повернувшись к Коляну, прокричал:

— Этого оставь. Он мне понравился. Прошу тебя... Майор внимательно смотрел на нас. О чем-то посовещался с заместителем. Криво усмехнувшись, ответил:

— Хорошо. Только лучше ли это будет? И для него, и для нас. Пусть живет пока...

Смысл этой фразы я понял поздно вечером.

Первый смертник по-звериному визжал и брыкался. Первому всегда трудно, тем более умирать. Страшной, дикой смертью. В прямом смысле от страха он наложил в штаны. Колян заломил его руки за спину, вывернув их из суставов. На голову накинули веревочную петлю, затянули. Схватили за ноги, качнули и швырнули смертника в поднебесную пустоту. Хрипящий визг плач пленника оборвался, растворившись в безбрежном океане Вселенной...

Второй смертник поспешно читал молитву. Он закатывал глаза в потолок, судорожно водил ладонями по лицу и старался не смотреть и не слышать мук своего собрата. Толчок в плечо пронзил его тело судорогой. На мгновенье закрыв глаза, он резко вскочил на ноги, что-то прокричал и сам выбросился в дверной проем кабины.

Десантура замялась, обговаривая смелый поступок афганца. Этим воспользовался верзила, каким-то чудом развязав узлы веревки на руках. Облапив Коляна сзади за грудь, сжав в мертвой хватке пальцы, пленный потащил майора за собой в пучину смерти. Лишь в последний момент ошарашенный заместитель майора успел схватить пленника за ноги и повалить на пол кабины. Кто-то опустил на голову афганца приклад автомата, проломив ему череп. Обрызгав Коляна кровью, верзила потерял сознание и разжал пальцы. Майор, беспрестанно матеря все и всех, на карачках вылез изпод афганца, вытер подолом куртки с лица и рук чужую

кровь, развернулся и стал пинать бесчувственное тело ногами. Что-то рявкнул в залитое кровью ухо смертника, схватил за плечи его тело, подтянул к дверному проему и швырнул в пустоту. Угрожающе сверкая налитыми кровью глазами, хватаясь руками за обшивку грузовой кабины и дополнительный топливный бак, Колян двинулся в сторону последнего пленника. Опомнившийся заместитель что-то прокричал ему в ухо, стараясь плечом отгородить афганца от взгляда майора. Колян на мгновение остановился, успокоился и устало опустился на сиденье. Положил голову на плечо заместителя и прикрыл глаза. Так он и дремал до самой посадки. Может быть, спал, а может быть, думал свою горькую думу. Как знать?

Апленник, тот самый, с часами, сидел в углу и плакал. По-детски, со всхлипом, растерянно и обиженно. Выйдя из грузовой кабины, он упал на землю, обнял ее руками и затих. Пинок в бок и окрик Коляна заставили его встать на ноги. Повернувшись ко мне, майор крикнул:

 Вечером продолжение спектакля. Парень сломался. Приходи, не пожалеешь...

Это было в полдень. А вечером...

IV

Как последний трус, нервно перебирая ногами и теребя пальцами свою помятую панаму, я одиноко замер у края неказистой палатки, наблюдая и слушая то, что происходило внутри. Мне было страшно. Очень страшно и противно. За себя и своих друзей. Я не смел войти в палатку, я трусил, трусил и трусил. Я был ошеломлен и подавлен.

Пленника жестоко били. Какими-то ржавыми, окровавленными цепями, беспорядочно валявшимися на земляном полу. Накаливали железо на весело играющем в печурке огне и прожигали тело. Стояла страшная вонь обгоревшего мяса. Какими-то лязгающими

рычагами с хрустом сломали суставы пальцев. Соорудили над головой бедняги какой-то стальной обруч, опустили его на голову и, плавно закручивая гайки, сжали его черепную коробку до леденящего хруста. Ввиду отсутствия иголок, монотонно постукивая по шляпкам железным молоточком, ему вгоняли под ногти мелкие гвозди. Прикладывая провода к различным частям тела, периодически крутили ручку допотопного телефона, вырабатывающего электрический ток. Пытали всеми методами извращенной инквизиции двадцатого века. Пытали жестоко, подло, безжалостно, отвратительно. В каком-то первобытном, животном азарте современных дикарей. Что хотели, то и творили, забыв, что и их когда-то родила мать, что и они были когда-то детьми и остаются всегда ими для матушки-земли. Зверь, оказывается, обитает в нас.

> И вчера, и сегодня, и завтра Дьявол поселился в наших душах. И вчера, и сегодня, и завтра Ад уготован нам посмертно. И вчера, и сегодня, и завтра, Если зло победит добро, Если мы не остановим смертельный бег, Новый век уже не придет. Тебе конец, человек.

Мои мысли путались. Что только не приходило в голову. Я стоял и слушал. Слушал и стоял. И еле-еле дышал. Жертвой пыток был оставшийся в живых пленник. Сломленный, раздавленный уже человек. Вероятно, давно проклявший всех богов за спасение в воздухе и моливший своего Аллаха о милости послать ему мгновенную смерть. Его стоны и причитания тонули в пьяном гоготе десантуры. И лишь дикие вопли от боли, вылетающие из усталой глотки, изредка прорезали вечернюю тишину.

Как сквозь сон, услышал довольный голос Коляна:
— Колется, гад. Что я говорил? Ты, Ахмет, вытяги-

вай из него все и не ври, а то и из тебя отбивную сделаем. Смотри у меня. А мой-то дружок-летун, белоручка, паинька, не пришел, мать его за ногу. Вечно нам грязная работенка достается. И правда, летуны в плен редко попадаются. Собьют, так сразу в рай или ад отправляются. Или пулю в лоб пускают. Им рекомендовано в плен не попадать. «Духи» быстренько им кишки из живота выпустят. И бомбежки, и расстрелы кишлаков все на их совести. Я им не завидую. Не зря мой друган всегда пугач на боку носит. «Духа» им не напугаешь, а себя на тот свет мигом отправишь. Но все равно кишка у летунов тонка нашим делом заниматься. Видишь, даже не пришел. Давай, Ахмет, переводи правильно. Мы еще ангелы по сравнению с вами. Это же надо, Ахмет, такое придумать. Мне бы никогда в голову не пришло на башке гайки закручивать. Ну и кровожадный вы народец, мусульмане. Своего земляка не жалеешь. А если бы меня, Ахмет? Как бы пытал? Врешь, стервец. Тебе дай волю, ты всю землю кровью затопишь. Вас на привязи держать надо, как цепных псов. И пулю в глаз, если с цепи сорвался. Тоже мне, защитники ислама. Что мы, что вы — одним миром мазаны. И вы, и мы безбожники, точнее, проститутки. И вашим, и нашим. Не бубни, не бубни, Ахмет. Еще говоришь, муллой хочешь быть. А ты Божьи заповеди знаешь? Везде они одинаковые. О добре и справедливости. Где же твое добро, Ахмет? Лицемер ты, одним словом. Крути гайки-то, что зенки пялишь. Крути еще круче. А теперь спрашивай: откуда, куда и зачем. Аты, лейтенант, куда смотришь? Видишь, посуда пуста. Наливай полный стакан. Не берет, стерва. По пьяне-то легче этим делом заниматься, быстрее забывается. Когда вернусь в Союз, на хрена мне эти воспоминания. Всадите кандидату в покойники еще пару гвоздей в задницу. Что-то орет слабо. Все равно не жилец он, да простит меня Господь!

А ты, Ахмет, переведи ему. Пусть своих сдает с потрохами. Больше мучить не будем, сразу к праотцам отправим. Скажи, что майор славных воздушно-десантных войск Колька Гранов слово держать умеет...

Ночью часть танков и бэтээров, облепленных десантурой, двинулись вглубь «зеленки». На переднем из них сидел чуть живой пленник, послушно указывая дорогу. Всю ночь слышались далекие взрывы и выстрелы. А утром меня бесцеремонно разбудил Колян. Довольно откупоривая бутылку водки, он пояснил:

— У тебя глаз наметанный. И как ты догадался этого в живых оставить? Раскололся за милую душу. Целый караван с оружием сдал. Мы их тепленькими взяли. Окружили танками в долине и размазали по земле гусеницами ко всем чертям. И верблюдов, и ослов, и людей. Затем кишлачок прочесали. Всех выкурили из нор. Бац, бац из пулеметов. Лихо поработали. Где пленный, спрашиваешь? А мы его того. Ликвидировали. Без мучений, как обещал. Лейтенант толканул его прямо под гусеницы. Умер, как и подобает предателю. А как ты хотел? Нам свидетели не нужны. Где стакан-то? Давай налью. Что, головка бобо? Выпьем. За победу, что ли? Нет, в войне-то мы не победим. Все проиграют. Я про данный случай говорю. А в таких войнах победителей не бывает. На то она и локальная. Помяни мое слово, уйдем мы отсюда несолоно хлебавши, а еще и по мордасам получим. Я и сам не пойму, на хрена нам Афган с их революцией. Но я об этом стараюсь не думать. Начальству, ему видней. А мне какая разница, где воевать. Лишь бы бабки платили да бабы были. Только не в своей стране. Кажется мне, и туда доберемся. Так сказать — цепная реакция. Вот тогда и думать буду, за что и кого долбить. В плен боюсь попасть. Сознание в бою потеряешь и застрелиться не успеешь. А я у «духов» на примете. Ужас, что со мной сделают. Это же мусульмане, браток. Они нас по идейным соображениям, не моргнув глазом, не глотнув спиртика, на куски разрежут, живьем на сковороде поджарят и благодарность от муллы получат. Стихия, одним словом. В общем, все мы сволочи. И мир сволочной. Нам держаться друг друга надо. И здесь, и там — дома. Выпьем за нас. За тебя, меня, всех ребят. За жизнь на земле, где и нам есть место.

А еще в те памятные сутки, в окутавшей горы ночи, я бежал, спотыкаясь о камни, подальше от страшной палатки. Бежал, пока не споткнулся о жерди прибитого рукомойника. Ладонью нащупал кран, крутанул стальной барашек и услышал журчание воды. Тщательно вымыл руки, сполоснул лицо, наклонился и долго глотал теплую, приторную жидкость. Сначала меня тошнило. Потом бешено рвало. Я толкал пальцы в рот, судорожно икал и не мог остановить этот безудержный поток гадости. В изнеможении опустился на землю, прямо на собственную блевотину. Какое-то равнодушие обволокло мой мозг, превратив само мое существование на земле в животный инстинкт болотных ползающих тварей. Я перевернулся на спину и долго смотрел в звездное небо. Торжественное, прекрасное и спокойное. Пробежали первые искорки мыслей. Светлых и печальных. О семье, о доме...

И вдруг прямо в звездном хороводе планет мелькнули дико орущие лица казненных пленников, звериный оскал отравленного газами пулеметчика, орудия пыток там, в палатке, и пьяные рожи хохочущей десантуры. А над всеми ними — Колян с сигаретой в губах и ехидной улыбкой на лице. Я прикрыл глаза, и череда жутких картин замелькала в памяти кошмарным круговоротом. Все здесь были. Враги и друзья. Живые и мертвые. Я завыл, завизжал сквозь зубы. Руки потянулись к кобуре пистолета. Вытащил «макар» и сунул ствол пистолета в рот. Тут же представил, как пуля, разрывая внутренности, проходит в гортань. Быстро вытащил ствол и решил застрелиться в висок. Но при мысленном виде кровяных сгустков моих мозгов резко отдернул руку. Приставил пистолет к сердцу. И вдруг по-

нял, что уже позирую и ищу пути к отступлению. Мой мозг заработал. Я все понимал, я трусил. Уже с интересом подумал, что не помню о предохранителе, той маленькой полоске стали между жизнью и смертью. Снят или нет? И есть ли патрон в патроннике? Это была уже игра. Азартная и опасная. Браня себя за трусость, стыдясь собственных мыслей, я машинально нажал на курок, интуитивно вздрогнув всем телом. Выстрела не было. Как прокаженный, откинул пистолет в сторону. Открытым ртом хватанул полные легкие воздуха и заплакал. Как в детстве обиженный чем-то мальчишка.

Утром я промолчал. Не сболтнул по пьяни Коляну. Боялся, засмеет меня бравая десантура. И, может быть, будет права. Другое место, другая обстановка. И мы другие.

Сейчас мне не стыдно за слезы. Сегодня я с облегчением понимаю, что не только я, но и многие из нас были и остались людьми. И нам свойственно все человеческое.

Как жестокость, так и жалость. Как геройство, так и трусость.

Как отчаяние, слабость, желание умереть и желание жить.

И мой друг майор, если остался жив, может быть, смотрит на небо, на звезды и вспоминает Афган. Он о многом жалеет и, может быть, плачет, не пряча слез. Все было, было, так было. Надо жить, жить и жить.

ГРУППА «ХАМЕЛЕОН»

Ветерану войны в Афганистане Францу Клинцевичу посвящается

Десантники брели длинной цепочкой, растянувшейся зигзагом по горной тропе. Иногда командир, идущий впереди группы, тяжело ложился на каменистый грунт, обреченно раскидывал руки и ноги в стороны. Рассыпалась и вся цепочка его бойцов. Кто-то садился на первый попавшийся камень, спиной или боком прислонялся к скалам или, как капитан, замирал, лежа на животе. Командир на несколько минут умолкал, хрипло дыша и покашливая. С трудом поднимал голову, щурясь на солнце слезящимися глазами, с тоской смотрел в бескрайнюю даль древних гор. В очередной раз потеряв надежду увидеть конец горному кошмару, который должна сменить зеленая долина, он удрученно вздыхал. Бессознательно, невнятно мыча, елееле шарил усталыми пальцами по тропе. Нащупав чтото мягкое и шершавое в расщелине, боясь самому себе признаться, что это не что иное, как только ссохшийся от времени и жары пепельный мох, он упорно и жадно впивался губами в жесткую бахрому бледно-зеленой поросли. Зло и натужно рыча, хватал зубами и рвал ее на мелкие части. Кое-как ворочая обкусанным, кровоточащим языком, пытался жевать эту сухую массу, в глубине души надеясь чудесным образом высосать, выжевать, выдавить живительную влагу. Чувствуя неприятное жжение во рту, пыль, набившуюся в широкие ноздри, громко чихал. Чертыхаясь и матерясь, долго выплевывал серую, пережеванную кашицу прямо себе под ноги. Успокоившись, выпускал из рук автомат, скидывал с плеч рюкзак и переворачивался на спину. Плотно закрывал глаза, прикрывая лицо покрасневшими ладонями. Проходило время, мысли путались в голове, но обезвоженный мозг настойчиво выдавал команду: пить, пить! И грезилось ему о чистой и светлой, как девичья слеза в водовороте первой любви, капели. Вспоминался холодный, прозрачный ручей в ельнике, за околицей села, вдруг превратившийся в бурлящий, пенящийся поток горного водопада. Водопад сменялся извилистой и полноводной лентой реки, проторившей широкое русло в бескрайней степи и впадающей в огромный океан, бьющий мощными волнами в берег. Вода была и рядом — прелая и вонючая — в обвалившемся, заброшенном колодце, в мертвом кишлаке. Она искрилась в дождевой струйке, пробежавшей по трупам людей и животных. Покрасневшая, с соленым привкусом, но холодная, сладкая, дурманящая. Прелая, вонючая, соленая, кровяная — лишь бы влага, глоток воды. В крайнем случае ее можно профильтровать через вату или три слоя бинта и тщательно выжать прямо себе в глотку.

Мучительное видение становилось невыносимым и тягостным. Тело командира жаждало покоя, душа успокоения. Где-то крикнула птица. Горный орел. Мозг прожгло чувство зависти. Захотелось, как он, воспарить над вершинами Гиндукуша, расправить руки и стремительно ринуться вниз. Полететь навстречу прохладе зеленых садов, дымке костров, скалистой кромке полноводной реки. Туда, только туда. Где люди, где вода. Весь мир, вся Вселенная, собственная жизнь превратились в прекрасную полоску зеленеющей долины. Встать на ноги и прыгнуть. А там будь, что будет. Телесные муки, вся эта кутерьма, название которой «Афган», останутся позади. Но нет сил встать и нет сил идти. Теряется нить сознания, меркнет разум, цепенеет тело. Мозг отказывается служить людям, превращая разумное существо в обыкновенную ползучую тварь, безымянное, безмозглое человекоподобное животное. Командир не хотел быть падалью, добычей стервятников.

Широкоскулый, плечистый, русоволосый, лет тридцати капитан вздрогнул, открыл глаза, обвел взглядом лежавших на тропе десантников. Прокашлялся и выдавил из горла человеческий звук. Для верности прикладом автомата ткнул переводчика — близлежащего черноусого таджика, прошептал:

 Мурат, передай по цепочке, пусть башку поднимут, говорить буду.

Минут пять толкали друг друга. Капитан успел выкурить сигарету. Поморщился, проводив глазами «бычок», улетевший в ущелье. Перевел взгляд на своих бойцов. Голос его потеплел: — Ребята, надо двигаться. Я впереди, Мурат — замыкающий. Не останавливаться до следующей горки. Вперед, ребята, вперед.

Только минуту назад здесь, на горячих камнях, на радость парящим птицам или там, на дне ущелья, в утеху ползучим гадам, солдаты были на пороге дикой смерти. Каждый в душе понимал, что капитан — один из них, устал, изнемог, как и они, от жажды. Его слова звучали как сигнал к действию старшего по званию и возрасту человека. Командир приказывал, солдаты исполняли. По привычке, по законам воинской дисциплины они упорно двигались на восток.

Шли, шли, шли... Шли, отупевшие от бешеной жары, безразличные к неповторимой красоте ущелий и вершин древних гор. Шли, видя перед собой потную, широкую спину командира, слыша позади упрямое и тяжелое сопение переводчика.

Казалось, будто целое столетие отделяло спецгруппу «Хамелеон» под командованием капитана Франца Клинцевича от того дня, когда их полк напоролся на минное поле. Неожиданно взрываясь под ногами, проклятые итальянские мины спутали все карты. Пока ждали саперов, пришлось спрятаться, зарыться в горячие камни, лишь бы не видеть приевшийся до одури желтый лик небесного светила.

Вечером полк отступил, не рискнув двигаться по заминированной местности. По узкому каньону двадцать человек след в след преодолели минное поле и двинулись к месту встречи с отрядом полевого командира Таджек-бека. Капитан Клинцевич обозначил на карте крестиком квадрат, в котором будет ждать вертолет, огляделся по сторонам. Далеко внизу клубилась пыль, и последний взвод их полка, унося раненых, спускался по склону горной гряды. Вот, наконец, группа прикрытия достигла пыльного облака, донесся рокот вертолетных двигателей. «Вертушки» протарахтели над долиной и скрылись за горизонтом.

На душе Франца стало тоскливо. Его бойцы, осторожно ступая по камням, поднимались к вершине горы, когда неожиданно раздался взрыв. Это была мина-ловушка, на которую напоролся опытнейший из ребят Серега-дембель. Быстро перетянули раненому жгутом культю правой ноги, обмотали бинтом посеченный осколками живот, вкололи в бедро обезболивающий укол. Вниз возврата нет, только наверх. Хруст камней под ногами, жуткое ожидание нового подрыва. Кто следующий? Вот и вершина. И вновь испытание. Качающийся на ветру висячий мост над пропастью. Это сооружение, в одно бревно шириной, держится на сухих ветках и колышках. Только Аллах знает, как по нему пройти при полной армейской выкладке, да еще с раненым.

Серега-дембель очухался, облизнул сухие губы, простонал:

— Больно. Бросьте меня. Все равно крышка.

Или все, или никто. Третьего не дано. Десантский закон. Суровый, но справедливый. Или живой, или в цинке домой, на Родину, возвращается спецназовец.

Как скупая слеза на реснице солдата — эта «висячая» тропа. Дрогнешь — и упала слезинка из глаз. Не повернуть ни влево, ни вправо, только вперед или вниз, в страшную пропасть.

Мурат нахмурил брови. О чем-то пошептал, прикрыв лицо ладонями. Зацепил за поясной ремень страховочную веревку и, ловко балансируя над пропастью, первым достиг противоположной пологой стороны ущелья. Около часа переправляли рюкзаки и боеприпасы. Затем наступила очередь раненого. Последним преодолел «висячку» командир. Обмыли удачную переправу глотком воды. И снова вперед.

Еще сутки добирались до кишлака, где должна была состояться встреча. Залегли полукругом вблизи кошары. Франц выстрелил из ракетницы. Афганец-связник неожиданно появился на горе, предупредительно поднял руку, в которой горел факел. Из темноты послыша-

лись гортанные крики и щелчки затворов автоматов. Связник громко называет пароль. Получив ответ, задает пару вопросов. Переводчик Мурат скороговоркой отвечает и встает на ноги. Он и капитан Клинцевич, освещенные огнем факела, демонстративно кладут автоматы на землю. Скидывают с плеч рюкзаки, отстегивают поясные ремни с гранатами, снимают набитые боеприпасами разгрузочные костюмы.

Только доверием и смелостью можно завоевать уважение и развеять подозрения противника.

Связник, молодой сухощавый бородач, небрежно кладет руки на цевье автомата и, прищурившись, смотрит на приближающихся врагов. Резко вскидывает автомат и делает три одиночных выстрела в небо. Клинцевич невольно вздрагивает и замедляет шаги. Опытный переводчик опережает его и что-то громко говорит на афганском языке. Бородач, услышав ответную дробь автомата из кишлака, миролюбиво приветствует Мурата, стараясь не замечать его командира. Поведение связника понятно. Будь его воля, он бы, не задумываясь, пристрелил неверного. Внимательно осмотрев двух парламентеров, он разворачивается и, не оглядываясь, идет впереди десантников. На окраине кишлака, откуда ни возьмись, выкатывается гурьба мальчишек.

— Шурави, бакшиш, — доносится хор детворы.

Бородач добродушно улыбается, увидев, как предусмотрительный капитан сует в грязные ручонки ребят горсти конфет. Контакт налажен. Дело за малым — договориться о взаимных действиях. Для Франца операция такого рода первая. Из отряда только двое — переводчик Мурат и раненый Серега-дембель — имеют своеобразный диверсионный опыт. Мирить одних, стравливать других, где ложью, где силой, без стрельбы, осознанно рисковать жизнью. Таков удел спецгруппы «Хамелеон».

Мысли капитана прерывает шум голосов. Шуршат под ногами камни, кто-то отгоняет осмелевшую детвору. Их окружают кольцом молчаливые люди с оружием в руках и ведут к замаскированному проему в стене дувала. Ловко и аккуратно обыскивают, обращаясь с вопросами к Мурату. Переводчик шутливо отвечает, охотно рассказывая о крупных силах десантников, окруживших кишлак. Достоверность его слов проверить трудно, да и время не ждет. На переговоры Франц отводит три часа. Мурат незамедлительно предупреждает своих соплеменников.

— На рассвете мы должны быть у своих. На нет и суда нет. Авиация и артиллерия уничтожат кишлак. Прошу, господа, не задерживаться с переговорами.

«Господа» недовольно ворчат, гневно поглядывая на капитана. Возвращается посыльный, утвердительно кивает головой. Связник подталкивает Франца к круглому отверстию в стене. Они пересекают широкий двор и входят в просторное помещение, освещенное керосиновой лампой. У противоположной стены на корточках их ожидает главарь отряда. По бокам расположились помощники и личная охрана.

Таджек-беку за сорок лет. Среднего роста, с густой, поседевшей бородой, короткими усами и пронзительным взглядом смоляных глаз. На голове аккуратная белоснежная чалма, а на ногах высокие армейские ботинки. В руках держит гроздь спелого винограда и небрежно кидает в рот ягоды. Кивком головы отвечает на приветствие Мурата и вопросительно смотрит на Клинцевича. Франц сразу переходит к делу. Диалог длится четверть часа. Говорят трое. Капитан, переводчик и Таджек-бек. Главарь бросает на пол виноградную гроздь и обиженно говорит Мурату:

— Переведи русскому, что они зря помогают Измараю. Этот шакал предаст вас. Дайте мне два взвода ваших солдат, боеприпасов и я уничтожу его отряд. И еще я гарантирую не трогать ваши машины и людей на дорогах. Только не лезьте в горы и в наши селения. Довольно лить кровь.

Клинцевич знает, что между бандами идут постоянные войны за расширение зон влияния. На личных амбициях главарей можно добиться многого. Этот Таджек-бек еще тот гусь. Желает чужими руками из огня каштаны таскать. Посмотрим, кто кого переиграет. Главное — не переборщить, болтунов здесь не любят.

Капитан неопределенно кивает головой и разыгрывает с переводчиком заранее заготовленный сценарий. Подробно, чеканя каждое слово, Франц объясняет свои условия. Убеждается в том, что молодой афганец, сидящий рядом с главарем, понимает русский язык. Он изредка шепчет на ухо Таджек-беку и старается не встретиться со взглядом капитана. Мурат с серьезной миной громко переводит слова Клинцевича:

— Мы пришли к вам не торговаться, не просить временных поблажек. Хотим найти общий язык на долгое время. Мы вам поможем, но и вы помогите нам. К Измараю из Пакистана идет караван с оружием. Вам его не взять. Возьмем мы и поделимся с вами. Поможем и с соседями разобраться. Давайте серьезно дружить.

Последнюю фразу переводчик добавил от себя. Францу становится смешно. Он слабо верит в дружбу по необходимости. Это игра, смертельная и опасная. В выигрыше будет тот, кто умнее.

Разговор нарушают далекие автоматные очереди. В дверях возникает знакомая фигура связника. Он злобно сверкает глазами в сторону Клинцевича и кивает головой на переводчика.

Таджек-бек недовольно морщится. Он явно озабочен внезапной паузой в переговорах. Пробубнив под нос ругательство, сердито говорит Мурату:

— Выйди, нам надо поговорить. Тебя позовут.

Переводчик ободряюще кивает командиру и немедленно скрывается за входной дверью. Франц, не поворачивая головы, внимательно осмотрел помещение. Горько подумал, что отсюда можно бежать только в могилу. Услышал злой голос связника:

— Абдулл решил проверить, сколько их. Мы попытались зайти к ним в тыл и перекрыть отход в горы. Но русские собаки были начеку. Абдулл и еще двое убиты. Надо отомстить неверным за смерть наших товарищей. Разреши, я перережу ему глотку.

В комнате наступила зловещая тишина. Все ждали решения своего командира.

Молодой афганец, который знал русский язык, не выдержал, вскочил на ноги и, коверкая слова, угрожающе прошипел по-русски:

— Тебе крышка. Молись своему Аллаху.

Взгляд Франца случайно наткнулся на цветные картинки, россыпью валявшиеся на столе. На них были изображены удары каратэ на арабском языке. Франц знал, что в подобной ситуации надо протянуть время, спустить пар. Он обвел взглядом своих врагов и, опередив Таджек-бека, обратился к говорившему по-русски афганцу:

— Ты, недоучившийся в Союзе недоносок, переведи хозяину, что я готов к смерти. Только вы нарушите законы гостеприимства. Не надо было проверять нас. За нашей спиной целый полк солдат. Примерно через час вас долбанут, как вам и не снилось. Я предлагаю честный бой. Каратэ, варьете, русская рулетка. Один на один. Руками, ногами или дуэль на пистолетах. Выбирай. Кто смелый — выходи.

Франц снял с головы кепку, скинул куртку, оставшись в одном тельнике. Подтянул брючный ремень и принял оборонительную стойку. Афганцы с интересом уставились на его крупное, сильное тело, зашептались. Таджек-бек хлопнул в ладоши, его глаза азартно сверкнули. С удовольствием оглядев спокойно стоявшего капитана, весело крикнул:

— Керим!

Молодой афганец, говоривший по-русски, поклонился хозяину и, повернувшись к Клинцевичу, без предупреждения ударил капитана по корпусу. Клинцевич

пошатнулся, успев ругнуть себя за неосмотрительность, ловко отбил новую атаку соперника. Керим сделал несколько прыжков вокруг капитана, помахал руками по воздуху, взвизгнул и пошел напролом. Этого момента и ждал Франц. Снизу левой он резко ударил соперника в челюсть. Молниеносно нанес серию ударов по животу своими пудовыми кулачищами. Атаку завершил ударом ноги в подбородок. Согнувшись пополам и откинув голову назад, афганец перелетел через стол, таща за собой учебные картинки. Не удержался на ногах и со стоном упал перед Таджек-беком.

Мертвая тишина обволокла стены комнаты. В голове Франца мелькнула мысль, что все кончено и им с Муратом живыми отсюда не уйти. Он медленно надел куртку, застегнул пуговицы, пригладил ладонью растрепанные волосы и спокойно взглянул на главаря. Они долго смотрели друг другу в глаза. Два командира, представители разных миров, непримиримые враги, вследствие необходимости встретившиеся на своем жизненном пути. Но еще они были обыкновенными людьми, со своими понятиями о долге и чести. Клинцевич облизнул языком губы и попросил на афганском языке пить. Таджек-бек приподнялся на ноги и сам протянул чашку воды Францу. Пристально посмотрел ему в глаза, медленно взял чашку обратно и поставил на стол. Обвел взглядом своих подчиненных и, неожиданно улыбнувшись, проговорил:

— Хитрец. Наш язык знаешь не хуже приемов борьбы. И зачем тебе переводчик, — говори сам.

Клинцевич облегченно вздохнул. Понял, что его прокол с иностранным языком пошел на пользу. Охотно ответил:

- Переводчик необходим. В переговорах должна быть ясность. Иначе наломаем дров.
 - Наломаем дров. Это как понимать?
- Устроить бардак, принять неправильное решение. Старая русская поговорка.

Таджек-бек хмыкнул, перекинулся парой слов со своими подчиненными, повернулся к капитану:

— Русский язык — богатый язык, как и ваша страна. Только беспорядка много, этих самых дров. Я за ясность в наших отношениях. Керим, благодари Аллаха, что русский — достойный противник и твой проигрыш не посрамил мою честь. Иди, позови толмача, а сам с глаз моих долой. Учи русский язык и приемы борьбы. Капитан, теперь поговорим об убитых моих людях и о нашем общем деле.

Он скидывает ладонью картинки и приказывает положить на стол крупномасштабную карту. Шум и хохот за дверью прерывают его. Появляется оживленный Мурат в окружении улыбающихся охранников, с гитарой в руках. Бросив тревожный взгляд на Клинцевича, он слегка поклонился Таджек-беку и предложил спеть песню. Его просьбу хором поддержала вся сопровождающая ватага. Таджек-бек был умным командиром и предпочел не торопить события в решении вопроса с убитыми в перестрелке. Он благосклонно кивнул солисту, захлопал в ладоши, вторично с хитрецой подмигнул Францу. Широким жестом руки предложил сесть рядом. Такого поворота дел не ожидал никто. В том числе и сам командир десантников. Клинцевич пристроился на подушку проштрафившегося Керима, поблагодарив хозяина за приглашение. С не меньшим удивлением, не мигая, уставился на своего переводчика. Франц любил бойцов спецгруппы по-мужски, поотцовски, по-братски. Мурата же сейчас просто боготворил. Три года на войне и все в разведке. Хорошо стреляет, вынослив, как верблюд, чешет на нескольких языках и, оказывается, поет, играет на гитаре. Определенно капитану с переводчиком чертовски повезло.

Да, Мурат хорошо знал своих соплеменников, живущих по другую сторону границы. Люди — они везде люди.

Он пел индийские песни из популярного фильма «Танцор диско» на таджикском, узбекском, русском языках. Куплеты переплетались то в веселую, то в грустную мелодию, проникающую в глубину души суровых

воинов. Слова заполнили комнату, вырвались через двери наружу, заворожив сердца многочисленной охраны и снующей вблизи детворы.

Зрители не отрывали глаз от самодеятельного артиста, хлопали в ладоши и громко подпевали. И этот хор голосов чем-то напомнил мужскую пирушку собравшихся после разлуки старых друзей. Не было врагов, не было наций, не было войны. И так не хотелось возвращаться в тревожный и беспокойный реальный мир. Но прозвучал последний аккорд. Мурат поклонился, положил гитару на стол. Вопросительно взглянул на своего командира. Капитан скороговоркой рассказал переводчику о кулачном бое. Попросил перевести сказанное Таджек-беку. Мурат приложил левую руку к сердцу и, обращаясь ко всем, сказал:

— Люблю индийские песни. Вы прекрасно подпевали, спасибо. Придет время – может быть, еще споем. Как знать. От имени командира приношу извинения за убитых. Наши солдаты не виноваты, они выполняли приказ. Абдулл и двое погибли по собственной вине. Я далек от мысли, что проверять нас их послали вы. Они сами нарушили законы гостеприимства, за что и поплатились. О взаимной мести не может быть и речи. Мы поможем вам, а вы нам. Мой командир умеет держать слово, как и бить кулаком, в чем вы сегодня убедились. Вам решать, Таджек-бек.

Все это он сказал с достоинством и почтительностью, как подобает на Востоке. И выслушали его, не перебивая, внимательно и благожелательно.

Главарь на минуту задумался, покачал головой и решительно повернулся к Клинцевичу.

— Капитан, у тебя хорошие солдаты. Гордись ими. Теперь я верю своим предкам и легендам о том, что русский солдат — лучший воин в мире. Я не держу зла за погибших. На все воля Аллаха. Спасибо за песню. Скоро рассвет. Приступим к делу.

Еще с полчаса договаривались о совместных действиях по разгрому отряда Измарая и блокированию

каравана с оружием. Расстались довольные друг другом. Капитан хотел попросить воды, зная, что во фляжках десантников пусто. Мурат предостерег его:

— Во-первых, отравить могут. Во-вторых, догадаться: если у нас нет воды, то нет и прикрытия. В-третьих, сразу вычислят, сколько нас. Плюс-минус пять человек. Поймут, что с окружением кишлака мы их надули. Таджекбек с норовом. Обидится. Тут ваши приемы и моя музыка не помогут. По горячке прихлопнут, отомстят за погибших. Верно говорят политики: «Восток — дело тонкое».

Он подумал и, вздохнув, добавил:

— Серегу-дембеля жалко. Два года мы с ним. Плохо, ох плохо будет без воды. Надо торопиться, пока прохладно.

Сменив маршрут, без остановок шли весь остаток ночи. Воду берегли для раненого. К обеду кончилась и она. Поднялись на круглое плато и Клинцевич объявил привал. Десантники повалились на каменные плиты, устало замерли. Выдохся и сам Франц. Он прислонился спиной к огромной скале, открутил колпачок пустой фляжки, приложил горловину ко рту. Зная наперед, что фляга пуста, все же прикоснулся губами, лизнул шершавую внутреннюю полость горловины. Разочарованно хмыкнул, повертел фляжку в руках и швырнул в глубь ущелья, тоскливо проследив за ее падением. Оглянулся на своих бойцов, задержав взгляд на притихшем Сереге, подумал: «Не жилец он, пусть отдохнет. Не успел на дембель уйти, видно не судьба. Что-то притих. Эх, Серега, Серега...»

От мысли, что можно помереть тихо и незаметно, ему стало страшно. Пересилив усталость, он подполз к раненому, уселся на середину тропы, подогнув колени к подбородку, внимательно вглядываясь в его посеревшее лицо. Почувствовав чье-то присутствие, раненый открыл глаза и с надеждой посмотрел умоляющим взглядом на командира.

— Пить, — еле слышно выдохнули обкусанные, выжженные солнцем губы Сергея.

Франц осторожно погладил его темные волосы и попытался успокоить:

— Потерпи, потерпи, браток. Скоро придем к своим. Мы еще повоюем с тобой. Хотя тебе домой пора. На море поедешь с девочками воевать. Житуха будет у тебя, какая не снилась. Ты только крепись, не умирай. Слышишь?

Серега-дембель внимательно слушал командира и, может быть, представлял тот сказочный мир, в котором, увы, ему не было места. Его лицо осветила мягкая, мечтательная улыбка. Он благодарно прикрыл глаза и громко по слогам выдавил:

— Спа-си-бо, товарищ капитан.

Вероятно, это были последние слова Сереги. Через два часа его не стало.

Клинцевич, пошатываясь, опустился на корточки. Долго смотрел на кончик высунутого, побелевшего языка умершего, в его открытые, грустные глаза. Легким движением ладони прикрыл веки. Почувствовал на пальцах тепло последней слезинки солдата. А может быть, уходящей из тела души. Он осторожно сдувает пыль с лица и пытается пальцами засунуть язык Сергея в рот, но плотно сжатые зубы не впускают обратно ссохшийся и окаменевший кусочек мяса. Тогда Франц левой рукой давит на скулы, а правой проталкивает язык вглубь гортани. Быстро вытаскивает пальцы из полости рта и слегка бьет Серегу по подбородку. Зубы умершего зловеще лязгают, соединяются верхняя и нижняя губы. Лицо покойника приобретает умиротворенный, божеский вид. Как подобает усопшему.

К ним подползает Мурат. Удрученно качает головой, вытирает потное лицо рукавом куртки, окидывает взглядом горные вершины, вздыхает:

- Вот беда-то, вот беда-то... Что делать будем? Не услышав ответа командира, хрипит ему в ухо:
- Расчленить Серегу надо, распределить по рюкзакам. Нести удобней.

Клинцевич вздрагивает, как от внезапного удара или выстрела. Смысл сказанного как молния влетает в утомленный мозг. Он что-то хочет сказать переводчику, судорожно хватаясь за горло и выплевывая изо рта блевотину. Ему хочется ударить Мурата, но последние силы ушли на рвоту. Он протяжно мычит, отрицательно мотая головой. Его умнейший и храбрейший переводчик, не выдержав, срывается на крик:

— Слабо?! Блюешь, не понравилось. А как ты хотел? Себя и ребят погубишь. Подохнем ради целого трупа. «Духи» нам всем котелки поотрубают. Заспиртуют наши мордасы как военные трофеи. Уши высушат, в духовский гербарий попадем. Я дело говорю. Вам решать, командир.

Клинцевич вспомнил, что последние три слова Мурат говорил ночью, обращаясь к Таджек-беку. Главарь принял свое решение. Теперь предстоит принять ему — капитану Францу Клинцевичу.

— Что орешь? Не глухие. Уходи, спасайся. Дембеля я один попру. Земляк он мой, понял, земляк, — неожиданно заговорил пулеметчик Андрей Мальцев. — Что я его матери скажу? Резать не дам, хоть убейте. Подохну, тогда обоих кромсайте или в ущелье скиньте. Живодеры вы, суки...

Мурат нервно хохочет, хватаясь за живот, затем подетски всхлипывает, шмыгает носом. Резко умолкает, протяжно и грустно вздыхая. Снимает ботинок и вытряхивает из него камешки. Зашнуровав и сделав петлю, вновь снимает. И так раза три. Молчит, качаясь телом из стороны в сторону. Думает. Решительно снимает с плеч рюкзак, перебирает вещи. Выкидывает в ущелье вилку, ложку, зажигалку, блокнот, тельник и другие мелкие солдатские пожитки. Оставляет только боеприпасы. Ни к кому не обращаясь, обреченно добавляет:

— Пацанва, эх пацанва. Живодером, сукой обзываемь, Андрюха. Я не говорю бросить. По частям надо тащить Серегу. Всем помаленьку, поровну. Ему без раз-

ницы, как в цинке лежать. Мать знать не будет, в окошечко посмотрит для успокоения. Главное, похоронить по-человечески. Поплачет, погорюет — смирится. А если мы все подохнем в этих проклятых горах? Будем числиться без вести пропавшими и Серега тоже? Что, легче его матери будет? Годами ждать погибшего сына. Мне «дембель» друганом был и мой долг тащить его. пока сам жив. Только имейте в виду, если меня грохнут, то заройте труп в камни. Не обижусь. Двоих переть не осилите. Тогда точно все загнемся, живодерчики вы мои. Малец! Гони пулемет, обойдешься Серегиным автоматом. Что рот разинул? Берите вдвоем «дембеля» — и пошел. Всем рюкзаки расчехлить, все лишнее — в ущелье, за Андрюхиным пулеметом следом. Командир, проследите — ни иголок, ни ниток. Все в пропасть. И лишнее оружие скинуть. Оставить по паре гранат и патроны. Серьезного боя нам не выдержать. Таджек-бек поверил нам, не организовал погони. Лишь бы случайных бандюг не встретить. Пойду в авангард. Может быть и донесем «дембеля» целиком. Не буду загадывать.

Ворча и бубня под нос, Мурат обогнал всю группу и возглавил движение.

Вперед, зигзагами горной тропы. По каньонам, ущельям и руслам пересохших горных ручьев. По долинам, ложбинам, оврагам в окружении древних гор. Вперед, только вперед. В помеченный на карте квадрат. Еще несколько часов кошмарной ходьбы — и они вновь на вершине горы. Теперь спуск вниз. Близка «зеленка». Там вода, спасение, люди. Там безумствует взбесившаяся в войнах планета. И в этих войнах виноваты все живущие на Земле люди.

Пулеметчик Андрей Мальцев ползком упрямо тянет конец брезентухи, которой завернут его земляк. Позади, кряхтя и тяжело дыша, толкает тело друга Мурат. Его сменяет другой десантник. Где вдвоем, где втроем молча несут скорбный груз. Говорить нет сил и в голове какой-то тяжелый бред. Перед глазами серые ска-

лы, прыгающие красные шарики, предвестники глубокого обморока. Франц толчками тормошит, подгоняет отстающих. Только вместе можно дойти, помогая, спасая друг друга. Они почти у цели, в спасительном квадрате. Слабый вечерний ветерок гонит из зеленеющей долины дурманящий горячий воздух, запахи цветов и фруктовых садов. Десантники невольно облизывают ссохшиеся, обкусанные, опухшие губы. На лицах появляется робкая улыбка. Широко улыбается и сам Клинцевич.

Вдруг шквальное облако пыли выныривает из долины на плато. С размаху разбивается о скалы, оседая серой мутной пылью на камнях. Следом появляется многометровая темная вертикаль клубящегося воздушного потока. Вращающийся смерч срывает камни с вершин, проносится над плато, сталкивается с горной грядой. На мгновение замирает, потеряв былую силу, взвивается в небо и уносится обратно в долину набираться сил.

Все же краем своего страшного крыла коварный «афганец» коснулся людей. Кого опрокинул на спину, кого бросил на камни. В воздухе остался громкий гул. Это был камнепад, который обрушился на долину. Через несколько секунд часть мелких камней достигли лежавших на возвышенности десантников.

 Под скалу, все под скалу, — громко крикнул Мурат, заталкивая вдвоем с Андреем в расщелину тело Сергея.

Франц услышал переводчика слишком поздно. Он успел прижаться телом к скале, засунув ноги в какуюто дыру. Огромные булыжники наперегонки, крошась и ломаясь, пронеслись мимо. Уже на излете камешек величиною с горошек щелкнул Франца в лоб. Его запорошило горной щебенкой, и, съехав на животе вниз, он потерял сознание.

Потустороннее, тусклое, унылое красное зарево заката вернуло его к жизни. Поморщившись, он потер лоб, на котором вскочила шишка. Встрепенулся, вспомнив о смерче, и попытался вылезти из дыры. Как сквозь сон услышал ворчание Мурата.

— Говорил, расчленить надо. Нет, подохнем, но тащить будем целиком. Салаги, одним словом. Сейчас бы в долине отдыхали. Капитану простительно, он новичок в Афгане. Я же, старый осел, третий год пашу, а мальчишек не убедил. Теперь камнями придавило, шиш кого поднимешь. Придется делать все самому.

Клинцевич облегченно вздохнул, почувствовав, как переводчик тормошит его за плечо. Радостно подумал, что не все потеряно, если у Мурата есть силы ворчать. Как сладкую музыку слушал он его голос:

— Капитан, ты живой? Шишка на лбу? До свадьбы заживет. Дай-ка я тебя вытащу на Божий свет. Счастливчики мы, никого не раздавило. Серега-дембель и тот не пострадал. Целехонек, ваша взяла. Здорово поштормил «афганец». Думал, смерч меня, как коршун цыпленка утащит. Мы с Андреем за Серегу ухватились. Так втроем и выдержали. Правда, Андрюха пластом рядом с земляком лежит, по хребту его стукнуло. А я везучий, обошлось. Ребят поцарапало, но все живы. На ноги никого поднять не могу. И вы, товарищ капитан, не ахти как. Колька-радист сумел рацию включить. Молодец. Как и вы, по лбу получил, но связь сберег. Командир, скажи координаты, позывной, пора вызывать «вертушки». Придется мне вас охранять. И что без Мурата бы делали?

Его слова убаюкивали, успокаивали Франца. Не хотелось думать, загадывать, отвечать на последний вопрос переводчика. Мураты были всегда и должны быть в любой армии. На таких людях все держится.

Клинцевич прошептал переводчику необходимые данные для радиосеанса. От усилий потемнело в глазах. Судорожно хватанув воздуха, он закрыл глаза. Очнулся от постороннего шума, доносившегося из горловины долины. Сразу понял: летят «вертушки». Захотелось закричать от радости. Не смог и заплакал. От слез стало легче на душе, он почувствовал себя бодрее и открыл глаза. Пошевелился, тронулся с места и пополз. Мельком заметил еще несколько движущихся фигур его

бойцов. На открытом месте оперся грудью о камень, приподнял голову и навсегда запомнил эту картину.

В ночных сумерках, на скале застыла фигура переводчика. Перекинув через плечо автомат, Мурат держал обеими руками горящий факел и размахивал им над головой. К нему подползали десантники, шатались, вставали на ноги и махали, махали, кто автоматом, кто кепкой, кто снятым с тела тельником.

Тот, кто не смог подняться во весь рост, вскидывал в приветствии руки, многие вытирали слезы с глаз, размазывая их по лицу. Командиру помогли подняться на ноги и подсадили на скалу. Переводчик крепко обнял его. Вдвоем они сигналили факелом, смеялись и плакали, не стыдясь слез. Совсем неожиданно для себя, Франц прокричал:

— Мурат, ты был прав. Ты понял меня? Ты был прав... Война есть война...

Переводчик понял его, неопределенно покивал головой. Задумался и, повернувшись назад, нашел глазами сидевшего рядом с трупом Сереги-дембеля Андрея Мальцева. Заметил счастливый, восхищенный взгляд, слабое приветствие его руки. Широко улыбнулся ему в ответ и громко ответил Клинцевичу:

— Кто знает... Главное, мы живы. Живы, командир, живы!

ЧУЖАК

Игорю показалось, что качнулась земля, вздыбились в небо скальные нагромождения тысячелетних гор. Пронесся по кишлаку песчаный стремительный вихрь, поваливший ряд красавцев-эвкалиптов, растущих вдоль дороги, сорвавший крыши глинобитных домов, сбивший с ног десятки людей и животных. Он проснулся, совершенно не соображая, сон или явь весь этот гул и грохот. Промелькнула мысль о землетрясе-

нии или извержении вулкана. Сильный удар здоровенной каменюки о стальную решетку его тюремной клетки и мощный рев каких-то чудищ над головою прервали его полусонные размышления. Сообразив, что это не что иное, как ракетно-бомбовый удар самолетов, он засуетился в поисках укрытия. Близкий взрыв, мелкие камушки и серая пыль, свалившиеся сверху, заставили его поторопиться. На корточках дополз до скалистой стенки, уткнулся в нее лбом. Притаился. Сжался, свернулся, как змея, в дальнем углу глубокой ямы, куда швырнули его охранники, совсем не подозревая, что спасают молодого «шурави» от налета «бомберов». Не зная и о том, что вскоре погибнут сами.

Полуоглохший, испуганный до полусмерти, проснувшийся Игорь бессознательно заткнул уши пальцами, попытался засунуть голову под дырявый, замызганный матрац, валявшийся на клочках прелого сена. Он перевернулся на бок, прижал колени к подбородку, вжался всем телом в загаженное месиво в дальнем углу ямы, ставшей его спасительницей. Неожиданно для себя заплакал, завыл от обиды и бессилия, зловонного запаха человеческих нечистот. А с севера уже заходила вторая волна «сухариков», дав минутную передышку перед очередной бомбежкой своим жертвам.

Наступившая зловещая тишина заставила Игоря вскочить на ноги. Низом куртки он тщательно вытер заляпанное пахучей жидкостью лицо, просморкал забитый соломенной шелухой нос. Сплюнул накопившуюся слюну, брезгливо поморщился, мысленно увидев себя со стороны, подошел к лестнице. По ступеням поднялся вверх, с трудом отодвинул железную крышку, схватился за края ямы руками, подтянулся, выглянул наружу и застыл в изумлении.

На узкой центральной улице кишлака мельтешили люди и животные. Жители бежали в сторону разваленной мечети, падали, поднимались, махали руками, суетились и дико кричали. Рядом, с налитыми кровью гла-

зами, переваливаясь с ноги на ногу, двигались верблюды. Прижав к заднице хвосты, шарахались между людьми и верблюдами ослики. С крыш и стен домов разлетались перья и пух кудахтающей, крякающей, гикающей живности. Бесновались на привязи и громко лаяли сторожевые псы. По земле стелилась серая дымка первых пожаров. Черная копоть горевшей на пригорке машины тянулась к солнцу.

Тюрьма — яма для пленников, где держали Игоря, находилась на площади перед мечетью, под палящими лучами солнца. Поместили его сюда вчера, предварительно расстреляв троих афганцев — партийных работников. Самолет Игоря был сбит «стингером», и, удачно катапультировавшись, сам он спарашютировал прямо в лапы «духов». Его величество случай и цепочка последующих событий вмешались в судьбу летчика и жителей кишлака страшно, жестоко и бесповоротно.

Взгляд Игоря выхватил из толпы испуганных людей седобородого старика, который в изнеможении опустился на колени и молитвенно вытянул перед собой руки. Его догнала женщина, тащившая на левой руке грудного ребенка, а правой крепко державшая за руку испуганную, лет трех, малышку. Женщина остановилась, нагнулась и что-то сказала на ухо старику. Случайно выхватила тревожными глазами на небе пикирующие на кишлак ширококрылые штурмовики, забыв о старике, закричала звонко и пронзительно. Судорожно дернулся и захныкал ребенок на ее руках. Громко заголосила девчушка рядом. Старик устало помотал головой, показал рукой женщине на мечеть, прижался спиной к стене и уронил седую голову на грудь. Женщину догнал хромающий бородач в черном стеганом халате, каких-то рваных башмаках на босу ногу, с разорванной штаниной, кровяными подтеками на голени и винтовкой на правом плече. Он попытался успокоить женщину, поднял плачущую малышку на руки и накрыл ее голову полой халата. Проковылял десяток шагов и, не

выдержав возрастающего грохота авиатурбин самолетов, опустил девочку на землю. Поцеловал в грязное, заплаканное личико и легонько подтолкнул к идущей впереди матери, окликнул ее. Отрывисто что-то проговорил, показывая рукой на мечеть. С угрюмой тоской долго смотрел на свою семью, печально кривя губы. Резко повернулся. Тоскливо вздохнул и посмотрел в небо. Увидев пикирующих штурмовиков, яростно сверкнул глазами, скинул с плеча винтовку, лег на спину и стал палить в поднебесную высь.

Игорь машинально перевел взгляд с дымящегося ствола винтовки в руках мужчины на голубой небосвод. Вздрогнул от радости, заметив летевшие на кишлак родные «сухарики». Профессионально высчитал высотный рубеж начала стрельбы. Замер в возбужденном, ликующем ожидании. Четко заметил яркие вспышки реактивных снарядов. Успел с сожалением подумать, что наносится площадной удар по всему кишлаку, а не точечный по штабу «духов» в огромной скале, в стороне от селения. Вереница гулких взрывов поглотила крики людей и животных. Очередной залп был произведен классически, на оценку «отлично». Это Игорь признал с долей зависти к ювелирной работе летчиков. Он видел, как огромный осколок впился в позвоночник женщины, отшвырнув взрывной волной ее с ребенком на руках на серую стенку дувала. Кубарем влетела в дверной проем и кричавшая истошным голосом трехлетняя малышка. Стрелявший по самолетам мужчина оглянулся и, не увидев своих близких, завыл, зарыдал протяжным, жалобным криком. Бросил под ноги винтовку и рванулся в сторону дувала. И вдруг бесследно исчез в песчаном водовороте нового мощного взрыва. Всем назло уцелел только старик, сидящий на земле в прежней позе. Его обошел верблюд, который, нервно дрыгая задними ногами, остановился в двухтрех метрах от ямы Игоря. С усилием задрал окровавленную, слюнявую морду, повращал огромными слезящимися зрачками глаз, пошатнулся, протяжно взвыл и грузно рухнул на землю. Через него перепрыгнула беспрерывно визжавшая, кусающая собственный бок собачонка. Пробежала возле ямы и, ощерившись, закрутилась на месте. Из глубокой раны на ее животе появился зловонный клубок парящих кишок. Собака, повизгивая и тяжело дыша, стала осторожно лизать их. Наконец бессильно вытянула тело, положила голову на лапы, слегка дернулась и затихла.

Еще несколько взрывов отозвались эхом по соседству, куда устремились оставшиеся в живых обезумевшие жители кишлака. Но наперерез им уже спешила бронегруппа майора Назарова. В ночном сумраке «броня» безжалостно расстреляет спасшихся от бомбежки людей и, не заходя в селение, уйдет догонять основные войска, участвующие в операции.

Игорь уже давно валялся на дне ямы, инстинктивно прикрывая голову руками. Наконец-то наверху все стихло. Сознание прояснилось. С облегчением понял, что бомбежка кончилась и он остался жив. Остро почувствовал вонючий запах дерьма, чихнул несколько раз, поднимаясь на ноги. Решил немедленно выбраться наверх. Вылез. Присел на стальную крышку и окинул рассеянным взглядом улицу. Заметил убитую женщину с ребенком на руках и сидевшего в прежней позе старика. Пошарил глазами, стараясь отыскать мужчину с винтовкой, и вдруг заметил в дверном проеме горевшего дома мордашку девчушки, смотревшей широко открытыми глазами в его сторону. Малышка захныкала и дернулась, пытаясь выползти наружу.

«Сгорит!» — обожгла мысль голову Игоря. Вдохнув полную грудь воздуха, добрался до дверного проема и отшатнулся от языков пламени, вынырнувших из-под крыши. «Вовремя», — подумал он, вытаскивая девчонку на улицу. Подошел к убитой матери и с удивлением обнаружил, что грудной ребенок жив и спит. Забрав его, усмехнулся: «Надо же, двоих деток заимел». Он при-

строил на руках и первую, которая успокоилась, зевнула и прикрыла глазенки.

Игорь долго сидел в неподвижности, прижимая к груди детей. Смотрел на лучи заходящего солнца и ни о чем не думал. Почувствовал, что хочет пить, встрепенулся, выходя из состояния оцепенения. Осторожно положил девочек на землю и направился к убитому охраннику, на боку которого заметил фляжку с водой. Жадно выпил несколько глотков и подошел к старику. Пощупал на руке пульс и понял с удивлением, что старик мертв.

«Сердце встало? Видно, перенервничал. И правда, психом станешь от такой бомбежки. Мне самому жутко, а каково им?» Игорь вспомнил о детях с жалостью и тревогой. Поспешил к ним. Поднес горлышко фляжки к ротику старшей. Не просыпаясь, девочка с удовольствием глотнула воды, протянула ручонки и крепко обняла его за шею. Плеснув в ладонь воды, осторожно смочил губы грудного ребенка. Наконец-то задумался: как быть дальше. Явственно услышал выстрелы на краю селения, дробь танкового пулемета. Догадался, что «броня» послана за ним и, вероятно, бомбежку кишлака произвели тоже по причине его плена. Только сейчас отчетливо осознал, что был виновником ужасной бойни, свидетелем которой невольно стал. Понял, что пощады ему от «духов» не ждать. И девчонки его не спасут. Но все же... Он был летчиком и мог принимать мгновенные решения. Правильные или нет — покажет время.

Игорь вернулся к мертвому старику. Снял с него длиннополый халат и напялил на себя. Чалмой кое-как обмотал голову. Пришлось снять со старика и обувь. Осторожно положил его на спину и прикрыл ладонью веки мертвых глаз. До выхода к своим решил для прикрытия детей взять с собой. Аккуратно поднял девочек на руки и осторожно двинулся навстречу пулеметным выстрелам. По пути попадались убитые и раненые жители кишлака. Иногда они стонали и звали на помощь. Он жалел, но и боялся кричащих, стонущих,

страдающих, гордых, чужих, страшных в его понимании людей. Прижимая девочек к груди, опустив голову, не останавливаясь, Игорь благополучно выбрался из замысловатых лабиринтов селения. Дети, как будто чувствовали важность момента, — ни разу не пикнули. По вспышкам выстрелов определил точное местонахождение «брони». Метрах в пятидесяти облегченно вздохнул, остановился, пошарил по земле рукой и аккуратно уложил девочек на мягкую бахрому зеленой травяной поросли. Подумал с грустью и нежностью, что спас двух малюток, с которыми ему уже никогда не придется встретиться. Напоследок ладонью погладил их маленькие головки, положил рядом фляжку с водой. Выпрямился и, облегченно улыбнувшись, шагнул навстречу своим, высоко подняв руки.

Его заметил пулеметчик раньше, чем думал Игорь. Русоволосый боец повернулся к майору:

- Командир! Еще «дохляк» появился.
- Подпусти ближе, Семен, и одной очередью...
 Темнеет. Пора сматываться.
 - А как же летчик? Может, в кишлак рванем?
- Черта с два. Я еще не спятил в кишлак ночью лезть. Видишь, под пули всякая «шантрапа» прет, а «душки» попрятались. Войдем в селение, сожгут и фамилию не спросят. Нет, мы теперь ученые. А летчик сам выберется, если в счастливой рубашке родился. Мы ему знак подали, часок подождали, теперь как судьба вырулит. Стреляй этого суку, Семен, и отступаем во славу Родины.

Пулеметчик повел стволом пулемета, алчно прищурился и громко, отрывисто рявкнул:

— Подыми выше руки, гад! Кому говорят, выше! Козел вонючий!

Игорь, услышав русскую речь, вновь улыбнулся. Хотел крикнуть: «Братишки, я свой», но поперхнулся дымом, закашлялся, согнувшись пополам телом и опустив руки. Сумел услышать, но так и не смог осмыслить последние фразы на родном языке.

— Не тяни, стреляй, Семен. Еще одним «духом» меньше будет. Вжарь ему ниже пояса, а потом в башку, по мозгам...

Игорь попытался скинуть с плеч халат, в ужасе широко раскрыл глаза, с трудом воспринимая разумом эти страшные слова. Хотел предостерегающе поднять руки и закричать. Не успел. Ноги его обожгло жутким огнем, швырнув, как недавно мать девочек, на спину. Игорь умер мгновенно, уставившись удивленными, огромными глазами в любимое им с детства небо. Пулеметчик удовлетворенно похлопал по стволу пулемета:

- Точняк. Еще одного олуха прищучил. Темнотища. Самих могут из гранатомета кокнуть. Пора сматывать удочки, командир.
- Пора, Семен. Колян, доложи, что летчика не нашли. Ни в «зеленке», ни в кишлаке... Возвращаемся на базу.

На рассвете в селении показались люди. Они разбредались по улицам и молча искали своих близких. Среди живых и убитых.

Чужак лежал на спине, раскинув руки, уткнувшись головой в живот старшей малышки. Проснувшаяся девчушка распутала его чалму и маленькими пальчиками перебирала русые волосы. С печалью и болью смотрела на мертвое осунувшееся лицо русского. Громко заплакал грудной ребенок. Быстро собралась толпа изумленных соплеменников. Родственники девочек, всплеснув руками, попытались вытащить малышей из объятий убитого «шурави». Истошно зарыдала, что-то лепеча и вцепившись мертвой хваткой ручонками в прядь Игоревых волос, старшая девчушка. Кое-как ее оттащили от тела убитого пленника. О чем-то долго спорили убеленные сединами аксакалы. Еще долго плакали обиженные людьми девочки. Самый древний из стариков встал на колени и легким движением ладони при-

крыл глаза Игоря. Прочитал молитву, тяжело вздохнул. Попросил перенести тело убитого «шурави» на сухое место.

Похоронили его по-божески. В отдельной могиле, на пригорке, под солнцем и синим небом.

ЗА ТЕХ, КОГО НЕТ С НАМИ

Он сильно пил на протяжении двух лет. Его отменное здоровье позволяло вливать в желудок всякую гадость в любом количестве. Пил все, что горит, не брезговал и одеколоном. Мог сутками пить один где-нибудь в лесу, за городом, на природе. Обычно летом затаривался спиртным, брал закуску, садился на первую попавшуюся электричку и сходил на остановке, где взбредет в голову. Ставил палатку, разжигал костер, наполнял граненый стакан и часами смотрел на пожирающий сухое топливо огонь.

Зимой, как медведь, впадал в спячку. Никуда не выезжал, мотался по одним и тем же улицам в поисках выпивона и какой-нибудь работенки. Утром его выручали ленивые дворники, особенно в снежную погоду. За опохмелку он чистил подъезды, убирал мусор, подметал тротуары. Был с утра мрачен и зол на весь свет. До обеда добросовестно трудился грузчиком на подхвате в нескольких гастрономах. Молоденькие продавщицы заигрывали с ним: когда серьезно, когда просто так, но всегда без видимого успеха. Он отмалчивался, совал в рот сигарету и грустно смотрел своими добрыми глазами на веселых девушек. Потом делал обход района, заглядывал в укромные дыры, где обычно тусовались постоянные забулдыги. Его знали, ему наливали, и он редко оставался в долгу.

Длинные зимние вечера коротал в грязном пивбаре, задерживаясь до закрытия. Помогал убирать со столов и за это имел пару кружек горьковатого пива. Чужих остатков не допивал — брезговал. Многие завсегдатаи хорошо знали его в лицо и часто угощали: кто спиртом, кто самогоном, кто бормотухой или «ершиком». Покупали спиртное за углом пивбара. Там постоянно паслись малолетки и древние старушки.

Вечером в пивбаре дым коромыслом. Еле-еле виднелась табличка «Не курить». В зале застыл специфический пивной гул, длинная очередь у стойки. За стойкой шустрый малый лет двадцати двух в грязном белом халате небрежно швырял мелочь в сырую тарелку. И всегда не доливал в кружки. Но никто не скандалил — все привыкли.

Он садился за дальний столик. В разговоры не влезал, но слушал внимательно. Подвыпившим мужикам необходим собеседник, которому можно излить душу, обругать начальника или жену. Он умел слушать, ему наливали и клялись в вечной дружбе. Менялись компаньоны, а он оставался. Слушал и пил, пил и слушал. В конце концов упивался вдрызг. Не скандалил, не дебоширил. Не дослушав очередного собутыльника, елееле выбирался на улицу и шлепал домой в сопровождении рыжей лохматой собаки. Кое-как открывал дверь, пропускал вперед Шарика и тяжело падал на кровать. Жил он в комнатушке с высоким потолком и круглыми стенами, похожей на монастырскую келью. Из мебели имел старый обшарпанный стол, два стула, кровать и журнальный столик, на котором стоял черно-белый телевизор и фотография девушки в траурной рамке. Будучи не в стельку пьяным, он включал телевизор и гонял переключатель программ до окончания передач. Сам не ходил в гости и никого не приглашал к себе.

О нем ходили разные слухи. Говорили, что такая мрачная личность, несомненно, рецидивист и убийца, которому что человека зарезать, что курицу зарубить. Другой достоверный источник категорически объявил его злостным алиментщиком, скрывающимся от правосудия и праведного гнева брошенных жен.

Были сплетни и современные, сверхмодные. Соседка по площадке по секрету сообщила всем, что точно знает, кто он такой. Видела в замочную скважину входивших в квартиру мужчин, остававшихся там на всю ночь. Вывод один — он из голубых. И самое страшное — болен СПИДом.

Дворовая шишка Витька-Пузанчик с дружками решили изжить его из квартиры. На беду свою встретили трезвым, больным с похмелья. Не помогли просмотры видиков с каратэ и кун-фу. Его костлявый кулак бил без промаха, уложив всех рядком на асфальте. Звали мужика Иваном и было ему около тридцати...

В тот вечер, как обычно, он сидел за столиком и сдувал пивную пену из кружки. На душе было муторно. Денег не было, а выпить хотелось. Он поднял глаза и рассеянно обвел взглядом зал. Увидел двух вояк в синих летных фуражках. Внимательно присмотрелся и вздрогнул от неожиданности, узнав в коренастом майоре Семена Разина. Офицеры откупорили бутылку водки и налили в стаканы. Чокнулись и выпили, закусив ломтиками ржавого сыра. О чем-то говоря, дружно налегли на пиво. Иван, боясь быть узнанным, боком протиснулся к стойке бара, взял две кружки пива в долг и примостился около окошка. Теперь он отчетливо слышал их разговор. До боли знакомый, спокойный голос Семена глухо произнес:

- Доперестраивались. Скоро и пивком побаловаться негде будет. Ты как думаешь, капитан, что дальше будет?
- Мрак будет, бардак страшный. Смутные времена наступают. Я понимаю, Семен, жизнь это игра случая. Сегодня пан, завтра пропал. Третья рюмка, командир. Пьем молча?
 - Как принято, Жора, у нас, как принято.
 - Жаль, я не был в Афгане, но пью за вас, грешников.
- За тех, капитан, кого с нами нет. И не надо жалеть. Война — штука хреновая.

Они помолчали, с удовольствием потягивая из кружек пиво. Первым заговорил капитан:

- Говорят в Афгане были походно-полевые жены!
- Кто говорит?
- Все говорят. Нет дыма без огня.
- Женщины, они всюду женщины. Там их было мало и разные.
 - Хорошие туда не поедут, одни проститутки.
- Этого добра в Союзе навалом. Только откуда хорошие жены берутся? Мы, мужики, трепачи хорошие. Приврем с три короба. Девушку или чужую жену опоганим, как ей, бедной, и не снилось. Есть, Жора, чистая, светлая любовь. И здесь, и в Союзе, и в Афгане... Расскажу тебе историю, случившуюся там. Только печальный будет рассказ. Хочешь верь, хочешь нет.
 - Не печальней шекспировской трагедии?
- Как знать... У этой истории нет конца. Не стало Джульетты — исчез и Ромео. Но скажу тебе честно, это самое мое печальное воспоминание.

Случилось все, когда я тянул первый срок. Приехали к нам работать несколько молоденьких девчат. Подружки-хохотушки, веселые, шустрые. Подняли на уши весь полк. Даже мы, женатики, не остались равнодушными. Ожил наш военный городок, забренчали гитары около женского модуля, стали влюбляться все скопом. Ухажеров — целый рой. Особенно холостячки колготятся. Петушатся, как боевые петухи, готовые друг другу гребешок выклевать. Хоть сейчас под венец. Только женихов рота, а невеста приглянулась одна. Звали ее Светлана. Со всеми она дружна и внимательна. Каждому надежду подает, огонь ревности в сердцах тушит, умиротворяет своих поклонников.

Но всему есть предел, появился и ее избранник. Покорил ее сердце высокий и плечистый капитан, прибывший по замене. Естественно, от нас не утаишь. Там, в Афгане, как в деревне, — все на виду. Славная они были пара. Подстать друг другу — веселые, красивые, сильные. Дошло дело до свадьбы. Надо было лететь в Советское посольство в Кабуле, где проводили запись.

Накануне была шумная вечеринка. Мы пили спирт и громко кричали «горько». Капитан целовал невесту, и всем нам было весело и чуточку грустно. А утром, сияющая и счастливая, она поцеловала всех провожающих и побежала к ожидавшему на полосе вертолету. Если бы ты знал, какой это был неповторимый миг, сказочное очарование — ее улыбка. Последняя улыбка, Жора, в ее жизни.

Она бежала навстречу судьбе, мы смотрели ей вслед, изгоняя из сердца дурные мысли. Лучи ее любви делали нас как будто человечнее. Но только в сказках счастливый конец да в детских мечтах. Она погибла, капитан, прямо на глазах...

За спиной Ивана забулькала в стаканы водка. Он сидел не шелохнувшись, прикрывшись ладонью и совершенно не слушая подсевшего к нему Генку-Шаромыгу. Вначале Генка недоумевал, потом обиделся и, прихватив с собой бутылку, ворча, направился к выходу. Иван закурил, судорожно сжав в пальцах сигарету. Неосторожно толкнул локтем кружку, которая упала под ноги офицеров и вдребезги разбилась.

Капитан недовольно покосился на соседний столик, где, сидя к ним спиной, дремал совсем бухой пьянчуж-ка. Повернувшись к майору, презрительно бросил:

- Алкаш... Съездить его по балде?
- Не надо. Может, у человека горе. Чужая душа потемки.
 - И как она погибла, Семен?

Майор залпом допил пиво, перелил из полной кружки в порожнюю и тихо проговорил:

— Знать бы о страшном Светланкином конце. Я бы свою голову не пожалел, лишь бы Светик жила. Она бежала по вертолетке, размахивая сумкой, и капитан, ее избранник, с нетерпением ждал ее, выбрав шаг-газ вертолета до взлетного режима. Светлана знала, что через час они приземлятся в Кабуле, возьмут такси и помчатся всем экипажем в посольство. Будут цветы,

поздравления друзей, зазвенят бокалы. А затем — самолет на Ташкент и небольшое село под Тулой. Пройдет полгода и вернется ее любимый на Родину, и они будут вместе.

Ей кричали до хрипоты десятки глоток, и сам я орал, как бешеный. Шум работающих двигателей заглушал голоса. Кто-то побежал, стараясь догнать ее, но не успел. Все произошло на глазах, в доли секунды. Светлана попала под хвостовой винт. Резко брызнула кровь из разрубленной головы. Следующий удар швырнул ее на землю. Она упала на траву, так и не успев понять, что случилось, не почувствовав боли и не расставшись с улыбкой.

Мы подбежали к вертолету и застыли в оцепенении. Трудно рассказывать, больно вспоминать, капитан. Она лежала, съежившись, на боку, раскинув руки. В голове зияла глубокая рана, еще пульсировала кровь, вытекая наружу, марая волосы. Лицо свела судорога, мертвая маска. В стороне валялась спортивная сумка — все приданое. Примчалась санитарная машина и увезла ее. Светлана умерла, не приходя в сознание.

А двигатели вертолета работали в том же режиме. Заметив санитарную машину, капитан открыл блистер сдвижной двери. Около хвостового винта заметил молчаливую толпу летчиков. Он выпрыгнул из вертолета и сразу же увидел сиротливо лежащую спортивную сумку и пятна крови на пожелтевшей траве. Правый летчик выключил двигатели и затормозил несущий винт. С законцовок лопастей упали красные капли. Трясущейся ладонью капитан осторожно обтер законцовки и долго смотрел вслед отъехавшей санитарной машине. Мы стояли не шелохнувшись, боясь встретиться с ним взглядом. Наконец, все поняв, он дико закричал, упал на землю, обнял руками красное пятно и застонал протяжно, по-звериному.

Подъехал командир полка и приказал обезоружить его. Я вытащил из кобуры пистолет и осторожно погладил капитана по голове. Как от удара тока, он вскочил на

ноги, обвел мутным взглядом собравшуюся толпу и побежал к санчасти, хватаясь рукой за пустую кобуру. Его догнали и крепко связали руки офицерским ремнем. Он выл, скрежетал зубами и кричал пронзительным голосом:

Я ее зарубил, я! Братцы! Застрелите меня! Я не хочу жить!

Через несколько дней, похудевшего и осунувшегося, с потухшим взором, жалкого и пришибленного, его отправили в Союз.

Ее проводили раньше. Построили весь полк, дали прощальный залп в небо и осыпали цветами цинковый гроб. Мы справили поминки, как принято в христианском мире. МИ-6 сделал почетный круг над аэродромом, качнул стабилизаторами и увез ее в последнюю дорогу.

Вот такая случилась история, Жора...

Офицеры помолчали, каждый оставаясь наедине со своими мыслями. Капитан, забыв о пиве, сосредоточенно смотрел в заляпанное мухами окно. Краем глаза заметил, как пьяница за соседним столиком качается из стороны в сторону. Охваченный возвышенными романтическими чувствами после рассказа майора, поморщился при виде обыденности реального мира. Повернувшись к Разину, тихо спросил:

— А капитан? Что стало с ним?

Майор неопределенно пожал плечами и грустно ответил:

— Не знаю. Когда мы вернулись, он уже не служил. Был списан вчистую. Уехал в неизвестном направлении, исчез, испарился. Да кому он был нужен, кроме нас? А мы еще были в Афгане. Не стало Джульетты — пропал и Ромео.

Вечерело. Пивной бар заполнялся постоянными клиентами, которые по-хозяйски располагались за столиками со своими бутылками и закусками, вытесняя случайных посетителей. Офицеров потеснили подгулявшие работяги, обмывавшие день получки. Какой-то Лева, огромный двухметровый детина с красной

добродушной физиономией, разглядев орденскую планку на груди майора, облапил его руками.

Майор не ломался, поддерживал разговор, дружески похлопывая по плечу Леву. Взглянув на часы, Семен спохватился и стал прощаться. Его толкнул в бок капитан:

- Алкаш на тебя уставился. Минут пять сверлит глазами. Может, ему все же по балде врезать? Лева протестующе поднял руку:
- Безобидный парень. Как всегда, заряжен с утра. Пойду и ему налью рюмку. Он меня часто выручает. Ваней его зовут...

Разин вздрогнул, повернул голову и окинул долгим взглядом совершенно седого человека. Что-то знакомое почудилось в нем майору. Но Лева не дал сосредоточиться, настойчиво предлагая «тяпнуть» на дорогу. Они обнялись, как близкие друзья, и, пошатываясь, пошли к выходу. Какая-то сила заставила Семена оглянуться. И вновь мелькнуло что-то до боли знакомое в опустившем плечи пьянице. Поторопил капитан:

— Опаздываем, Семен, придется брать такси.

Майор решительно толкнул дверь и вышел на улицу. Жора поймал машину, и, тепло распрощавшись с Левой, они навсегда покинули город.

Лева завернул за угол, не торгуясь, купил две бутылки водки и вернулся в пивбар. Вспомнив об Иване, подошел к нему. Вдвоем они пили до закрытия. Последними вышли на улицу. Лева расщедрился и купил еще два флакона. Один взял с собой, другой протянул Ивану:

— Бери, браток, утром опохмелишься. Я почти готов, двигаю домой, в плен Тигре Львовне сдаваться. Зверь у меня баба — опять скалкой врежет. Ну и пусть. Зато с каким я человеком встретился. Жаль, Ваня, тебя с майором не познакомил. Держи «краба»...

Снова Иван был один и, раскачиваясь, брел к дому. За углом его терпеливо ждал лохматый Шарик. Он радостно вильнул хвостом и доверчиво обнюхал карманы хозяина. Степенно двинулся следом. Они вошли в

комнату. Иван открыл холодильник и сунул собаке холодный кусок мяса. Себе достал из ящика луковицу и уселся за стол. Он снова пил, пил и вспоминал Сеньку Разина. Угрюмо обвел мутным взглядом свое убогое жилище, уронил голову на руки и, не сдержавшись, всхлипнул. Шарик жалобно взвизгнул и осторожно лизнул его ладонь теплым языком. Кажется, он спал часа два-три, был в пьяном бреду. Видел себя молодым и сильным в кабине вертолета. Как наяву, чувствовал ручку управления и рычаг шаг-газа. Смотрел на снежные вершины гор и слышал Сенькины команды. Внизу дымился сожженный кишлак. На кривых улочках суетились люди в поисках укрытия от осколков авиационных бомб. В небе срывались в пике «мигари» и неслись с ревом к земле. На окраине кишлака клубилась пыль, двигались танки, боевые машины десанта, реактивные установки. Солдаты вбегали в дувалы, строчили из автоматов, кидали гранаты. На центральной площади метались люди и падали, скошенные пулеметными очередями «брони»...

...Иван пьяно стонал, пугая собаку, гулко стукаясь лбом о деревянный стол. Образ Светланы вытеснил из головы грязные воспоминания афганской бойни, постоянно бередившие душу. Теперь он уже ласкал ее руки, целовал глаза, нежно обнимал плечи. Она улыбалась ему, доверчиво припадала к груди и шептала: «Милый мой, единственный, любимый, мы всегда будем вместе. Всегда».

И вдруг — зловещее красное пятно на земле и ее спортивная сумка. Он протяжно взвыл и открыл глаза. Беспомощно огляделся, возвращаясь в реальный мир. Ужаснулся при мысли, что муки его никогда не кончатся. Понял, что смертельно устал и совсем готов к задуманному.

В углу торчал большой гвоздь, вбитый им несколько месяцев назад. Морщась от головной боли, допил остатки водки и решительно снял с пояса ремень. Теперь его действия были спокойны. Все же он был

когда-то летчиком и привык заранее проигрывать все возможные варианты. То, что Иван делал сейчас, зрело в его душе давно. С того проклятого дня. Он устал от воспоминаний и одиночества, боялся встреч с прошлым и не видел просвета в будущем. Тогда он кричал: «Убейте меня, братцы! Я не хочу жить!» Теперь Иван не закричит — сделает все сам.

Ремень был мягкий и старый, из чистой кожи. Вероятно, тот самый, которым ему связывали руки. Петля аккуратно легла на шею, пощекотав железом пряжки. Гвоздь легко пролез в просверленную дырку в ремене, затянув петлю. Иван поспешно толкнул ногой стул. Стул упал и загремел, разбудив спящую собаку. Привыкший ко всему Шарик сладко потянулся и, свернувшись калачиком, вновь уснул.

Когда рассвело, жильцов дома разбудил громкий вой. Чертыхаясь, сосед постучал в комнату Ивана. Никто не открыл. Вой собаки был невыносим. Пришли мужики с верхней площадки. Посовещались и решили взломать дверь. Навстречу выскочил Шарик и, поджав хвост, юркнул на улицу. Соседи вошли в комнату — и отпрянули в ужасе...

Его хоронили за счет городского бюджета, с оркестром и воинскими почестями. В гробу лежал не Ванька-пьяница, а другой человек — в военном кителе и с боевыми наградами. Лицо было спокойным и умиротворенным и чуть-чуть, как всегда, грустным. Кроме армейской формы в квартире обнаружили небольшой альбом с фотографиями, на столе — аккуратный девичий портрет в траурной рамке.

Соседки всплакнули, посудачив о несчастной любви, и стали собирать на стол. На похороны приехал военком и рассказал всю правду об Иване. Провожать на кладбище вышел весь дом. Пришли все собутыльники по пивбару, местная братва во главе с Витькой-Пузанчиком. Несли гроб Лева и Генка-Шаромыга. Только не было никого из прошлой жизни Ивана. Вечером закатили поминки в пивбаре и не пускали никого чужих. В обнимку сидели тщедушной Генка-Шаромыга и огромный Лева, добрым словом вспоминая Ивана, кляня судьбу и все правительства на свете. За углом бойко торговали водкой, невдалеке сидела рыжая лохматая собака и кого-то ждала.

РЯДОВОЙ РЕКС

Посвящается Герою России Александру Бузину

Рекс был умница. Когда его мама, средних лет овчарка по имени Роза, ласково и нежно облизала четверку родившихся щенков, один из них неожиданно тявкнул. В дощатую просторную конуру заглянула физиономия человека. Мама Роза навострила уши, бочком прикрыла свой приплод и на всякий случай незлобно рыкнула. Поворчала и позволила молодому белобрысому собаководу взять шевелящийся комочек в руки.

Осторожно раздвинув хлипкие лапки щенка, он удовлетворенно хмыкнул и с удовольствием чмокнул его в теплый носик. Роза зарычала, слабо повизгивая, требуя свое чадо обратно. Потрепав свободной рукой по взъерошенному загривку мамаши, собаковод подсунул щенка ей под бок, улыбнувшись, сказал:

 С норовом у тебя сынок, Роза. Хорошим воякой будет. Назовем Рексом.

Там, в питомнике, и вырос Рекс в мощного черносерого красавца. Что он был умница, спору не было. Он быстро научился выполнять команды: «стоять», «лежать», «ползти», «бежать», «прыгать», «барьер» и прочей собачьей премудрости. Долго фыркал и чихал, привыкая к запаху взрывчатых веществ. Дико вращал налитыми кровью глазами, воротил морду, кусался и визжал, оставаясь голодным на ночь. Его величество чув-

ство голода и лакомый кусок сахара сделали свое дело. В конце концов, наплевав на мертвячий, прелый запах тола, Рекс все же вынюхал эту нечисть, закопанную в землю и, радостно повизгивая, сделал стойку. Его одобрительно погладили по голове и тут же вручили пайку сладкой подачки, которую щенок мигом схрумкал. Что-что, а сахар он любил. Особенно хрустящие на зубах леденцы. Дальше все пошло как по маслу. Только успевай вынюхивай и получай честно отработанный лакомый кусочек.

Умные, как известно, всегда впереди. В жизни, бою и смерти. Полгода напряженной подготовки — и готов рядовой Рекс к службе в армии. Не догадываясь, что его навсегда увозят от мамы Розы и родного питомника, он добровольно прыгнул в дверной проем самолета, обнюхал дальний угол и примостился на мягком сером рюкзаке. Полеживал и спокойно глазел на молодых солдат, грузящихся в самолет, ожидал появления широкоскулой физиономии своего хозяина. Какой-то тип по кличке Шурик неосторожно прикрепил к ошейнику собаки карабин поводка и со вздохом проговорил:

— Повязаны мы одной веревочкой, дружище, вместе воевать будем. Теперь я твой хозяин. Сиди смирно, не дергайся на взлете.

Рекс страшно испугался, когда загрохотали двигатели самолета. Дернулся к двери, но был остановлен рывком поводка и командным криком Шурика «лежать!» Он был дисциплинированным псом и поэтому незамедлительно лег брюхом на пол.

Лишь самолет взмыл в небо, что-то оборвалось в его животе, защекотало в ушах, закапало из носа. Бежать и спрятаться было некуда. И мама Роза куда-то запропастилась. Одни незнакомые лица солдат — равнодушные и сонные. Только Шурик гладил его по голове, поглядывая с жалостью и тревогой. Постанывая и повизгивая, Рекс уткнулся мордой в его ноги. Замер, зажмурил глаза, опустил уши, доверив свою собачью

жизнь этому человеку. Так он обрел нового и последне-го хозяина в жизни.

Наконец-то прекратился грохот двигателей и самолет замер на стоянке, Александр, подтолкнув под зад, спустил собаку с поводка. Под оглушительный смех десантуры, ловко юркнув между солдат, пес пулей вылетел из грузовой кабины, прыгнув, минуя трап, прямо на бетон Кабульского аэродрома. Отбежал в сторону, пару раз чихнул, поднял ногу и презрительно помочился на вновь обетованную землю. Десантура вновь заржала, и Владик, друг Шурика, давясь смехом, крикнул:

— Ну и псина, ну и Рекс! Себе уж памятник воздвиг нерукотворный, раньше нас... Молодчина! Так держать! Будете знать русских кобелей, афганские сучки.

Рекс покрутился среди выгружающихся солдат, отыскал Шурика и вильнул перед ним хвостом. Тот благодарно прижал пса к груди и прошептал ему в ухо:

Вместе воевать будем, вместе. И верно, умный ты песик, мой Рексик.

К вечеру без принуждения собака добровольно впрыгнула в кабину «вертушки» и полетела с Александром к месту назначения. Выходит, Рекс, как и его хозяин, пусть по своей псинной глупости, но добровольцем отправился исполнять свой собачий интернациональный долг к черту на кулички. Он стал бравым воякой. Только штабисты знают, сколько боевых зарядов обезвредила собака, а сколько солдатских жизней спасумный пес — не подсчитает никакая статистика.

Шла операция в горной долине, окруженной высокими пиками гор. В вышине парило солнце и некуда было спрятаться от проклятой жары. Ни кустика, ни деревца — сплошные горячие камни и валуны да песок, хрустящий на зубах. Усталость в лапах, усталость в глазах, усталость в голове.

— Рекс, вперед, — прохрипел, облизывая ссохшиеся от жары губы, Шурик, лениво поправляя на спине ремень автомата и стирая со лба пот.

Пес неторопливо вышел из-за бэтээра на дорогу, взглянул на своего хозяина, который, приспустив поводок ошейника, подбодрил его слабой улыбкой, привычно уткнулся горячим носом в землю и засеменил по выбитому взрывами грунту. Следом двинулся бэтээр, на броне которого, держа автомат в руках и свесив ноги, сидел голый по пояс Владик. Позади — танк и длинная вереница автомашин. Внизу, в глубоком ущелье, дымились остатки подорвавшейся бронемашины. В небе урчал вертолет, увозивший подобранных после взрыва убитых и раненых.

То ли опротивели четвероногому саперу леденцы, которыми с утра пичкал Шурик, то ли устал и был рассеян, вспоминая вчерашний роман с косматой сучкой Лорой, или заряд был особенный, закопанный на большую глубину, — Рекс прошляпил, прошел мимо, не сделал положенной стойки. А хозяин, уверенный в своем поводыре, оглянулся назад и махнул рукой: все, мол, нормально. Неторопливо отстегнул с пояса фляжку с водой, запрокинул голову, отпил пару глотков, прополоскал рот, выплюнул теплую жидкость и, не закручивая колпачка, сделал роковой шаг. Земля вздыбилась под его ногами, словно из ада, из преисподней вырвался страшный черт, не пожелавший жариться на сковороде. Сильный взрыв сотряс разряженный воздух, и десятки мелких чертей огненным смерчем разлетелись в разные стороны, достав своими смертоносными щупальцами и беднягу Рекса. Где-то сверху застрочил пулемет, ударили автоматы, кувыркаясь, поскакали на дорогу поросшие мхом камни.

— Засада! — заорал Владик, скатываясь с брони бэтээра и прячась за огромный валун на краю обрыва. Гулко бухнули пушки брони. Завязался короткий, яростный бой. Под прикрытием плотного огня танков раненый в голову Вадик и еще двое десантников осторожно выволокли повизгивающего Рекса из зоны обстрела. Друг Александра, размазывая по лицу слезы, плакал, непрерывно повторяя:

— Одна фляжка, только фляжка, фляжка, фляжка... Он вдруг вздрогнул всем телом, перестал всхлипывать, сощурил глаза, плавным движением правой руки заменил патронный рожок, передернул затвор автомата и резко повернулся в сторону полумертвой собаки. С каким-то ожесточением, ненавистью, выдавил:

— Ты, псина, виноват, ты... Нюхало хренов.

В последний момент Рекс на минуту пришел в себя. Сквозь кровавый туман, застилавший глаза, увидел наведенный на него ствол автомата в руках друга своего хозяина, его колючий, помертвевший взгляд. Они долго смотрели друг другу в глаза. Человек и собака. Два воина, два бойца.

Рекс не просил милости. Да, он виноват в случившемся и должен понести наказание. Стреляй, Владик, и будешь прав. Рекс умница, он все понимает. Все, все...

Что прочитал в глазах собаки Владик, останется тайной. Он неожиданно вновь всхлипнул, по-мальчишески шмыгнул носом, положил автомат под ноги, присел на корточки, долго гладил понурую голову собаки. Встрепенулся и, повернувшись к бэтээру, крикнул:

- Серега! Тащи бинт. Может, выживет, он осторожно перевязывал собаку и непрерывно бубнил:
- Прости, Рексик, прости, если сможешь. Ничего, будешь жить, еще повоюем, отомстим гадам за Шурика.

По команде радиста взлетевшие несколько минут назад «вертушки» приземлились на площадку. Перевязанную вдоль и поперек, тоскливо смотревшую слезящимися глазами вдаль собаку несли на носилках четверо десантников. Позади, еле передвигая ноги, плелся обрызганный собственной и собачьей кровью Владик, матерясь и приговаривая:

— Повоюем еще, Рекс, повоюем, мать «духов» за ноги.

В вертолете он бредил, рвал на голове бинты, искал автомат и все порывался бежать на выручку друга. Его держали за руки, пока не упал плашмя, потеряв сознание. Они даже не попрощались. Владика отправили в госпиталь в Союз. Больше в часть он не вернулся.

Собака выжила и через месяц впервые, зажмурившись, взглянула на солнце. Через три месяца Рекс превратился в отличного сторожевика, стал грозой местных низкорослых кобелей и любимцем неприхотливых сучек. Но где бы ни находился пес, услышав шум вертолетных двигателей, летел на площадку для посадки и замирал вблизи в тревожном, возбужденном ожидании. Из вертолета выходили десантники, весело окрикивая собаку. Рекс благодарно прижимал уши, вытягивал шею, но не двигался с места. Он искал среди молодых парней долгожданного хозяина, своего Шурика. Не дождавшись, тяжело вздыхал, понуро опускал хвост и осторожно впрыгивал в пустую грузовую кабину. Усердно обнюхивал все углы, выискивая запах хозяина и, не найдя, ложился на броневую обшивку днища вертолета. Лежал, положив голову на передние лапы, уставившись в одну точку. Часами ждал, сам не зная кого, вспоминал и думал о чем-то. Лишь летчики включали двигатели, Рекс впадал в панику, и никакие силы не могли удержать его в вертолете. Как-то попытались и поплатились за это. Пес вихрем скакал по грузовой кабине, кусал всех, кто подвернется под клыки. Борттехник, услышав шум, в недоумении открыл дверь пилотской кабины и был ошарашен прыжком собаки через голову. Правый летчик в ужасе от разгневанного взгляда и рычания Рекса механически схватился за ручку сдвижного блистера и открыл его. Собака, почувствовав струю свежего воздуха, не раздумывая, нырнула в дверной проем и с высоты нескольких метров рухнула на землю. Благо, вертолет был в режиме висения. Все обошлось легкими ушибами. Но больше никто и никогда не шутил с собакой.

Рекс же страшно боялся опять лететь на войну. Встретиться с тем приторным запахом в земле, после которого что-то вздыбилось под ногами хозяина и обрушилось на собаку градом укусов и жгучей, режущей болью живота.

Прошло время. Войска уходили на север. По дороге пылили бээмпэ, танки и бэтээры. На броне сидели знакомые солдаты, кричали, звали к себе Рекса. Но нигде не было хозяина и друга его Владика. Он долго бежал следом, иногда обгонял колонну, застывая на месте, внимательно вглядывался в веселые лица десантуры. Весь запыленный, наконец, отстал и, опустив хвост, рысцой вернулся в пустой лагерь. Завыл, залаял от непривычной тишины и одиночества. Напрасно тарахтела последняя «вертушка», и летчики усердно пытались отловить упрямую собаку. Рекс дал стрекача и спрятался в укромной дыре, выдолбленной в скале. Он удовлетворенно вздохнул, когда хорошо знакомый летчик, обреченно махнув рукой, сел в пилотское кресло. Вертолеты сделали прощальный круг над площадкой и улетели догонять автоколонну. Долго и тревожно наблюдал Рекс за последней «вертушкой». Словно понимал, что остался совсем один. Он вышел из-за скалы, огляделся. Кругом было пустынно и мусорно. Ни людей, ни палаток, несколько пустых строений с выбитыми стеклами да железные решетки вертолетной площадки. Не было и его жилища, где стояла койка хозяина, под которой на подстилке всегда спала собака.

Но рядовой Рекс четко знал свои обязанности. И еще двое суток его грозный лай отгонял от брошенного военного городка случайных прохожих и любопытных гостей. До последнего он надежно нес службу. А потом пришло много людей в чужой одежде с оружием в руках, радостно палящих в воздух. И это были лютые враги, стрелявшие во Владика и Шурика, разлучившие Рекса с ними. Этих людей он знал, он их помнил, он их ненавидел. Весь день собака, притаившись, пролежала за скалой. Ночью загрызла первого, зашедшего за скалу, тем самым рассекретив свое убежище. Поутру встревоженные люди с ужасом обнаружили товарища с разорванной глоткой и изуродованным лицом. О чемто с жаром поспорили и по команде чернявого властного командира окружили скалу.

Рекс спрятался в пещере, притаился, готовый к прыжку. Обнаружили его сразу. Постреляли из автоматов, поспорили на непонятном языке, смолкли. Наспех сколотили лестницу и приставили к отверстию. По лестнице поднялся заросший бородой человек, отстегнул от пояса гранату, выдернул чеку и метнул ее в отверстие пещеры. Раздался глухой взрыв. Беспрерывно строча из автомата, неуклюже, как-то боком он свалился внутрь пещеры. Послышался протяжный вой, злобное, звериное рычание, пронзительный жалобный человеческий крик. Минутная жуткая тишина... и бешеная, беспорядочная пальба из всех видов оружия. Кто-то сообразил принести дымовые шашки. Собаку решили выкурить из пещеры. Снова по лестнице поднялся человек и одну за другой стал метать «дымовухи» в отверстие.

Постепенно пещеру заполнил едкий тошнотворный запах, напомнивший Рексу проклятый запах тола. Он пару раз чихнул, уткнувшись носом в лапы. Почувствовал, как побежали из глаз слезы, защекотало глотку, учащенно забилось сердце, от нехватки кислорода сдавило легкие. Отчетливо понял, что надо выбираться отсюда на волю и солнце.

Его ждали десятки жестких глаз и стволы автоматов. Морда собаки вынырнула из дымовой завесы. Рекс прыгнул, зацепив лапами человека на лестнице. Одновременно они упали на землю. Собака успела схватить врага за горло и мертвой хваткой стиснуть зубы. Ктото с испугу в упор застрочил в вертящийся на песке клубок с яростно рычащим Рексом и хрипящим, еще живым товарищем. Чернявый что-то крикнул, схватил стрелявшего за руки, размахнулся и ударил по лицу. Быстро повернулся, выхватил из кобуры пистолет и хладнокровно добил собаку.

Пес и его жертва умерли мгновенно от пуль, беспорядочно выпущенных из автомата. Последнее, что промелькнуло в угасающей памяти Рекса, это ласковые руки, добрая улыбка и ждущие глаза Шурика. Он удов-

летворенно глубоко вдохнул чистый утренний воздух, обвел помутившимся, ненавидящим взглядом напряженные лица врагов, дернулся и умер.

Еще целые сутки на побуревшем от крови песке валялась мертвая собака. А рядом, на камне, сидел часовой с автоматом на коленях. Приходили люди, с отвращением и страхом рассматривали пса, плевали на его тело. На второй день на солнцепеке Рекс стал разлагаться и пованивать мертвечиной.

Совершенно случайно, именно на том месте, где стояла палатка хозяина Рекса, вырыли яму и, брезгливо морщась, шестами столкнули собаку на дно. Быстро засыпали яму песком, утоптали ногами, положив сверху могилы огромный камень. Они как будто боялись, что злой дух пса вырвется из могилы наружу и будет мешать жить людям.

KOHTUHLEHT

Двадцатичетырехлетнего полевого командира Керима Исламбекова уже с месяц не покидало чувство опасности. Каждый вечер он засыпал с мыслью, что утреннюю тишину снова нарушит лязг танковых гусениц, рокот вертолетов и смертоносные залпы ракетных установок. Беспокойство росло с каждым днем. До кишлака дошла молва, что «шурави» уходят. Позже об этом стали писать газеты, говорить радио. Радостная весть вселила в душу молодого командира тревогу и главный вопрос: «Как?» Об этом не писали газеты, не говорило радио. Для них важен факт, а не сам процесс, так сказать, черновая работа. Керим знал, как чужеземцы уходили из захваченных стран. По договору правительств, организованно, без лишних жертв. Это где есть сильная власть. А если ее нет? Из той же России Наполеон бежал, бросив на произвол судьбы свои войска. Советские генералы никогда на это не пойдут. Гитлер уходил, уничтожая за собой города, села, мирных жителей, вел кровопролитные бои. Сейчас не те времена и Горбачев не рискнет уподобляться фашистам. В обоих случаях русские били в лицо и в спину немцев и французов. Теперь они сами в чужой стране попали в ловушку. Как они будут уходить — вот что беспокоило его в последнее время. И еще Керима тревожила память. Все чаще приходила в снах. Его отец, горный инженер, выучившийся в России, любил приговаривать:

 Учи, сынок, языки и друзей, и врагов. Все пригодится в жизни.

Он с юношеских лет вместо винтовки держал в руках циркуль и карандаш. Перед войной с русскими специалистами проектировал и строил систему водоканалов на юго-востоке страны. Жили в палатках, землянках, по-походному, налегке, в сугубо мужской компании. Летом начальник строительного участка, Сергей Николаевич, привез своего сына Вадима, который мечтал стать геологом. Его мать погибла в автокатастрофе, отец переживал за сына, сын за отца, и им было легче вдвоем в трудное время.

Мальчики подружились с первой встречи и весело проводили время. Особенно ребятам нравилось играть в казаков-разбойников. Лазали по горным кручам и каньонам, бесшумно подползали к караванам, идущим с товаром из Пакистана, и громко «ухали» через мегафон, на манер американских индейцев, не на шутку пугая мирных кочевников. Крикнув победный клич, мальчишки исчезали в скальных нагромождениях Гиндукуша. Их опасные проделки не проходили бесследно. Особенно подводил «разбойников» мегафон, которого никто в кишлаке не имел. А без него выходило нестрашно и скучно. Караванщики жаловались отцам, беспокоясь за жизнь детей. Ох, и попадало им от родителей за опасные проделки. Приходилось за грехи отбывать трудовую повинность с лопатами в руках. Хотя, какая там повинность, если работа увлекала ребят не меньше, чем разбойничьи игры. Результатом труда была вода — начало всех начал в песчаных пустынях субтропиков. Оживали истосковавшиеся без влаги плодородные земли, зеленели долины, светились счастьем и надеждой лица крестьян, они искренне благодарили великую северную страну за бескорыстную помощь. Мечтали о многом два юных друга. Но случилась война, будь она проклята.

«Ограниченный контингент советский войск», мысленно повторил Керим ненавистные слова. В сотый раз отчетливо вспомнил тот холодный по-зимнему день, когда по новой «кабульской» дороге вереница натужно урчащих двигателями русских танков вползла в сказочный, благоухающий оазис, сотворенный руками отцов и жителей близлежащих кишлаков. Ни в Москве, ни в Кабуле не поинтересовались: а хотят ли простые люди военной помощи. Этим решением правители наплевали в души людей. Избороздив стальными гусеницами танков живительные отводы оросительных каналов, пахотные земли, испоганив святые места, вчерашние друзья превратились во врагов. Тысячи равнодушных чужеземных солдат, бряцая современным оружием, как ядовитым жалом гремучей змеи, ввергло обе страны в смертельную бездну. Первая пролитая кровь порождает ненависть и насилие.

В тот день и на родной земле Керима случилось страшное событие. Кто-то не стерпел обиды, плевка в душу при виде разрушенной дамбы вблизи кишлака и мазутных пятен на водной поверхности канала. Прозвучал выстрел и молодой русский солдат, черпавший ведром воду, обливаясь кровью, упал в глубь канала. Его кровь, смешиваясь с водою, расползалась вширь, порозовела и поплыла вниз по течению, завораживая и призывая к мщению его друзей. По горячке, по слабомыслию, без разбору, ради любопытства и злой шутки, из чувства мести, просто так, от нечего делать люди стали стрелять друг в друга, превращаясь во врагов. В

дело вмешалась техника. Грозно рявкнули пушки бронированной стальной армады, и тысячи огненных посланников смерти унеслись искать свои жертвы. Пылали деревянные постройки, в панике выбегали из дувалов жители кишлака в поисках спасения. Трудно, ох, трудно было выжить в этой дьявольской свистопляске тем, кто находился в селении. Тогда еще не было в моде слово «зачистка». Это и спасло многих от лютой смерти. Отцы ребят не успели предстать перед выбором: кто кого и за кого? Спящих, усталых после работы, их накрыло в теплой землянке огнем артиллерии. Одно прямое попадание крупнокалиберного снаряда навеки упокоило двух геологов — русского и афганца. Точнее, их тела разорвало в клочья. Следующие взрывы разветвили прямую линию канала в ряд неровных ответвлений, заканчивающихся заводями из глубоких воронок. Тяжелые танки проутюжили и развалили рабочие постройки вдоль канала, разрушив стены землянки, надежно спрятав братскую могилу под прозрачным покрывалом хлынувшей из канала в воронку воды.

Двум мальчишкам Всевышний уготовил другую судьбу. Спозаранку ребята отправились в горы на охоту. Их планы прервал далекий грохот техники, не вписывающийся в обычную утреннюю тишину. Наперегонки они влезли на вершину горы и с восторгом смотрели на длинную колонну техники, вынырнувшую из пасти ущелья. Два юных чудака ликовали, восторженно кричали, решив немедленно сделать разбойничье нападение на железных чудовищ. Строя разные планы, они стали спускаться по тропинке. И вдруг услышали эхо винтовочного выстрела, которое стало роковым для их кишлака, судьбоносным для Керима и, может быть, всей страны. После выстрела все пошло шиворот-навыворот. Ровная цепочка колонны резко сломалась. Часть танков и бронемашин съехала с основной дороги прямо в «зеленку». По пути ломая посадки нежных деревьев, помчались к водной поверхности канала.

Оставшийся на дороге передний танк дернул стволом пушки, выплюнув из своей утробы смертоносную жабу. Произведя пристрелку, все скопище техники дружно фыркнуло из орудий, застрочило из пулеметов по каналу и предгорной долине, где приютился родной кишлак Керима.

Мальчишки остановились на пригорке и с ужасом наблюдали за ходом трагедии. Один Аллах знает, как они смогли пережить тот миг, когда снаряд разворотил их землянку. Видеть, как танк гусеницами утрамбовал на месте землянки землю, тяжело выполз из глубокой воронки, уступив место грязевому потоку воды. Керим навсегда запомнил залитые слезами глаза Вадима и его отчаянный, рыдающий крик:

— Не надо, не стреляйте, там мой папа, дядя Вазиль, не убивайте, не убивайте их!

Что-то кричал и он, путая афганский и русский языки. Но вопли и крики ребят терялись в грохоте орудий и рокоте работающих двигателей техники. Вадим, обессилев от криков и рыданий, лишь хватал пересохшим ртом воздух, слабо махая руками. Ноги его подкосились и, потеряв равновесие, он свалился в расщелину, разбив о камни голову. Керим скинул с себя голубую майку, умело перебинтовал голову друга. Удар плюс нервное перенапряжение Вадима принесли новые заботы афганцу. Друг приходил в себя, бредил и вновь терял сознание. Пришлось весь день просидеть в расщелине, держа его голову на коленях, промывая рану водой и смачивая влажной тряпкой пересохшие губы. Так сидя и задремал, уставший от вороха беспорядочных мыслей. Легким толчком его разбудил пришедший в себя Вадим. Глаза его ясно и с нежностью смотрели на Керима, он тихо прошептал:

— Спасибо, друг, что не бросил меня подыхать в расщелине, в отместку нашим. Что будем делать дальше?

Афганец ждал этого вопроса. Еще в обед он сделал обзор местности, убедился, что солдаты остановились на ночлег на предгорной равнине.

— Теперь нам вместе нельзя, — вздохнул он, положив ладонь на плечо друга. — Ваши убьют меня, наши — тебя. Колонна остановилась на равнине. Я провожу тебя к ним, а сам вернусь в кишлак. Надо похоронить отцов, узнать, жива ли мать, и решить, как жить дальше.

Вадим кивнул обвязанной головой, перехватил руку друга на своем плече, благодарно сжал ее:

— Это начало войны. Только не между нами. Давай поклянемся никогда не стрелять друг в друга. Как наши отцы. Обозначь и сохрани их могилу. Я обязательно вернусь сюда. Если меня призовут воевать, знай, я буду стрелять только в воздух. И еще отличительный знак. Запомни — голубая повязка на голове, как твоя майка. Не забудь наш боевой клич. Это пароль.

Ребята по-мужски крепко пожали руки, и Керим проводил друга до передового поста русских. Все было переговорено по дороге. Они последний раз обнялись и расстались, быть может, навсегда.

- К своим пришел, теперь не пропадет, облегченно подумал Керим, высунувшись из-за скалы. Его случайно заметил молодой симпатичный боец с веснушками на лице и испуганно полоснул длинную очередь из пулемета. Правое плечо афганца прожгло острой болью, он вскрикнул и бросился обратно в горы. Бежал, спотыкаясь о камни, и горько плакал от боли и обиды, вспоминая отчаянный вопль друга.
 - Не стреляйте, не стреляйте! Это мой брат.

Еще одна пуля, выпущенная на всякий случай, сделала свое черное дело, превратив юношу в мужчину и лютого врага пришельцев. Только на третьи сутки, ослабевший и исхудавший, он приполз в родной кишлак, где узнал о смерти матери и двух сестер. Через неделю ему вылечили плечо, и Керим пришел на кладбище. Долго молился за отца, мать, сестер, но не плакал, не мог. Кусал нижнюю губу до посинения, клялся отомстить за родных и близких. Очередной матерчатый символ мусульманского горя затрепетал над могилой, призывая к мщению.

Прямо с кладбища он отправился на канал. Место, где была землянка, нашел сразу, определив по воронке, залитой сверкающей на солнце водой. Тихо и уютно щебетал ручеек, выбегающий из заводи по глубокой гусеничной колее. Он впился глазами в песчаное дно, сидел на солнце, не шелохнувшись, до вечернего заката. Сильно хотелось пить, но не смог утолить жажду. Казалось, где-то там, под песком, сочится кровь отца и капля за каплей вытекает наружу. Керим больше никогда не пил воду из заводи. Случайно его взгляд обнаружил сохранившийся на берегу плоский зеленоватый камень, вспомнил, что именно на нем отец Вадима раскладывал карту-схему водосточных каналов. Бережно разглаживал складки на карте и увлеченно рассказывал его отцу и им, ребятам, о своих грандиозных планах. «Его место на могиле, как вечная память, это их камень», — подумал Керим, приподнял камень с земли и осторожно опустил в воду, где когда-то была землянка. Топориком срубил два дерева, аккуратно ошкурил стволы. Первый глубоко воткнул в землю над обрывом, в точности, как на могиле матери и сестер. Из второго сколотил крест и воткнул рядом. Поклонился еще раз, пожелав всех благ небесных дорогим сердцу людям, и вернулся в кишлак.

Утром старейшины рода держали совет, на котором были оставшиеся в живых мужчины. Долго спорили, как жить дальше. Решили объявить свою территорию нейтральной, не воюющей ни с кем и ни за кого. Желающих немедленной мести не отговаривали, а предложили уйти в другие районы страны, где можно без угрозы для мирных жителей убивать неверных. Против выступил тщедушный, длинный, высохший как скелет, с жестким, пронизывающим взглядом, Ахмет, виновник того рокового выстрела:

— Мы должны убивать захватчиков везде и всегда, — злобно проговорил он, — объявить газават под зеленым флагом ислама. Война, только война искупит гре-

хи перед Всевышним. Во славу Аллаха винтовка в моих руках будет стрелять в каждого, кто против священной войны независимо от веры.

— Ты стервятник, злобный и неугомонный. Мало тебе крови, пролитой по твоей вине? Ты первый выстрелил в русских, — неожиданно заговорил самый мудрый и уважаемый в кишлаке аксакал, не проронивший доселе ни слова. — Аллах призывает к милосердию, миру, любви. Тебе этого не понять, уходи из кишлака, на тебе кровь земляков, ты стервятник и провокатор, твое место в аду.

Гул одобряющих голосов и злые огоньки в глазах мужчин и юношей, потерявших близких, заставили Ахмета удалиться, бубня себе под нос:

— Погодите, пробьет час, вспомните мои слова.

После его ухода дела пошли быстрее. Для охраны территории решили создать постоянный военный отряд, объединиться с соседними селениями. Пятнадцатилетнего меткого стрелка и грамотея, сына Визиля, старейшины назначили командиром. Так в короткий период времени Керим превратился в настоящего мужчину, потерял всех своих близких, сделался полевым командиром и лютым врагом ограниченного контингента советских войск.

За мать и отца он отомстил за пару лет в схватке с кабульскими войсками, пытавшимися установить правительственную власть над свободной территорией. В боях не щадил и русских, помогавших Бабраку Кармалю прибрать к рукам всю страну. Но Вадима так и не встретил.

Керим воевал только на своей территории. Последние пять лет никто не лез в его владения, и здесь наступила мирная жизнь. Воины отряда восстанавливали каналы, сеяли зерновые и собирали богатые урожаи цитрусовых. Там, где война, мир хрупок и недолговечен.

Гонец прибыл вечером. Им был Ахмет, прозванный «стервятником» и изгнанный старейшинами из кишлака. Он почти не изменился, стал лишь худее и злее прежнего. Такие люди есть в любой стране и народе, существуют в поиске вражды, смертельной наживы, болея вечной и страшной болезнью уничтожения себе подобных. На протяжении всей войны Ахмет был для кишлака черным вестником тревожных событий, глазами и ушами курбаши Белибека, контролирующего всю провинцию. Посланник зловеще сверкнул своими угольными глазами и сразу перешел к делу:

— Привет тебе от курбаши и пожелание удачи в борьбе с неверными. Он велел сообщить, что русские собаки наконец-то решили покинуть нашу страну. Теперь чем больше мы убьем солдат, тем скорее «шурави» уберутся на Родину, тем милостивее будет к нам Аллах. На рассвете сюда прибудет сам Белибек с крупным отрядом моджахедов. Завтра ожидается отступление большой колонны техники на север. Мы ударим по ней и победим.

Керим, внимательно слушая «стервятника», с горечью понимал, что снова рушится мир и покой. Не глядя в лицо Ахмета, грустно рассудил:

— Знаю, что уходят, и слава Аллаху. Пусть идут. Зачем нападать? В крупной колонне будут танки, артиллерия, воздушное прикрытие. О какой победе ты говоришь? Нас разобьют в пух и прах. Помнишь, как десять лет назад. Я не хочу нового кровопролития.

Наконец-то пробил час стервятника! Не забыл Ахмет и никому не простил, как с позором был изгнан из кишлака. Помнил, ох, помнил свои последние слова. Сейчас он их хрипло выплюнул, брызгая слюной:

— Во славу Аллаха мы будем стрелять в каждого, кто против священной войны. Усмири гордыню, не накликай беды на весь свой род, выполняй приказ и готовь людей к бою. Жди Белибека и его людей, выбора у тебя нет.

Молодой командир уклонился от ссоры, понимая, что Ахмет лишь исполнитель чужой воли. Курбаши Белибек. С ним шутки плохи. Заносчив, прямолинеен, но

умен и рассудителен. Его отряды останавливались на отдых в кишлаке и не нарушали законов гостеприимства. Ходил и Керим под его началом в те первые военные годы. Неплохой стратег, умел производить внезапные налеты и вовремя отходить. Неужели выдержка изменила ему? Ударить в лоб по колонне, затяжной бой... Верная смерть. Он не кровожадный Ахмет и за просто так не будет рисковать людьми. Тут что-то другое. Какой-то важный политический заказ. Нужно обсудить на совете план спасения жителей, поставить курбаши перед фактом.

Приход «черного вестника» ни для кого не остался незамеченным. Всевозможные слухи повисли в воздухе, люди потянулись к мечети, где на небольшой площади проводились общие сборы.

Керима встретил встревоженный гул голосов, стихший при виде его поднятой руки. Тревожные глаза воинов и старейшин с надеждой смотрели на молодого мужчину, которому когда-то доверили свою защиту. Он поклонился им и решил сразу предложить свой план действий.

— Земляки, война кончается. Это большая радость для всех нас. Нам долго удавалось сохранять нейтралитет и оберегать женщин, детей, стариков, свои жилища, поля, водные каналы. Но судьба приготовила нам новое испытание. Завтра по дороге пройдет большая колонна советских войск, русские возвращаются на Родину. Знаю одно, если мы пропустим их через ущелье, то они уйдут без единого выстрела. Так было не раз за последние годы. Ночью к нам придет курбаши Белибек со своим отрядом. Они нападут на колонну. Отговорить их не удастся, скорее всего, это политический приказ, где моя, ваша жизнь не принимается в расчет, как и жизнь самого курбаши и его воинов. Мы оказались между двух огней. Нам остается попытаться спасти женщин и детей — будущее рода. Прятать в горах поздно и опасно. Русские пробомбят каждый каньон и расщелину вблизи кишлака. Я предлагаю разбить лагерь на равнине за водным каналом, на виду, вывесить белые и красные флаги. Их спецназ сразу проверит, кто находится в лагере. Не должно быть и намека угрозы на возможный удар в спину. Поэтому все мужчины останутся здесь. Ближе к дороге, между лагерем и колонной, расположатся старики, одетые в белые одежды и без оружия. Поставьте в известность русских, что это нападение совершено не по нашей вине, тогда есть надежда на их милосердие. Долго бойня не продлится. В открытом бою решает все техника. Первым делом они уничтожат наши жилища, которые люди курбаши превратят в крепости. Затем по долинам, ущельям, высотам ударит авиация. Я предвижу полный разгром, печальный конец, который, увы, бессилен предотвратить. Наш отряд должен участвовать в этой политической игре, иначе с нами расправятся за предательство. Вы это знаете не хуже меня. Постараюсь уговорить Белибека уйти в горы, но вряд ли он согласится. Главное — сохранить людей и колодцы, тогда будем жить. Сейчас попрощаемся и в путь. Аллах велик и не допустит нашей гибели.

Быстры на сборы потомки древних кочевников в минуту опасности. Без суеты, без паники, присущих большим городам, покидали кишлак люди. Уже через час навьюченные верблюды и ослы послушно перешли дорогу в сторону песчаной равнины. Из домов вывезли все, вплоть до консервных банок, зная наверняка, что жилища будут разграблены и уничтожены артиллерией и авиацией.

После полуночи прибыли моджахеды курбаши Белибека, они заняли кишлак, часть «зеленки» и приступили к строительству линии обороны. К утру пробили в саманных стенах домов амбразуры, вырыли окопы, закопали взрывные фугасы. На возвышенности замаскировали два безоткатных орудия. Быстро перекусили и приготовились к бою.

Курбаши Белибек, поджарый, красивый, чернобородый сорокалетний мужчина, одетый в полувоенную пакистанскую форму с неизменной чалмой на голове, дал последние указания своим людям и повернулся к терпеливо ожидавшему Кериму. Жестом пригласил присесть рядом на услужливо поданную подушку. Взял в руки кривую палку, рассеянно ковырнул ею золу в прогоревшем костре, неожиданно улыбнулся и наконецто заговорил мягким, приятным голосом:

— Пока я доволен твоими действиями, сотник Исламбеков. Посмотри на костер. Видишь, зола быстро остывает, когда нет огня. Вот и в тебе нет огня, ты забыл лютую смерть отца, матери, сестер, остыл, превратился в холодную золу, в которую можно тыкать палкой, растоптать ногами, а она и не огрызнется. Теперь надо вновь зажечь в сердце костра огонь и тогда пламя сожрет палку, омолодит золу, которая испепелит, изгонит из костра любое инородное тело. Ненависть — это отличное топливо для огня, которое будет вечно подогревать золу, и горящие угли не дадут никогда властвовать чужаку в твоем костре.

Молодой командир неторопливо отпил несколько глотков чая из пластмассовой кружки и решил выдержать манеру разговора курбаши. Он подобрал брошенную на землю палку, повертел в руках, осторожно положил в потухший костер, философски ответил:

— Нет ничего вечного в мире, кроме Аллаха. В конце концов и палка, и угли превратятся в холодную золу, которую ветер разгонит по свету. Ненависть — опасное топливо для человека, ответственного за судьбы людей. А я в ответе за продолжение жизни моего рода. Можно сгореть раньше времени и утащить за собой в огонь ни в чем не повинных людей. Я отомстил за своих родных, ты хорошо знаешь об этом, теперь разум руководит моими действиями. Он подсказывает, что оппозиционную войну мы никогда не выиграем. Я противник предстоящей бойни, ты это хорошо знаешь.

Мирные люди кишлаков выведены на равнину. Ставлю тебя в известность, что старейшины рода попросят русских не открывать огонь по полевому лагерю. Это мое право спасти людей. Твои воины готовы и в лоб ударят по колонне, но твой тыл не прикрыт. Там, — Керим, рукой показал в горы, — есть широкое, ровное плато, удобная позиция для высадки десанта. «Шурави» не дураки и постараются перекрыть тебе тыл. Удар нанесут с двух сторон и уничтожат нас в считанные минуты. Я предлагаю своим отрядом блокировать десант, что даст тебе возможность дольше продержаться здесь, в кишлаке. Повторяю, я не верю в успех авантюры, на ненависти далеко не уедешь. Своими действиями я продлю агонию твоего отряда. У русских нет выхода, они возвращаются домой. Своими танками, артиллерией и авиацией они сотрут нас в порошок. Ты сам это хорошо понимаешь, курбаши. Я буду надежно прикрывать вашу спину, пока жив, но и ты не провоцируй врагов на уничтожение стариков и женщин. Пусть мы погибнем, раз так суждено, но живут дети. Белибек, последний вопрос к тебе. Они уходят, уходят навсегда, к чему новые жертвы?

— Для избежания более кровавых событий, Керим. Генералы в Москве, марионетки в Кабуле затягивают вывод войск. В Советском Союзе задурили народу головы идеей интернациональной помощи. Со мной прибыли западные журналисты, которые напишут правду. Во всем мире люди должны понять, что в Афганистане давно идет война. Кто-то должен пожертвовать собой и провести показательный бой. Жребий выпал нам. Это судьба. Ты сделал правильно, что удалил женщин и детей на равнину, и я не шакал устраивать провокации против своего народа. Я принимаю твой план — ты прикрываешь тыл. Но запомни, если предашь или струсишь... Я накажу за подлость весь твой род, по закону кровавой мести. Вот такой наш будет договор, согласен? И последнее. Возьмешь с собой Ахмета и жур-

налистов. Старик своим присутствием будет напоминать о договоре, а газетчики наблюдать сверху о ходе боя. Если я погибну, ты отвечаешь за них собственной головой. Там, в Пешаваре, знают об этом. Тогда спасай своих родичей, как сумеешь. Думаю, Аллах тебя за это не осудит. Прощай и ступай с миром. Помни наш договор.

Бой длился всего несколько часов. Точнее, шла перегруппировка техники внутри советской колонны, воздушная разведка и плотная бомбардировка всеми видами оружия кишлака, «зеленки» и горных вершин.

Внезапный удар моджахедов Белибека не принес им видимого успеха. Армейская колонна, состоявшая только из боевой техники, танков, артиллерии, зенитных комплексов, боевых машин пехоты и десанта, замерла при подрыве передней машины. Немедленно вперед выползли три тяжелых танка, надежно прикрыв нос колонны. На разминирование пустили саперов и спецмашину по обезвреживанию взрывных устройств. Корректировщики молниеносно засекли батарею безоткатных орудий моджахедов и выдали координаты на зенитный ракетный комплекс. Ураган снарядов разворотил вершину высоты, уничтожив орудия курбаши. Колонна развернула стволы пушек и пулеметов в сторону кишлака и открыла дружную беспорядочную стрельбу.

Отлично понимал Белибек, что в позиционной войне техника противника раздолбает его в два счета. Но такого беспощадного, скоротечного разгрома он не ожидал. Залитый и харкающий кровью курбаши жил последние секунды и думал о тех двух журналистах, ушедших с Керимом, которые видели бой своими глазами и должны написать правду. Успокоив себя тем, что свой долг выполнил до конца, он закрыл глаза и умер. Погибли почти все, кто нападал на колонну из «зеленки» и кишлака и не успел вовремя отступить в глубь ущелья. Нападение моджахедов было бестолково и заранее обречено. Этот бой можно было сравнить со схваткой ящерицы со слоном,

правда, сыгравшей определенную роль в оперативных сводках боевых потерь и войсковых операций на последнем этапе войны. А оставшиеся в живых журналисты подлили масла в огонь, рассказав о героической смерти Белибека и его людей. Эти сводки и публикации делали свое дело в высших советских штабах и умах генералов, торопили их вылезти из опасной трясины, в которую попала великая страна десять лет назад.

Но это позже, а в тот солнечный день смерть собирала обильную жатву, пытаясь навеки схоронить в своем ужасном бункере и отряд Керима. Его бойцы укрылись в скалах по периметру широкого горного плато и могли только догадываться и слышать о трагедии, разыгравшейся в кишлаке. Их молодой командир занял удобную позицию, откуда хорошо просматривался лагерь на равнинной местности. Он видел, как при первых выстрелах моджахедов от хвоста колонны отделился клок пылящей брони и направился напрямую к лагерю. На полпути бронемашины встретила делегация старейшин в белоснежных халатах, с белыми флагами в руках. Керим с облегчением вздохнул, заметив, как солдаты подсадили нескольких стариков на броню боевых машин, развернулись и помчались обратно к колонне. Остальная техника окружила кольцом лагерь мирных жителей в ожидании результатов переговоров. Его наблюдения прервал мрачный, тяжелый шепот Ахмета:

 Вертушки в круг встали, по нам ударят, значит, десант будет.

Действительно, его пророчества не заставили себя ждать. Боевые вертолеты своей стрельбой прижали моджахедов к земле, прикрывая огнем десантников, высаживаемых на плато.

Полуоглохший от взрывов Керим попытался вновь навести бинокль на лагерь, но резкий толчок в плечо нарушил его план.

— Курбаши Белибек убит и все его люди погибли, — услышал он вновь голос Ахмета, — удалось спастись

лишь пятерым. Теперь ты за главного. Русские как на ладони, прикажи открыть огонь.

Керим повернул голову в сторону плато, поднес бинокль к глазам. О, Аллах! Этого не может быть! В окулярах стекол он увидел широкоплечего русского офицера, который, выпрыгнув из вертолета, что-то прокричал солдатам, повернулся лицом в сторону канала, низко поклонился, достал из-за пазухи голубую материю, снял кепку и умело обмотал ею голову. Керим с надеждой, внимательно разглядывал скуластое, загорелое лицо офицера, с радостью заметил крупную родинку на щеке. Это был он — его русский друг, который все же вернулся на землю, где похоронен отец.

— Без команды не стрелять, — громко крикнул Керим, вдруг поверив, что именно сейчас можно прекратить кровопролитие.

В сопровождении телохранителей ловко пополз к кромке скалистого плато. Спрятался в широкой расщелине и несколько раз, на удивление охранников, гортанно ухнул. Выкрикнул на полузабытом русском языке:

— Вадим, Вадим! Я здесь...

И тут раздался ответный их боевой клич и звонкий, ликующий возглас детского друга:

— Керим! Яидуктебе. Не стрелять, ребята, не стрелять! В безудержном порыве, забыв обо всем и обо всех, как будто нет войны, командир моджахедов вскочил на ноги и пошел навстречу.

— Щенок, предатель, — услышал позади визгливый голос Ахмета и зловещий щелчок затвора винтовки в его руках. Мгновенно упал лицом вниз, повернул в руках ствол автомата и нажал на спусковой крючок.

Все же Ахмет успел сделать один выстрел и скрючившись пополам, выпустив из рук дымящуюся винтовку, кувыркнулся с отвесной скалы в пропасть. Раненный его выстрелом в плечо Вадик проследил взглядом за летящим в небытие телом врага и, смутно понимая, что сейчас может случиться страшная бойня, морщась от боли, раскинул в стороны руки:

— Не стрелять, ребята, не стрелять! Их командир мой друг. Слышите? Друг! Договоримся, обойдемся без войны. Ребята, не стрелять!

Керим уже стоял на ногах и, направив ствол автомата в сторону своих, громко кричал:

— Кто следующий желает попасть в ад? Всем положить оружие перед собой на землю. Джамиль, проследи, — повернулся он к командиру охраны. — Тех, кто не выполнит приказ, расстрелять на месте. Пока я жив — не стрелять в русских! Все слышали?

Сзади его обняли крепкие руки Вадима и прижали к груди. Они долго смотрели друг другу в лицо, сжимая в крепком рукопожатии ладони. На глазах изумленных врагов афганец бережно перебинтовал раненное плечо друга, неожиданно вспомнил:

- Как мне в правое плечо. Помнишь, тогда ваш солдат из пулемета врезал? Теперь мы оба мечены. Еще одна отличительная тайна.
 - Ты меня снова спас, своего убил. Не жалеешь?
- Такие стервятники не дают людям в мире жить. Это тогда он первым выстрелил в колонну, а сейчас в тебя. Аллах моей рукой покарал гадюку, больше не будет смертельно кусать людей. Теперь надо решить, что делать дальше.
- Немедленно прекрати бой, Керим, и пропусти по дороге колонну. Мы уходим, друг мой, уходим на Родину.
- Знаю. Бой начинал не я, старейшины должны объяснить вашим, что и как. Курбаши Белибек убит, за старшего теперь я и предлагаю вам мир. Срочно по рации передай в колонну: там, на равнине, только мирные жители. Прошу сохранить им жизнь. Твой отряд в сопровождении моих проводников может немедленно спускаться по ущелью в долину. Мы пойдем замыкающими. Передай, что больше ни один выстрел не нарушит движение колонны по нашей территории. Такой выход устроит всех.

Вадим одобряюще кивнул, приказал радисту связаться с колонной и доложил командованию о ситуации, сложившейся в горах после высадки десанта.

- Действуй по обстановке, услышал он глухой голос полковника. Командиру моджахедов, твоему знакомому, как ты говоришь, передай: лагерь не тронем, вечером колонна уйдет. Мы не хотим человеческих жертв и новых сюрпризов. Начинай спуск вниз, к дороге, и держи связь с «вертушками». Вертолеты будут постоянно кружиться над твоей головой неровен час, подлянку устроят. Доверяй, но и проверяй. Мир так мир. А кто против?
- Освобождай ущелье, Керим, будем спускаться, постарайся без сюрпризов, командир согласен, радостно сообщил лейтенант афганцу. Ты иди к своим, я к своим. Как тогда, девять лет назад, дадим указания и встретимся здесь, грустно добавил он, возвращаясь на плато.

Керим приказал Джамилю собрать командиров на дне ущелья, следом спустился сам. Обвел взглядом их суровые лица, с надеждой смотревшие на него.

— Договорился. Обойдемся без стрельбы. Помните русского инженера, строившего канал? Десантом командует его сын. Обстановка такая: отряд курбаши Белибека уничтожен, он сам погиб. Мы блокированы в ущелье снизу и сверху, воевать нет смысла — все погибнем, но и позорно сдаваться не будем. Нам надо покинуть ущелье, освободить проход десантников к колонне. Уведите людей на запасные позиции в скальные укрытия. Спрячьте журналистов и оберегайте их. После ухода колонны вернетесь в кишлак, будем строить новую жизнь. Со мной останется только охрана, мы будем в роли заложников. Любая провокация — для нас смерть. Хватит одного шакала, как Ахмет, чтобы снова начать войну. Не поможет и мой друг. Все понятно? Не теряйте времени, начинайте отход.

Когда авангард десантников занял ущелье и вышел в долину, начался спуск основных сил. Настороженно всматриваясь в горные вершины и нагромождения скальных пород, держа оружие наизготовку, отделение за отделе-

нием покинули плато. Последними, в полный рост, шли два друга детства, ставшие противниками не по своей воле и союзниками в желании прекратить бесславный бой.

Керим с Вадимом прощались на берегу канала, где под мирно журчащей темной водой вырисовывался силуэт памятного камня. Вдвоем они сколотили из добротных досок от зеленых снарядных ящиков новый православный крест и врыли его глубоко в землю рядом со старым памятником, сделанным когда-то Керимом.

Афганец бережно снял с шеста свой знак кровавой мести:

— Контингент ушел... Нельзя жить вечно в ненависти и злобе, ты сам меня учил любви и доброте к людям, уважению к великим соседям. Прости нас с Вадимом за все, отец...

Вскоре два бронетранспортера запылили вслед скрывшейся за поворотом колонне. Долго видел Керим силуэт друга, сидевшего на броне и прощально махавшего здоровой рукой. В душе надеялся, что Вадим когда-нибудь вернется помогать строить оросительные каналы. И сбудутся тогда мечты отцов, их жизнь повторится в детях. Счастливо будут жить жители кишлака. Без войны.

ПРИКАЗ МИНИСТРА ОБОРОНЫ

Посвящается сержанту Игорю Горееву

Игорь Гореев всегда хотел быть солдатом. В детстве он обожал «войнушки». По осени, играя с пацанами в ближайшем лесу, он азартно махал еловой шпагой в отряде благородных мушкетеров, сражаясь с трусливыми слугами кардинала. Зимой ребята носились по заснеженным улицам с деревянными автоматами в руках, атаковали ледяные окопы, выбивая замерзших «фри-

цев» из укрытий. Летом, на деревенском пруду, соорудив из досок и бревен плотики, вооружившись шестами, с гиканьем и свистом брали «на абордаж» вражеские судна. Игорь был генералом, Игорь был атаманом, Игорь был адмиралом. Игорь был в доску своим парнем.

И посчастливилось ему служить в армии, в десантуре, а точнее – в спецназе. Так он написал в коротком письмеце, отправленном из учебной части.

— Другого не могло и быть, — гордо промолвил его отец, довольно поглаживая рыжеватые усы. — Его дед в Отечественную в полковой разведке из немецких тылов «языков» таскал, а прадед в Первую мировую в Брусиловском прорыве отличился. И мне пришлось хлебнуть лиха. Прадед в крестах, дед в орденах, отец в медалях. Думаю, и сын наш не посрамит фамилию.

Сестренка Игоря, тринадцатилетняя Катюшка, зажмурив глазки, мазнула тушью ресницы, замерла и восхищенным голосом прошептала:

 Игорешка у нас смелый, отчаянный. Он в Афгане Героя Советского Союза получит, всю родню переплюнет.

Мать, чернобровая красавица, замерла у плиты, с укором взглянула на дочь, всхлипнула и устало присела на краешек стула. Помолчала и, ни к кому не обращаясь, сама себя успокоила:

— В газетах пишут, что в Кабуле солдатики цветы сажают, детишек в пионеры принимают, не воюют там, какие награды, Господи! Пусть долг интернациональный выполнит и домой, на завод. — Помолчала, ласково посмотрев на трехлетнего карапуза Борьку, с удовольствием уплетавшего большой ложкой вторую тарелку гречневой каши, вздохнула и добавила, — Весь век мужики воюют. Не надоело? Слышала, в город цинковые гробы везут, говорят, из Афгана. Люди врать не будут. Гробы запаянные, издалека. Даже не вскрывают, хоронят военные. Сказывают, что погибли в спецоперации. Игорь служит в каком-то спецназе. Слово-то какое чудное, новое.

- Это, мама, войска специального назначения, десантники, которые самые, самые...
- Иди, доченька, спать. Самые, самые. Сама понимаю, что отборные. Чуть что в самое пекло пошлют. Ох, служил бы в стройбате, тоже спецвойска. Дома, дороги строил. Ведь послали неведомо куда, долги какие-то. Сами бы разбирались в своих долгах.

Отец недовольно хмыкнул, посмотрел на часы и скомандовал Катюшке:

 Марш, героиня, спать, Борьку возьми... На ночь девушки не красятся, знать пора бы.

Он помолчал, перечитал сыновье письмо, аккуратно засунул в карман рубашки:

— Завтра мужикам на работе прочту. Гордиться сыном надо, а ты мне — стройбат. Главное — жив, здоров. Не каркай, мать, беду. Вернется наш сын...

Это был последний бой Игоря. Страшная, неравная схватка, молниеносная атака врага. И трупы, трупы, трупы... Их было сорок пять. В живых осталось пятеро. Цинковые гробы, «черный тюльпан», промерзшая глина могилы, запах лекарств и слезы. Слезы, слезы над многострадальной Россией.

Он вернулся домой, вернулся, вернулся...

Кундуз. Март 1985 года. Усиленному разведвзводу 350-й Витебской воздушно-десантной дивизии произвести скрытую высадку в район высоты Таш-Курган, захватить ее и удерживать до подхода основных сил. Десантирование произвести силами вертолетного полка. Начало операции — по приказу штаба дивизии.

В эту ночь сержант Игорь Гореев долго не мог уснуть. Знал, что на рассвете поднимут по тревоге и начнут раскручивать маховик очередной армейской операции. И они, разведчики, будут первыми, как всегда. Он был возбужден от мысли, что скоро выйдет приказ на «дембель». Не горел желанием ввязываться в еще одну кровавую драку. Его память как бы подводила итог

собственной службы в Афгане. Вот он молодой, безусый, с другом своим Владимиром Баландаевым, укрывшись в какой-то норе, строчит из автомата по каравану. Падают животные, падают люди. В него тоже летят пули. Вжикают по камням совсем близко. Кто-то громко кричит. Это Серега, вояка из старичков. Наглый и жестокий, воспитатель молодняка. Он корчится на песке и воет во всю глотку. Очередью ему перерезало живот. Он не жилец на свете и сам это хорошо понимает. Пуля не выбирает кто командир, кто рядовой, кто старик, кто молодой. Смерть без разбора гребет под гребенку. Но все равно Серегу жаль. Затих, отмучился бедолага. Был человек и нет. Как все странно. Боже мой! Кончаются патроны! Действительно я салаженок. Весь боезапас расстрелял. И Баландай растерянно шарит по поясу, оглядывается и тычет пальцем в сторону Сереги. Мне ближе, всего два прыжка, но страшно вылезти из-за камня. Но надо, надо, надо...

— Прикрою, — кричит Владимир. — Жми, в мешке патроны, иначе труба дело. Выручай, Серега!

Я скатываюсь по тропинке вниз, хватаю мешок и вдруг вижу его открытые мертвые глаза. Прости, друг. Тороплюсь, карабкаюсь вверх за камень, кидаю Владимиру патроны. Снова строчу короткими очередями и забываю Серегины глаза. Ты спас нас в том бою. И за это тебе спасибо.

Промелькнуло лицо лейтенанта Климова из группы спецдопросов. У него вечная кривая ухмылка, шрам на подбородке, холодные бегающие зрачки глаз, визгливый, хрипящий голос. В здоровенных ручищах старомодный деревянный чемоданчик, с которым он никогда не расстается. В чемоданчике страшные инструменты пыток. Хлеще гестаповских. Людей пытали, пытают и будут пытать на всякой войне. Так устроили мир мы сами. Видел я и пытки, но лучше не вспоминать. Верзилу Климова убила одна малюсенькая пулька, пущенная снайпером. Вполне вероятно, нашим. Вот такие дела.

Неожиданно из глубины памяти вынырнули два прапора. Отец и сын. Молодой и старый. Оба барахольщики, жадюги, каких свет не видел. Втихомолку, без охранения, ночью двинулись в город. Хотели кое-что продать, кое-что купить. Очередь из автомата в упор. Нет отца и сына — и коммерция вся к чертям. Мертвым много ли надо? Тогда по тревоге подняли весь полк. Десантура окружила целый квартал. В кучу, на площадь согнали полсотни жителей. Предложили найти стрелявшего самим. На размышление дали пятнадцать минут. Видно, кишка тонка — не нашелся смельчак-самоубийца. Решили расстрелять всех, чтобы другим неповадно было. Нашлись и добровольцы. Игорь с Баландаем отказались, но вынуждены были смотреть, как падали на землю люди. Много людей. Погибший Серега, прижав автомат к животу и что-то мыча под нос, стрелял почти в упор, длинными очередями. Потом в этот живот его и убило. А в конце бойни лейтенант Климов — со своей зловещей ухмылкой, с жутким огоньком в зрачках глаз, с деревянным ящичком в руках — из пистолета добивал раненых. Женщин, стариков, детей и тройку хлюпеньких мужиков. Трупы облили керосином и подожгли. Долго стояла смрадная вонь над городом. Игорь не выдержал, засунул в рот пальцы и судорожно вырыгнул, опустошая желудок. Пил без конца воду и вновь толкал пальцы в рот. И Володьку тошнило. Он сумрачным взглядом окинул дымящиеся трупы, поморщился, услышав повизгивающий хохот пьяного лейтенанта Климова, и сказал:

— Херня какая-то, Игорек, а не война. По-другому надо бы...

Только вот как по-другому, если в тебя стреляет пятилетний карапуз? Око за око, зуб за зуб. На войне третьего не дано. Здесь милосердие не в почете. Вот и держим на страхе порядок в стране. Чужой стране.

Наконец-то Игорь уснул, примостившись рядом со своим другом. И приснился ему чудесный сон. Последний в его жизни.

Их подняли по тревоге. Разведвзводу не привыкать. Все спали в одежде, с вещмешками на спине и расшнурованными ботинками на ногах. Молниеносно зашнуровав ботинки, схватив автомат, Игорь выскочил из палатки. Быстро сделали перекличку. Гуськом двинулись с КПП и через пять минут сидели в грузовом отсеке. Взревели двигатели вертолетов, оторвались колеса от земли — и группа захвата уже в небе. Заклубилась пыль по дороге на Мазари-Шариф, увозя в сумрачную даль группу прикрытия. Заурчали на плацу тяжелые танки, мощные тягачи и легкие бээмпэшки. Через час двинулся в очередной поход весь разведбат.

Вертолет завис на высоте полутора-двух метров и, по команде майора Грекова, десантники покинули грузовую кабину. Неожиданно ноги Игоря увязли в хлюпающем месиве грязи. Здесь, в горах, это было в диковинку. Рядом кто-то засопел, высморкался, недовольно буркнул голосом Владимира:

— Не в огонь, так в воду. Всю морду испачкал. И откуда здесь грязь? Куда двигаться, старина, будем?

Тут же раздался приглушенный бас командира:

— Не вякать, всем оставаться на местах. Где радист? Быстро ко мне! Все замерли! Баландай, кому говорят!

Прекратился гул вертолетов. Вновь над горами повисла мертвая тишина. Минут десять стояли молча, вдыхая влажный запах вскопанной земли и холодную сырость весны. Игоря толкнули в бок, и они, чавкая ботинками, побрели друг за другом по скользкому месиву. Усталые, грязные, до ниточки мокрые и оттого угрюмые и злые, наконец-то выбрались на сухое место. Завозились, зашумели, приводя себя в порядок. Владимир не удержался, пояснил:

— Арык там был, вода журчала. Дух землицу поливал, хлебушек сеять будет. Прямо в середину угодили. Ух и холодина. Снимай, друган, боты, сушиться будем.

Но сушиться не пришлось. Как из преисподней послышался недовольный голос командира:

— Шума много. Не расслабляться. Всем внимание! Скоро рассвет. Надо добраться до кишлака у подножия горы. Он брошен жителями и вчера основательно обработан нашей авиацией. Днем отсидимся там и дождемся своих. Радист — в середину. Подствольники — в авангард. Пулемет — в хвост. Замыкающий — сержант Гореев. Встали, хлопцы.

Снова затылок в затылок, мягко ступая след в след, они брели по каменистому грунту, по глубокому ущелью, спускаясь в долину. По запаху гари и дыма, по тусклым беспорядочным огонькам угасающих пожарищ определили место кишлака. У подножия хребта, под скалистым навесом обнаружили с десяток перепуганных, оседланных ишаков. За их спинами — деревянная дверь при входе в пещеру. Долго прислушивались, стараясь угадать есть ли люди внутри. Командир махнул рукой. Игорь резко рванул дверь на себя и Баландай, кубарем влетев в пещеру, полоснул по периметру из автомата. Осмотревшись, весело крикнул:

— Пуста избушка. Милости прошу в гости.

Майор Греков назначил боевое охранение, выставил на пригорке пулемет и вошел в пещеру. В выдолбленном сером помещении, сбоку от основания пещеры, перегороженном досками от патронных ящиков, в костре еще тлели угли. Весь каменный пол был накрыт брезентом. Сверху лежало множество самотканых, разноцветных лежаков. На большом сколоченном столе аккуратно, стопкой, были сложены бинты, куча медикаментов. Из оружия удалось найти несколько патронов, валявшихся рядом с лежаками. В углу стоял тандыр (устройство, на котором пекут лепешки). Несколько мешков ржаной муки и огромный полупустой куль слежавшейся, окаменевшей соли. Из глубины поперечной скалы, преградившей выход из пещеры, тонким ручейком вытекала прозрачная, холодная вода. Она стекала по краям отполированного камня и уходила вниз, в лишь ей ведомое пространство. Под камнем стоял переполненный большой глиняный сосуд.

- Лежбище духов. Медсанбат, одним словом.
- Медсестрочки, француженки, где вы, ау?
- Уходить надо, пока не вляпались, доаукаешься.
- Не боись. Духи на вертолетный звук двинулись. Нас ищут. Беспокойно им. Мы тут, как у Христа за пазухой. Позиция что надо. Жратва есть. Месяц можно оборону держать.
- Командир! Действительно пещера что надо. У хозяев сейчас крыша поехала. То стратеги бомбят, то вертушки гудят, скоро наша «броня» попрет. Ишаки пустые, боеприпасы забрали. Надо ховаться здесь. Нарвутся на наших мы им в тыл ударим. Вернутся мы им по лобешнику. Так я думаю, товарищ майор.

Это сказал сержант Гореев, самый старый, самый опытный дембель из спецназа. Наполовину сбылись слова его сестры Катюши.

Греков молча повернулся и сам осмотрел всю пещеру. Успокоился, обнаружив круглый, узкий лаз в противоположной стене. Скомандовал Баландаю:

— Проверь, куда идет выход. Возьми с собой когонибудь из молодых. Остаемся здесь. Сержант, закройте дверь. Сквозит сильно, простынете, сопли потекут. Лечи потом вас.

В ответ раздался дружный хохот. Настроение поднялось. Переговариваясь между собой, десантники повалились на лежаки. Через полчаса вернулся Владимир:

— Нормалек. Выход классический, только в одну сторону, прямо в долину, к кишлаку. С отвесной скалы веревка протянута. Убрал веревку — и нет хода. «Зеленого» охранять поставил. Не забыть только сменить надо, уснет еще.

По рации доложили о принятом решении. По переменке десантники дрыхли весь день. Почистились, высушили одежду, приготовили на костре горячую еду. Вновь связались по рации и вечером двинулись к кишлаку. На всякий случай в пещере расставили мины-ло-

вушки. Сломали тандыр, сожгли все медикаменты и лежаки. Ишаков погнали впереди себя, справедливо опасаясь духовских сюрпризов. Через три часа без выстрелов и подрывов вступили в сожженный, брошенный людьми и животными кишлак. Быстро рассредоточились по вершинам, притаились, вжались в землю.

После заката солнца благополучно прибыла группа прикрытия. Пока все шло по плану. Группа захвата вновь впереди. Группа прикрытия где-то сзади. К утру в кишлак прибудет весь разведбат. В небе загудят «вертушки». Выйдут на исходные позиции артиллерия и танки. Четко и слаженно идет операция. И главное - без потерь. Осторожно, шаг за шагом спецназ ползет в гору. Еще немного — и вот она! Красавица — вершина горы Таш-Курган. А вокруг благоухает весна. Утреннее солнце, травы, прохлада и свежесть. Безумное счастье всей природы — встреча нового дня. Светятся усталые лица радостью. С надеждой смотрит Игорь на север. Всего сорок километров до Союза, счастливой и вечной жизни. Там, за горизонтом, добрая мать, любимый отец, сестренка Катюшка и братик Борька. Как жаль, что его не ждет девчонка. Не успел обзавестись подругой. Но все у него впереди. Последняя операция. Так близок дембель и мы уже на вершине горы. Духи будто бы испарились, исчезли в бесконечной Вселенной. Как славно все вышло. И как на душе хорошо.

Их заметили давно. Точнее, ждали еще с вечера. Дураку была понятна цель операции. Никогда никто из десантников не был на вершине горы. Не знали об огромном ровном плато, куда выходили десятки тропинок. Миновать плато, продуваемое ветрами и пристрелянное духами, им было не суждено. Только на рассвете обнаружили, что залегли на голом месте. Майор Греков громко выматерился, ругнул армейскую разведку. Повернулся к радисту:

Доложи, что позиция у нас «аховая». Нужно уда-

рить по горным грядам. Группу прикрытия на плато не выводить, пусть занимают высоту и прикрывают наш отход. Что вылупил глаза? Не ровен час духи атакуют. Мы у них, как на ладони, перещелкают нас. Всем внимание! Плато простреливается с обеих сторон. Я принял решение отходить. Гореев, твое отделение первым. Назад, братишки, по-пластунски быстрее назад!

Радист, передавший слова командира, внимательно выслушал ответ, оживленно что-то переспросил. Лицо его просветлело. Он вскочил на ноги и громко крикнул:

— Ребята! Вышел приказ министра обороны. Весеннему призыву объявлен дембель. Ура! Ура! Ура!

Несколько человек успели по разу прокричать «ура», как тишину разорвал первый выстрел. Крупнокалиберная пуля ударила в голову радиста, разметав его мозги и наушники по скалам. Тут же застрочил длинными очередями пулемет, смертельно ранив в грудь майора Грекова. Умирая, он еще успел крикнуть:

— Бросайте все. Спасайтесь! В укрытия, ребята, в укр... Не договорил командир, не смог спасти своих бойцов, добитый в голову метким выстрелом снайпера. Успокоилось усталое, кровоточащее тело, отлетела в мир иной добрая душа. Не стало майора Грекова.

Разведвзвод попал под «кинжальный» перекрестный огонь. И негде было спастись, спрятаться от безжалостных пуль врагов. Лишь отделение сержанта Грекова было близко к спасению. До скалы добрались четверо. Раненые, забрызганные своей и чужой кровью. Залегли за скалистый выступ и дружно ударили по горным грядам, окружившим плоское плато. На плато было жутко смотреть. Кровяная каша убитых и раненых тел. Бойцов их взвода. Кое-кто пытался ползти к ним и замирал, расстрелянный в спину. Все же им удалось прижать духов к скалам. И кто-то последний из ребят упорно полз в их сторону. В крови и пыли с ног до головы Игорь с трудом узнал Баландая. Он явственно увидел

пот на его лбу, прикушенные зубами губы, ярость в глазах и страшную рану на правой ноге. Владимир скреб пальцами землю, подтягивался на руках и, еле двигаясь, тащил за собой перебитую в колене ногу. Его нога! Из разбитого коленного сустава, фонтаном била кровь, и шла легкая дымка. Пятка оказалась задранной к поясу. Бедренная кость одиноко торчала в пустоту, — голень смотрела на восток, на восход солнца. Вдребезги разбитый коленный сустав, как соха, зацепился за камень, удерживая беднягу под обстрелом. Только Бог знал, откуда у раненого берутся силы терпеть все это. Знал и помогал ему остаться в живых.

Владимир с трудом приподнял голову и с тоской взглянул в небо. Перевел взгляд на скалу и увидел обеспокоенное лицо друга. По губам определил слова:

 Мушкой, мушкой отцепи. Мы рядом, мы прикроем. Володя, давай, миленький, давай.

Теряющий сознание Баландаев понял его. Всхлипнув, дрожащей рукой подтянул автомат и, морщась от неописуемой боли, сумел мушкой ствола отцепить обломок кости от камня. Закричал, завыл от бешеной радости и боли, пополз, как червяк, извиваясь телом, навстречу своим. Последние метры до скалы он преодолел под прикрытием «вертушек», отвлекших внимание духов. Первая сразу была сбита ракетой, которая вошла в выхлопной патрубок и разнесла вертолет в клочья. Вторая вертушка носилась над плато, поливая духов из пулемета. На третьем заходе пилотскую кабину прошила пулеметная очередь. Вертолет на большой скорости врезался в вершину горы. Рассыпаясь на мелкие части, он упал на плато, прямо на тела убитых и умирающих десантников.

А в это время сержант Гореев руками вправил кости ноги Владимира и крепко стянул рану автоматным ремнем. Еще раз вколол в бедро друга обезболивающий укол, на мгновение задумался, принимая решение. Самое важное в своей жизни.

Их было пятеро за этой скалой, оставшихся в живых. Все ранены. Игорь — в плечо и руку.

— Лагунов! Тебя куда садануло? До свадьбы заживет? Бери Баландая на спину и спускайся в долину. Мы будем прикрывать. Оставь патроны и гранаты, хватит тебе одного рожка.

Он обнял своего закадычного друга за плечи. Заметив, что Владимир слышит его, прошептал ему в ухо:

— Не дрейфь только. Вот и наш дембель. Вчера мне всякая чертовщина снилась, к чему бы это? Если подохну здесь, заедь в Тольятти к родным, расскажи отцу, как все было. Прощай и поторопи наших. Может, успеют...

Не успели. Ровно двадцать минут стреляли трое, не давая духам спуститься на плато. Когда кончились патроны, кто-то из них, последний, оставшийся в живых, дернул чеку гранаты. Той самой, отшлифованной наждачкой до блеска — неприкосновенным запасом любого спецназовца, название которому — «Своя смерть и свое спасение».

Кто-то сунул Баландаю бинокль. И он, забыв о боли, видел, как духи бродили по плато и ножами добивали раненых. Он до последнего момента надеялся, что первый дух, сунувшийся за скалу, упадет, сраженный пулей. Снова застучат автоматы друзей. Горько заплакал, когда в окулярах бинокля увидел торжествующего врага, державшего за волосы чью-то голову. Показалось, Игоря. Бинокль выпал из рук, он резко дернулся телом и потерял сознание.

Восемь месяцев госпиталей и тяжелое бремя утраты. Там он узнал итог операции. В тот же день духов уничтожили, всех до единого. В плен никого не брали. Их погибло в три раза больше. Но из группы захвата спаслись пятеро. Это были другие трое, спрятавшиеся в глубокой расщелине, пережившие не только перекрестный огонь врага, но и бомбовый удар нашей авиации. Про таких говорят, что будут долго жить. И верно. Они это заслужили.

Эпилог

1987 год, город Тольятти. Московский район. Квартал девятиэтажек. В подъезд входит прихрамывающий, бледный двадцатилетний парень с тростью в руках. Около квартиры сержанта Гореева останавливается, тяжело вздыхает. Решительно нажимает на кнопку звонка. Дверь открывает девчонка пятнадцати лет. Удивленно смотрит на незнакомца и вдруг доверчиво сообщает:

— Мамы и папы нет дома. Они уехали на кладбище, помянуть моего брата. Он погиб в Афгане. Дома я одна с братишкой Борей. А Вы кто?

Он молча протягивает ей фотографию, где они в обнимку с Игорем. Наконец, тихим голосом говорит:

 Здравствуй, Катенька. Меня зовут Владимир. Я служил с вашим Игорем. Он спас мне жизнь...

ВЫСТРЕЛ В ДОЛИНЕ

- Омар, я— три тройки! Выхожу в заданный район. Как поняли? Прием.
 - Понял все. Работайте по плану.

Обогнув Черную гору, мы летим над старой кабульской дорогой. Петляя вдоль перевала, она уходит к Пакистану. С северной стороны перевала проложена новая автомобильная трасса, напичканная советскими постами и афганскими частями. По ней непрерывно движутся колонны танков, автомашин. Везут продовольствие, медикаменты в Джелалабад. Приткнувшись к колоннам, едут местные торговцы, многочисленные семьи кочевников, крестьяне.

Старая дорога угрюма и пустынна. Лишь иногда можно заметить на ней цепочку каравана. Промчится одиночная машина, пройдет путник. Близка граница, рядом опасность.

Мы выполняем свободный поиск и осмотр караванов в районе кишлаков Фатихабид и Шаве, в русле полувысохшей речки Сухраб. Смотрю и узнаю знакомые островки «зеленки», разветвляющиеся скелеты высохших русел рек и огромный караван, остановившийся на отдых вблизи кишлака.

- Приехали! кричу командиру Владимиру Садкову и для убедительности показываю пальцем вниз.
- Караван? вопросительно смотрит он на меня, машинально нажимая на черную кнопку рычага шаг-газа.

Утвердительно кивнув, поворачиваюсь к борттехнику и весело кричу:

— Проснись, засоня, немцы в городе!

Юрий, зевнув во весь рот, сладко потягивается и, привстав с сиденья, невозмутимо заявляет?

— Ну и что?

Он у нас то флегматик, то холерик. Иногда слова не вымолвит, угрюм, как король Лир. Иногда зубоскалит, шутит, как бравый солдат Швейк. Впрочем, я привык к нему, как и он ко мне. Понимаем друг друга с полуслова.

В дверном проеме появляется добродушная физиономия командира десантников старшего лейтенанта Трухина. Внешность его обманчива. Он опытный, умелый командир, достаточно понюхавший пороху. Их батальон спецназначения недавно перекинули из-под Кандагара. Там они здорово потрясли «духов», разгромили несколько крупных банд и караванов с оружием. Наш район для них непривычен. В Кандагаре — пустыни, здесь — горы. Не учтя специфики рельефа, излишне самоуверенные десантники в двух последних операциях понесли значительные потери. Теперь злы как черти. Подчиненные Трухина — рослые крепкие парни. Научены убивать всеми видами оружия.

Сквозь шум двигателей слышу голос старшего лейтенанта:

- Кого заметил мирных, военных?
- А шут их знает. Сходи посмотри, смеюсь в ответ.

— Посмотрю, — кивает он и кричит в ухо Садкову: — Командир! Двигай вниз, будем осматривать!

Хотя и младше по званию командир десантников капитан Садков, но окончательное решение должен принимать он. Капитан опускает рычаг шаг-газа вниз до упора, вертолет стремительно падает. Садкову около тридцати. Лицо почерневшее, обожженное афганским солнцем. Глаза сосредоточенно смотрят на приборы. Движения точные и плавные. Он мастер своего дела. Смел, решителен, скромен. Таких летчиков обычно называют «работягами».

Мы снижаемся. С любопытством вглядываюсь в расположившийся у подножия горки караван, на снующих около костров людей. Как в кино о басмачах, вижу равнодушных верблюдов, лошадей и ослов, испуганные взгляды спрятанных под паранджу женщин, стайки детворы, напряженные позы мужчин и вознесенные к небу руки седобородых старейшин. Вдруг откуда-то сбоку бухает выстрел.

— Из «бура»! — кричу я. Откидываюсь на спинку кресла, хватаю с коленей автомат и дрожащей рукой открываю блистер сдвижной двери. Вновь выстрел из крупнокалиберной винтовки. Осторожно, ожидая удара в лоб, выглядываю наружу. Под нами — голое плато, а позади, справа — несколько залегших людей и два осла, задравшие к небу головы.

Быстро захлопываю дверку, облегченно тру рукой вспотевший лоб и нажимаю на кнопку переговорного устройства.

— «Духи»! Сзади, справа!

Садков рвет вверх рычаг шаг-газа, резко нажимает ногой на правую педаль, вертолет с боковым скольжением удаляется от земли. Оттолкнув Трухина, в кабину врывается борттехник. Глаза Юры расширены, он кричит во все горло:

 В фюзеляже дыра величиной с кулак! Я слышал удар в хвостовую балку. Что будем делать, командир?! Сам не знаю для чего вновь выглядываю наружу. Как назло, на глаза попадаются караваны. «Один, два, три, четыре», — считаю вслух. Большими и малыми караванами кишит долина. Попробуй найди тех, с ослами. Зло кричу Садкову:

- Спрятались, гады! Хрен с ними. Надо возвращаться.
- Омар, я три тройки. Обнаружил караваны. На снижении был обстрелян. Получил пробоину в хвостовой балке. Как поняли? Прием, после секундного замешательства доложил на командный пункт Садков.
- Возвращайтесь на базу немедленно, курс на аэродром, отозвался голос подполковника Лысько, руководителя полетов.

С трансмиссией шутки плохи. Вдруг задеты тросы управления хвостом — и тогда... Что будет тогда — думать не хотелось. Весь обратный полет мы были в напряжении. Юра то и дело посматривал на хвостовую балку и, покачивая головой, возвращался в кабину. Десантники с надеждой поглядывали на него. Ахмет, офицер афганской контрразведки, забыв обо всем на свете, старательно отбивал поклоны Аллаху.

Вот и ставший родным аэродром на окраине Джелалабада. Севернее вьется и теряется в горах автомобильная дорога. С южной стороны виднеются ровные линии канала оросительной системы. Вдоль канала, как горькое напоминание о войне, застыли развалины брошенных кишлаков. Несколько возвышенностей, на которых расположены замаскированные танки и орудия второго кольца обороны. С востока, у кишлака Шамархель, раскинулись стройные ряды плантаций цитрусовых. По слухам, апельсиновые и мандариновые рощи принадлежат самому Бабраку Кармалю.

По границе аэродрома растут зеленые мохнатые эвкалипты, под кронами которых темнеют бетонные доты внутреннего кольца обороны. С запада и севера аэродром защищают два ряда колючей проволоки и

минные поля. В конце взлетной полосы, слева, оборудованы стоянки «восьмерошников», впереди — ремонтная база, небольшая банька на берегу пруда — бучила. А справа застыли остроносые двадцатьчетверки. Рядом с пунктом инженерного управления, где притулилась пара вертолетов поисково-спасательной службы, — модули, столовая, санчасть, выкрашенные в зеленый цвет, и командно-диспетчерский пункт с красным флагом и пулеметом на крыше.

Приземляемся и заруливаем на стоянку в конец полосы. К вертолету бегут наземные специалисты, мчится пожарная машина. Пожаловал на «санитарке» и наш Васильич, полковой доктор. Весь обслуживающий народ с интересом и уважением рассматривает рваную пробоину на хвостовой балке. Разгорается спор, из какого орудия нас продырявили. Разговоров хватит до вечера. Неторопливо подхожу. Трогаю рукой вмятые внутрь зазубрины пробоины.

Вдвоем с Садковым осматриваем вертолет. Больше пробоин нет. Отмахнувшись от расспросов техников, спешим на бучило. Оба молчим. Раздевшись, Владимир потягивается всем телом и, хлопнув меня по плечу, тихо говорит:

— Прекрасная штука — жизнь, не ценим мы ее в Союзе, размениваемся на мелочи... Говорят, человек перед смертью начинает многое понимать, да поздно уже, возврата оттуда нет. — Садков тычет пальцем в землю и, разбежавшись по мостику, ныряет в воду. Вынырнув на середине бучила, отфыркивается и кричит мне: — Жить — это прекрасно, жить — это хорошо! Ныряй, Санек, смело!..

Я плюхаюсь в воду, и мы наперегонки плывем к противоположному берегу.

— Экипаж капитана Садкова здесь? Срочно к командиру полка, — лениво кричит с мостика совершенно голый прапорщик.

Настроение сразу портится. Сердито ворча и чертыхаясь, натягиваю на себя комбинезон.

- Слушай, Володь. Как ни приду купаться, этого пижона встречаю. То он баньку топит, то веники вяжет, то загорает голышом. Уж не директором ли бучила он устроился?
 - Угадал, отзывается хмурый Садков.
 - А начальство куда смотрит?
- Начальство и распорядилось... Сам знаешь, в эту баньку не каждый попадет. Кабульское начальство, всякие комиссии любят в ней помыться... Вишь, какую рожу наел? Вот-вот медальку нацепит «За боевые заслуги». Проза жизни, друг мой. Каждому свое...

Садков зло сплюнул, натянул на сырое белье комбинезон.

— Ладно, пошли скорей. Начальство ждать не любит.

В штабе — уйма командиров: все заместители командира полка, начальник штаба, начальник разведки, штурман, командиры эскадрилий, политотделовцы и штабисты.

Командир полка подполковник Поварев встает изза стола и протягивает руку капитану Садкову:

— Докладывайте, капитан, что, где и как.

Садков прокашливается и, повернувшись ко мне, бросает:

Докладывай ты...

Я разворачиваю карту с маршрутом нашего полета и тычу ручкой в кишлак Фатихабид. Все внимательно слушают, особенно на галерке. Про себя жалею последних. Бедняги, только и живут нашими рассказами. Постреляют иногда для разнообразия по консервным банкам — вот и вся их боевая деятельность. А ведь получают ордена. Говорят, жребий кидают. Большинство штабистов и политотделовцев уже сейчас наградами бряцают.

- Так-так, задумчиво говорит после моего доклада подполковник Поварев. И много караванов?
 - Вся долина ими забита, с готовностью отвечаю я.
 - Это хорошо, будет где разгуляться бомберам.

- Командир! Но там большинство мирных!
- А ты откуда знаешь? Было решение правительства, запрещающее караванам переходить границу? Было. Должны «духи» об этом знать? Должны. Целая радиоволна на них работает? Работает. Вас обстреляли, пробоину сделали? Сделали. Приказ у нас есть? Есть. Будем выполнять, товарищи.

Он взглянул на часы, потом повернулся к Садкову и приказал:

— Через полчаса — колеса в воздух. В одиннадцать тридцать с Баграма взлетают самолеты. Ваша задача — навести бомбардировщики на караваны. Работать будете на уничтожение.

Разинув рот от удивления, я толкнул побледневшего Садкова. Не дав нам возразить, подполковник поспешно добавил:

- Я доложил обстановку командующему, и он приказал наводить самолеты именно вам. Так и сказал, что вам лучше знать обстановку, а за наградой дело не станет. Так что дерзайте, товарищи.
- Но как мы определим, какой караван стрелял по нам? опомнился я, с ужасом понимая, что в опознавании «Объекта для уничтожения» мне отводится решающая роль.
- Там, на месте, разберетесь. Вы видели караваны, вам будет легче, чем другим, в мертвой тишине закончил он и, обращаясь ко всем, добавил: Полк в Баграме третий день без работы сидит. Ухватились за мой доклад, будь он неладен. Честно сказать, мне самому не по нутру эта затея. Но я повторяю: приказ есть приказ. Не подкачайте, ребята, сам командующий на проводе будет, он похлопал меня по плечу и подтолкнул к выходу.

Как сквозь сон услышал голос капитана Садкова, хотел окликнуть его, но не решился. Проводил взглядом его коренастую фигуру, скрывшуюся за дверью кабинета командира полка. Мимо меня, сочувственно

кивая, прошли замы. Оживленно переговариваясь, вышли на перекур «бездельники». Мой непосредственный шеф, штурман полка, с долей зависти проговорил:

— Не торопись с расчетами, учти ветер, возьми поправку. Не подведи меня. Слышал — сам командующий следить будет. Толком отработаете — по звездочке получите. Чем черт не шутит, может, на золотую потянете, — вполне серьезно закончил он свое напутствие.

В сердцах я сплюнул под ноги, потоптался на месте и уныло побрел на стоянку. «Придет, не маленький, — подумал о Садкове и тут же чуть не взвыл от бессилия: — Какая там к черту операция! Где теперь найдешь тех людей с ослами?»

На хвостовой балке красовалась свежая заплата. Можно только удивляться работоспособности техников. Выбросив клубы черного дыма, отъехал от вертолета топливозаправщик. На земле лежали снятые ракетные блоки. Рядом стояли прямоугольные зеленые ящики, в которых аккуратными рядками были уложены неуправляемые снаряды. На месте блоков висели двухсоткилограммовые бомбы. Лейтенант Костин, закончивший подсоединение бомб, отряхнул руки и удовлетворенно сказал:

— Готово.

Кивнув ему, я молча поднялся по стремянке в грузовую кабину. Мурлыча под нос, Юрий набивал ленту крупнокалиберного пулемета. Он только что искупался. Весело взглянул на меня:

- Загораем, флагман? Иди ополоснись. Десантура на базу подалась, отбой на сегодня.
 - Обойдусь. Как машина? хмуро поинтересовался я.
- Нормально машина. Пуля в молоко угодила. Как не задела усилительный шпангоут ума не приложу. Повезло нам, Санек.
- Повезло, как утопленникам, не выдержал я. Готовься, через пятнадцать минут взлет.

- Куда?
- На кудыкину гору! отрезал я.
- Чего злишься, сказать не можешь толком? Балабол несчастный!
- Сам ты балабол. Придет командир, скажет ку-да, передразнил его я, растянувшись на боковом сиденье.

Юрий обиженно фыркнул и согнулся над стальным патронным ящиком. Я закурил, уставившись в потолок. Было душно, мухи и те куда-то попрятались. Неудачно затянулся дымом и закашлялся. Щелчком швырнул окурок в дверной проем, смахнул с губ крошки табака и закрыл глаза. Тут же прозвучал на повышенных тонах голос борттехника:

— Убери, не свинячь.

Я открыл глаза:

- Ты кого обзываешь?
- Вас, сэр... Я твои бычки убирать не нанимался.

Мой окурок действительно угодил под ноги Юрию. Привстав с сиденья, я носком ботинка отшвырнул его.

- Ладно, не злись. Давай помогу.
- Иди ты со своей помощью знаешь куда?
- Слышь, Юра, ты извини. Нам с тобой обоим напакостили. Подложили ежа под задницу. Так вот...

Юрий рассмеялся. Ткнув меня кулаком в бок, сказал:

- Еще бы!.. Садков доложил таким тоном, что можно было подумать, нам вот-вот каюк. Подполковник Лысько еще пороха подсыпал. Теперь готовься к бою. Так, что ли?
- Догадливый ты, Юрка. Сам командующий приказал наводить авиацию на грозного противника.
- Ты что, серьезно? Самолеты! Мать честная! Я-то думал, на доразведку! Вы что, все с ума посходили?..
- Ты на меня не ори. Тоже мне, критик нашелся. Я, что ли, затеял эту кутерьму? Будут меня спрашивать!
- А кого же спрашивать, если не тебя? Ты же первый заверещал: «Стреляют...». У меня чуть перепонки в ушах не лопнули.
 - Ты тоже хорош! Вытаращил шары, кричишь во

всю глотку: «Дыра в фюзеляже, трансмиссия пробита, спасайся кто может!».

- А сам-то в штаны не наложил?
- Не успел, Юра, не успел. И вообще, что ты ко мне привязался? Придет командир пытай его на здоровье. Мое дело маленькое.
- Все вы такие. Привыкли на горбу командира в рай въезжать.
- Когда это я въезжал? Сам ты шестерня ржавая. Только и делов у тебя винтики, болтики, гаечки. Скажут налево пойдешь налево. Направо так на право. Прикажут открыть огонь откроешь. Даже не пикнешь. Нашелся мне борец за справедливость...
- Что ругаетесь? раздался снаружи бас заместителя командира полка по боевой подготовке полковника Нечаева. Неубитого зверя делите?
- Никак нет, командир. О женщинах толкуем. Как вы думаете, при матриархате мужчина женщиной овладевал или она им?..
 - О вылете надо думать...
- Блоки заряжены. Заправка полная. Ждем капитана Садкова, доложил Юрий.

Нечаев с любопытством оглядел аккуратную круглую заплату на хвостовой балке, осмотрел вертолет, не забыв похлопать по брюху серую бомбу, натянул на голову шлемофон и влез в кабину. Юрий потоптался на месте и нехотя полез следом за подполковником. Включил аккумулятор и спросил:

- Запускать?
- Давай, Юра, давай...
- Командир, можно вопрос? сказал я. А где Садков?
- Приболел ваш командир, животом страдает. Доктор его отстранил.
- Понятно... И второй вопрос. На кого бомберов наводить будем?
- А это уже не твоего ума дело. Найдем на кого...
 Надо отбить им охоту обстреливать вертолеты.

- Да где их найдешь, товарищ подполковник, ослов тех!
- Найдем. Не тех, так других. На наш срок «духов» хватит. Пора, ребята. Юра, включай «радио».

Говорят, война списывает все ошибки и просчеты. Но свои собственные грехи ложатся тяжелым камнем на сердце. О них мы умалчиваем, но не забываем никогда! Как знать, внезапно заболей Нечаев — был бы тот вылет или нет? Однако сейчас я знаю наверняка — добродушный, исполнительный Нечаев больше никогда не согласится на подобный вылет: он заболеет. А я буду всегда завидовать Садкову и злиться на него...

...Самолеты бомбили, расстреливали караваны. Ревущие турбины авиационных двигателей наполнили долину сплошным душераздирающим грохотом. Пара за парой выныривали из-за перевала ширококрылые бомбардировщики и, сорвавшись в пике, неслись к земле. На нужной высоте умелые руки пилотов нажимали на кнопки пуска, и тяжелые пятисоткилограммовые бомбы отрывались от брюха и падали вниз. Тут же раздавались залпы реактивных снарядов, и ракеты устремлялись вдогонку пузатым чудовищам. Не успевали самолеты выровнять полет, как раздавался грохот бомб, и тут же — беспрерывные взрывы реактивных снарядов. Так и не увидев результатов своей стрельбы, летчики разворачивали самолеты вблизи Пакистанской границы, освобождали боевой курс и скрывались за перевалом, готовясь к повторному удару. Не успевала земля оправиться от безжалостной атаки, как следующее звено «сухариков» выпускало серию ядовитых жал в ее тело.

Внизу творилось невообразимое. Вся долина представляла собой развороченный муравейник.

Караваны перемешались в кучу. Испуганные животные, обезумев от ужаса, шарахались от взрывов, падали на землю, срывались в огромные воронки. Я видел, как выбегали из шатров люди. И снаряды вонза-

лись им прямо под ноги. Оставшиеся в живых тут же падали, пораженные осколками. Несколько мужчин, выставив дула допотопных винтовок, открыли по нам огонь. Огненный смерч взрыва поглотил их. Ветерок раздул дым, и на месте лежавших людей открылось лишь пятно черной копоти. А самолеты все срывались и срывались в пике. И невозможно было остановить эту ужасную мельницу, запущенную чьей-то безжалостной рукой.

— Уйдите с боевого курса, вы нам мешаете! — раздался азартный голос кого-то из летчиков.

Они тревожились за нас! Нас прогоняли, мы мешали им! Пикирующие коршуны боялись столкнуться с птахами, парящими у земли.

С набором высоты мы отклонились к югу. Закрыв лицо руками, я просидел до конца операции. В эфире звучали слова команд, ликующие возгласы летчиков, веселая перепалка при выборе очередной цели. Нас никто не вызывал. Долина кишела караванами. Ведущие сами выбирали объекты для уничтожения. Отработала последняя пара и, пожелав нам удачи, самолеты скрылись за перевалом.

Все было кончено. Зашли на фотографирование и убрались восвояси. На базе вдруг обнаружилось, что фотографирование не получилось. Юра забыл включить необходимые тумблеры.

Поздно вечером в комнату кто-то постучал. Я валялся на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Послышался приглушенный разговор, а затем голос капитана Садкова:

— Ты не спишь?.. Выйдешь?..

Оттолкнувшись от подушки, я рывком соскочил на ноги и подошел к двери. Встретился взглядом с добрыми, грустными глазами Юрия. Кивнув на Садкова, он постучал пальцем по кадыку и для убедительности задрал комбинезон. За поясом у него была бутылка водки.

— Пойдем покурим на свежем воздухе, — нарочно громким голосом сказал он, подмигивая левым глазом.

Я повернулся к Садкову. Он отрицательно покачал головой и вполголоса сказал:

— Мне нельзя, завтра спозаранку— на Кабул. А ты сам смотри. Командир распорядился дать вам выходной, так что гуляй.

Я вышел, чувствуя на себе его озабоченный взгляд. Владимир переживал за нас.

В небе сверкали звезды. На четвертом развороте урчал вертолет. Мы стояли около умывальника и молча всматривались в ночной сумрак. Зажглись посадочные огни, показалась тень вертолета, потом возник яркий сноп посадочных фар и пыльный вихрь отброшенного лопастями воздушного потока. На смену севшему вертолету взмыл в небо его ведомый, выключил фары и скрылся во мраке.

— Патрулируют, — нарушил молчание Юрий. — Пойдем, Саня, в укромное местечко. Помянем убиенных сегодня воинов ислама.

Укромным местечком стал дежурный вертолет поисково-спасательной службы. Юра открыл дверь, достал два граненых стакана, наполнил их.

— Закуски не взял, занюхаем рукавом, — сказал он. — Выпьем, потом поговорим.

Мы выпили, но разговор не клеился. Юрий разлил остатки водки и, хлопнув себя по лбу, выбежал из вертолета. Я закурил, слушая непривычную тишину. Не прошло и минуты, как появился Юрий. В руках он держал ломоть хлеба и луковицу. Из кармана торчало горлышко второй бутылки.

— Хотел оставить на праздник... Будет день — будет пища. Сегодня она нужнее. Выпьем, флагман, и споем песню. Ты знаешь русские народные? Нет? Я тоже не знаю...

Юрка молол всякую чепуху и чем больше пил, тем болтливее становился. Постепенно и мое тело налилось

приятной теплотой, захотелось говорить, плакать, смеяться. Забыв обо всем на свете, мы о чем-то спорили, злились, потом обнялись, как братья, и загорланили:

Ах, зачем я на свет появился, Ах, зачем меня мать родила...

Смутно помню, как мы добрались до модуля и кто нас растащил по комнатам. Садков раздел меня и уложил в постель.

А на следующий день, больной и помятый, я вышел из модуля и столкнулся с подполковником Нечаевым.

- А я к тебе, весело поздоровался он. Ты что такой бледный? Перебрал вчера? Нет? Молодец! Переболей, а вечером заходи ко мне. У меня бутылочка коньяка припрятана, из отпуска привез. Ты слышал? Разведка доложила, что самолеты уничтожили до шестисот «духов»... Разведке верить надо. На то они глаза и уши, добавил он, выжидающе взглянув на меня.
- Глаза и уши... иронически протянул я, морщась от головной боли. Уж вы-то сами видели «душманов» в юбках...
- Ты это дело брось, нахмурился Нечаев. Потери среди населения неизбежны, ты это прекрасно знаешь. А шестьсот «духов» это кое-что...
 - Я верю своим глазам, командир...
- Знаешь, парень, ты бы лучше помалкивал. Есть официальные данные разведки, а свое мнение оставь при себе. Так-то... Приходи вечером на коньячок...
- Спасибо, командир, в следующий раз. Завтра мне на вылет.

Вот и все, что случилось в тот день.

В отпуске я встретился с подполковником Нечаевым. Мы выпили бутылку коньяка, вспомнили друзейтоварищей. И знаете, что он сказал мне на прощание: «Я не знаю, куда девать свои воспоминания...»

КАТАСТРОФА

В пивбаре знакомый, пропитанный табачным дымом полумрак. Высокие стальные столики, литровые громоздкие кружки, сушеная, просоленная рыба, ломтики белого сыра на грязных тарелках и монотонный гул мужских голосов. Нащупываю в потайном кармане мятый трояк и заказываю две кружки пива. Устраиваюсь возле картины, где запорожские казаки — усатые и пузатые, при саблях и пистолетах, веселые и счастливые - пьют вино из кувшинов. С завистью смотрю на их довольные рожи, огромные куски мяса в руках и стол, полный лакомых закусок. «Жили же люди», — с завистью думаю о далеких предках. Осторожно сдуваю пузырящуюся пену к краям и с удовольствием опрокидываю содержимое кружки в рот. Удовлетворенный, закуриваю сигарету и окидываю взглядом зал. Спокойные, подвыпившие мужские лица. Сама Россия ушла в подвалы и подворотни. Ведем кухонный образ жизни. Смотрю на часы. Около двух. Как по команде, появляются ребята — все свои в доску парни. Подполковник Белобородов — огромный, седой, жизнерадостный балагур. Капитан Расторгуев молодой, перспективный командир звена. Комэска майор Гусаров. Его замполит Леша Спирин. Прапорщик Дима Вальчук — вышедший на днях на пенсию. Андрюха, Витька, Славка... Радостно жму их руки, хлопаю по плечам и хохочу вместе со стариком Белобородовым. Дима Вальчук открывает «дипломат» и выставляет на стол батарею водки.

— Отвальная, ребята, — поясняет он. — Отслужил, слава тебе, Господи.

Мы пьем за него, за счастливое возвращение. А третий стопарь — молча, за тех, кого нет с нами. Афганская традиция. Пока мы живы, будет жить и она. Наша память. Не чокаясь, чуть дрогнув рукой, я пью горькую «горилку», вспоминая Серегу Чукаря.

Солнечный июньский день 1984 года. Баграм. Операция на Панджшере. Ловим и никак не можем накрыть

банду Ахмат-Шаха Масуда. Его портрет вывешен у нас в модуле — бородатый, здоровенный детина тридцати лет. Портрет Ленина сняли, а плакат с душманом повесили. Неужели думают опознать и поймать его в нашем городке?

Накануне меня наконец-то выпустили из джелалабадского заточения. Постоянно находясь в полупьяном безделье, я отбывал наказание за то, что набил морду одному новоявленному украинскому националисту в чине прапорщика. Позже, за кражу бензина, его выгнали из армии. Тогда весь наш полк улетел на операцию в район Панджшера. Меня оставили на базе. Поручили руководить взлетом и посадкой редких самолетов и вертолетов. Целые дни я сидел на вышке и умирал со скуки. Внизу был небольшой магазинчик, где пройдоха-торгаш продавал из-под полы «кишмишевку». Я брал дюжину целлофановых пакетиков, наполненных этой бурдой и завязанных сверху ниткой, поднимался наверх и в одиночестве глотал теплую, приторную жидкость. Пил и горько думал про себя: «Когда же все это кончится?» Наш батя, командир полка, подполковник Томарев наконец-то сломал упрямство начальника политотдела, стряпавшего мое трибунальное дело. Он сказал: «Бомберы мне здесь нужны. Хватит ему штаны протирать на вышке. Потом разберемся, а сейчас воевать надо. Да и фингалы у хохла прошли. Пусть в следующий раз автоматом не балуется».

За мной немедленно прибыла «вертушка». Сам майор Винник. И уже вечером, страшно довольный, я с удовольствием пил нашу русскую бражку, которую в честь моего прибытия выкатил Серега Чукарь. Начинало темнеть, когда заядлые картежники решили разыграть последний банк и двинуться спать по своим берлогам.

— Ты куда? — остановил меня Чукарь. — Дрыхни у меня. Твой экипаж в модуль подался? И мои ушли. Нам двоим места хватит.

С шутками и прибаутками он юркнул за заднюю

шторку и торжественно водрузил на ведро трехлитровую банку «томатки».

— Запасик. Надо же, бродяги всю флягу одолели. Одна густота осталась. Ничего, завтра опять заварганю. Сахарок припас, дрожжей немного есть...

Чукарь был постарше нас лет на десять. Деятельный, хозяйственный, расторопный и грамотный технарь.

«Что принесет нам завтра...», — буркнул я под нос, опрокидывая стакан кверху дном. Мне действительно стало лень поднимать задницу от сиденья, топать к своей «вертушке». «Какая разница, где спать», — позевывая подумал я, сворачиваясь калачиком и упираясь ступнями в ноги Сергея. Наверное, банка браги и лень-матушка спасли мне жизнь. В четыре утра меня разбудил далекий шум авиационного двигателя. Взлетал разведчик погоды. Рядом, по-детски похрапывая, спал Чукарь. Я боднул его несколько раз ногой, громко крикнул:

Подъем! Вставай, алкаш. Прячь брагу. Отрубай хвосты, вечером допьем.

Сергей сладко потянулся, привстал, нашарил рукой банку, сделал пару глотков и протянул ее мне:

- Теплая, зараза. Будешь?
- Нет. Мне сегодня бомбить. Да и «начпо» вызовет на ковер, будет воспитывать. Еще унюхает, стервец. Лучше тяпнем вечером, если живы будем...
- Живы будем не помрем, живы будем не уснем, живы будем все допьем, скороговоркой пропел он, засовывая в рот «беломорину».

Я открыл дверь грузовой кабины, поставил стремянку и соскочил на землю. Было прохладно. На востоке всходило солнце. Немного размяв ноги и руки, я поплелся к хвосту вертолета. Рядом пристроился и заспанный Сергей. Таким и помню его: взлохмаченным и зевающим. Ленивым взглядом я окинул стоянку вертолетов, одиночные фигуры проснувшихся обитателей берлог, алый диск солнца, голубизну неба. Посмотрел на взлетную полосу и замер, застыл в изумлении.

Прямо на меня, грозно и неотвратимо, вынырнув из-под хвоста приземистых двадцатьчетверок, катился огромный, пульсирующий ярко-огненный шар. Все же я успел рассмотреть в середине огненной дуги пилотскую кабину самолета и крылья, не объятые еще пламенем. А сзади, на середине взлетки — пламя факела перевернутой «вертушки». Я невнятно зарычал, рванул Сергея за рукав комбинезона и плюхнулся головой на смоченную мочой землю. Охнув от изумления, рядом бухнулся Сергей. Он поперхнулся, с отвращением плюнул и буркнул:

— Носом — и прямо в хреновину. Ну и шуточки.

Это были последние слова, которые он произнес в жизни. Горящий, летящий «смерч» сошел с траектории полета, накренился влево, опустил нос и, снижаясь, падал прямо на нас. На меня, на Сергея, на землю!

Стукнувшись лбами, мы дружно спрятали головы за заднее колесо. Не мешкая, стали проталкиваться под пузо вертолета. Я — впереди, Сергей — сзади. Огненный смерч пронесся мимо, опалив хвостовую балку горячим воздухом, зацепил чем-то за редуктор мою «восьмерку» и унесся прочь.

Моя «вертушка» вздыбилась, как молодой жеребец, покачалась из стороны в сторону, как старая кляча, и повалилась на бок, как пристреленная лошадь. Веером разлетелись обломки лопастей, вспыхнул основной топливный бак, вовлекая в огненную свистопляску двигатели и грузовую кабину. Самолет, развалившись на куски, пробороздил по земле фюзеляжем, остановился, превратившись в дымящийся черной копотью костер.

Я поднялся, механически ощупал себя руками, взглянул на Сергея и увидел пенистую струйку крови, вытекающую из сонной артерии, в которой торчал кусочек железяки. Меня поразило чувство внезапного страха. Я пронзительно взвыл, вскочил на ноги и бестолково замахал руками. Неожиданно рванула моя «вертушка», и меня обдало жаром взрывной волны.

Ноги подкосились, и я упал на горячий обломок лопасти. Мгновенно почувствовал резкую, обжигающую боль в животе. В нос ударил смрадный запах горящего алюминия и тлеющей материи. Хватаясь руками за траву, я отполз под хвостовую балку и вдруг услышал частые хлопки и визг пролетающих снарядов. И еще черт знает что. Это начал рваться боезапас самолета. Очумевший, обессиленный, испуганный, я быстро пополз на старое место под брюхо вертолета. Уткнулся носом в пыльную резину, подтянул ноги и обнял правой рукой безжизненное тело Сергея. Откуда-то донесся вой сирены, пронеслись санитарные и пожарные машины. Появились люди.

Катастрофа длилась несколько минут, мгновение, унесшее большой кусок моей жизни, злой рок, беспощадно убивший Сергея.

Кто-то потянул меня за ноги. Я брыкался, отплевывался, что-то мычал, упорно хватаясь за землю. Сергея положили на носилки и понесли к «санитарке». Его шею обложили плотным слоем ваты, обмотали белоснежным куском бинта, через который просачивалась кровь и торчал тупой угол ржавой железяки. Я поднялся, сел на подкос вертолета, обхватил голову руками и заплакал. Только сейчас я понял, что Серега убит. Он мертв.

Я нашел в себе силы встать на ноги и, как пьяный, мимо своей тлеющей «вертушки» побрел к останкам самолета. Еще дымились обломки искореженного металла. В стороне валялся движок, сохранившееся целиком крыло и какие-то скрученные трубы. Вокруг самолета образовалось смоляное пятно, внутри которого возвышалась эта куча металлолома. На «бетонке» на коленях стояли афганцы, вознося к небу руки и читая молитвы. Один из них, молодой технарь, покрытый копотью с ног до головы, громко рыдал и бился лбом о грязный асфальт. Кто-то длинным деревянным кривым багром осторожно ковырял в куче хлама. Люди стояли не шелохнувшись, насупив угрюмые лица и уставив-

шись в одну точку. Я вновь замер на пороге страшного таинства смерти. То, что я увидел, не забудется, не изгладится в памяти никогда. Передо мной, предстала груда обгорелого мяса и костей. Их было двое. Два трупа. Два подобия человека, десять минут назад бывшие живыми людьми. Два командира полка. Наш и афганец. Кто из них кто - понять было невозможно. Потусторонние, страшные, чуждые живым. У одного напрочь была снесена голова. Второй труп мало чем отличался от первого. Он был опутан стропами полураскрывшегося парашюта. Только один Бог знает, на что надеялся этот человек, дергая за кольцо вытяжной фалы на высоте двадцать метров, сидя в объятой пламенем кабине самолета. Одно верно, что его мозг судорожно искал пути спасения. Человек был в памяти, он хотел жить. У него сохранилось подобие головы и рук.

Во время предполетных указаний нас посвятили в подробности. Случилась невероятная и, может быть, единственная подобная катастрофа в мире. Самоуверенные главные авиационные начальники в Баграме без разрешения руководителя полетов вырулили на самолете в начало взлетной полосы и произвели взлет над работающей в середине полосы «вертушкой». Не рассчитали дистанцию и зацепились топливным баком за вращающиеся лопасти двадцатьчетверки. Отсюда и огненный шар, бьющий фонтаном горящего топлива. Их разгильдяйство послужило причиной собственной гибели и смерти Сергея.

Летчики из «вертушки» спаслись дважды. Очумевшие от внезапного тяжелого удара, они сумели выбраться из мгновенно вспыхнувшей кабины. В панике бросились бежать в противоположную сторону, прямо по минному полю. Овладев собой, тем же путем вернулись обратно. Узнав, что чудом уцелели, ребята три дня беспробудно пили водку. А по приезде домой поставили свечи в церкви. Минеры же недоуменно разводили руками, доказывая непроходимость заградительной минированной полосы.

Я тоже мог сгореть в своем вертолете или оказаться на месте Сергея. Но его величество случай и судьба распорядились иначе. Я остался жив. Именно тогда, в то время, я стал верить в какую-то непонятную, не подвластную человеческому разуму силу, сотворившую этот мир и нас самих, решающую, кому жить, а кому умереть. Я надел на шею крестик, подаренный мне матерью перед отъездом, и уже никогда его не снимал, не прятал.

Вечером, в одиночестве, я пил брагу и поминал Серегу Чукарева.

1997 год

ТРИШКИН СЫН

Иван Ильин, сын Кузьмы, по натуре своей был трус. Об этом знала вся деревня. В детстве он страшно боялся соседских гусей, рогатой коровы и всех деревенских кобелей. Бывало мать, завидев его зареванную рожицу, всплеснет руками и горько скажет:

— И в кого ты такой непутевый родился, своей тени боишься. Ни в отца, ни в деда — в Трифона-соседа. Господи, спаси и помилуй. Не грешила, не гуляла, а благодаря сыночку в блудницы попала.

Дядя Трифон, по кличке Тришка-дурачок, жил с бабкой Дарьей по соседству в старой покосившейся и почерневшей от времени избенке. В детстве его лягнула необъезженная лошадь. Сильно, прямо в голову. Всей живности бедняга стал бояться, особенно парнокопытных. Кому не лень пугали доверчивого дурачка всякой всячиной. Напуганный паренек, обливаясь слезами, опрометью несся к Маньке-защитнице и жалился девочке.

Добрая будущая мать Вани не давала в обиду своего друга, защищала по-своему, ласкою и терпением. Оба выросли. Маня вышла замуж, родила сына, а Трифон так и остался большим ребенком. Вечно торчал на соседском подворье. Великий балагур, седой как лунь дедушка Андрей, томившийся от стариковского безделья, скуки ради, в кругу многочисленных почитателей глубокомысленно изрек:

— Манятка Ванятку с соседом нагуляла. Трусливый — раз, доверчивый — два, русоволосый — три, синеглазый — четыре. Есть и пятый факт. Льнет мальчишка к дурачку — тяга крови. Вижу, Трифонова порода. Все повадки его. Тришкин сын.

Сказал, как подписал приговор, который обжалованью не подлежит. Сам благополучно по осени помер, оставив в наследство сельчанам кучу прозвищ и веселых историй. Стали с тех пор Ванятку звать Тришкой. Мать и сама привыкла, путалась, кричала:

- Тришка, принеси то, подай это, не пакости, не дури. И он привык. Отзывался на новое имя. Кузьма, отец Ваньки, добродушный, мелковатого роста, но отчаянный по молодости драчун, посмеивался в усы, иногда одергивал мать, шутил:
- Маня, опять парня Тришкой называешь. Может, и правда в детстве плотно с Трифоном гуляла? Прав дед Андрей был? Родила Трифона номер два.

Мать искренне обижалась, хватала половую тряпку и замахивалась на отца:

— И ты меня травить? Вот уж этот дед, на всю жизнь ославил, осрамил. Побойся Бога, Кузьма. Я труса выродила, а кто ковал его, кузнецом был? Говоришь, Трифон номер два. Все, ухожу к Трифону номер один, вместе горемычить будем. В усмерть затравили. И меня и его.

Отец подымал руки, сдавался:

— Все, Манятка, все. Признаюсь: я — Ваняткин кузнец. Мал ростом, в меня парень. То что русоволосый, доверчивый, синеглазый — так вся Россея такая. Пусть с Трифоном дружит, добрее душой будет. И не трус он вовсе. Придет его время. Малявки — они задиристые, упрямые. Не плачь, говорю, будет тебе. Давай, милая, сядем рядком, потолкуем ладком. Вытри слезы-то, не горюй, все образуется.

Дружно, в любви и достатке жили Ванины родители. Обычно после мелкой ссоры садились на скамейку возле огромной русской печи и под треск горящих березовых поленьев мирно говорили о житье-бытье, мечтали о будущем.

А будущего-то у них и не было. Видимо, и вправду им на роду была написана злая судьбинушка.

Поздним летом арестовали отца. Приехали на подводах из города разбитные и наглые люди с наганами на боку, в синих фуражках с малиновым околышем. Пили самогон три дня. Ходили по дворам, искали зерно, задирались, ссорились с угрюмыми деревенскими мужиками. Который за старшего, мордастый, с опухшей рожей, дородный детина, облапил в сенях красавицу, Ваняткину мать, заржал, обращаясь к пьяным собутыльникам:

— Нет зерна — возьмем компенсацию. Вона как у бабы груди набухли — надави и брызнет. Отъелась тут, на дармовых харчах. Посмотрим, что есть под юбкой, хороша холера, раздвигай ноги.

Мать покраснела, позвала отца, захныкал в страхе маленький Ванятка. Низкорослый Кузьма пронырнул между рук плотоядно гогочущей толпы и испытанным бойцовским ударом свалил мордастого с ног. На него навалились гуртом, выволокли во двор, связали руки и ноги веревкой. Старший вытер рукавом кровяную соплю из носа и стал размеренно бить на глазах мальчишки лежащего отца, приговаривая:

 В порошок сотру, кишка деревенская. На кого руку поднял, бандит?

Побоявшись насупленных мужиков, выставив перед собой наганы, ватага быстро погрузилась на подводы и укатила восвояси. Чуть живого увезли с собой и отца Ванятки. За сопротивление властям и злостное укрывательство зерна Кузьма был признан врагом народа и расстрелян.

С тех пор до коликов в животе сковывал мальчишку испуг. При виде синих фуражек он стремглав убегал к

верному товарищу Трифону-дурачку, пугая бедолагу до полусмерти. До отъезда повадившихся в деревню страшных людей они прятались в крапиве, зарывались в траву, убегали в лес. Один трусливый, другой убогий, обнявшись, как два брата, могли часами дрожать в животном страхе, совсем потеряв голову. Пуще гусей стал бояться Ванятка синих фуражек с малиновым околышем. А страх у труса как мина. Живет потаенно в душе и вдруг неожиданно выплеснется наружу. Да так, как обстановка подскажет. На славу или на позор. Мать не вынесла беды, ночью в хлеву наложила на себя руки. Один остался Ванятка.

Бабка Дарья, мудро рассудив, что вдвоем горемыки легче проживут, забрала сиротинушку к себе. Накаркал когда-то дед Андрей, и вправду Ваня стал Тришкиным сыном. Дурачок в приемыше души не чаял. И мальчишка отвечал взаимностью, называл его «татой».

В сорок втором, в разгар войны, в канун летнего отступления, стукнуло Ивану Ильину восемнадцать лет, и пошел он воевать с немцами. По ошибке призвали и Трифона-дурачка. Тогда всякое случалось. Под Харьковом дело было, куда срочно привезли новобранцев и, необученных, сходу кинули в бой. Один день воевал Иван, один раз в атаку ходил и Героя Советского Союза получил. За смелость, за отвагу, за находчивость Тришкин сын был удостоен высокого звания.

Тогда вновь наступал немец. И надо было остановить фрицев любым способом. Обритых наголо новобранцев разбили по взводам и ротам. Молодцеватый, в выгоревшей на солнце гимнастерке, опытный старшина снисходительно посмотрел на низкорослого, неказистого бойца, спросил:

- Откуда, земляк, и что умеешь делать?Иван, а это был он, честно признался:
- Из деревни мы. Могу лапти плести, сено грести...

«Дурак», — сделал вывод старшина, морщась, как от зубной боли, тоскливо осматривая разношерстную

толпу призывников. Один пятидесятилетний Трифон выглядел солидно и уверенно. Около него старшина остановился:

— Стрелять умеешь? Думаю, приходилось, по возрасту положено. Что молчишь? Получишь винтовку, понял?

Трифон весело закивал головой, с детским интересом разглядывая сверкающую медаль на груди старшины, промямлил вечное свое «ага». Оставшись довольный этим пожилым бойцом, старшина решил толкнуть речь:

- Гитлер наступает, будь он неладен. Завтра пойдем в наступление и мы, брать высоту. Скажу вам, что наши дела хреновые. Мы в котле, нет патронов, нет снарядов. Получите штыковые винтовки, одну на пятерых. Остальные вооружатся саперными лопатками. Самые дубовые и мелюзга, как этот, — глазами он показал в сторону Ивана, - получат в руки по гранате. Одна штука на отделение. Гранаты я подготовлю к бою, останется только добежать до высоты и кинуть ее в рыло амбразуры. Амбразура — это большая дырка, откуда строчит пулемет. Задача ясна? Подохнуть, но взять высоту. Предупреждаю, позади нас будет поставлен заградотряд, ребята из НКВД. После сигнала атаки они проверят окоп на наличие подлых тварей. Пощады не ждите. Паникеры и трусы будут расстреляны на месте. Перед атакой всем выпить спирта — этого добра у нас навалом. Пить так, чтобы ноги стояли. По себе знаю, пьяному и море по колено. Не срамите, земляки. Костьми лечь, но высоту взять. Вот и весь мой сказ.

К вечеру набежали синие тучи, заморосил дождь, ленивый и нудный, превращая болотистую местность в непроходимую топь. Ночью прибыл одетый с иголочки, в плащ-накидках, и вооруженный до зубов заградотряд. Залегли, спрятались в березовой роще, позади зигзагообразного окопа, набитого, как бочка селедкой, мокрыми и замерзшими новобранцами. В полночь под-

везли бочку спирта и разлили по фляжкам. Ждать начала атаки стало веселей.

В сопровождении взвода автоматчиков на соседнюю возвышенность, где находился командный пункт, прибыла группа офицеров. Старший из них, высокий и седой генерал, оглядел собравшихся, развернул помятую карту:

— Вот она, эта высота. Отсюда пойдем на прорыв. На рассвете начнем атаку. Знаю, нет оружия, боеприпасов, солдаты не обучены. Но время не ждет. Не займем высоту — нам крышка. Окружение, котел, плен, позор, гибель. Атакуем двумя волнами. В резерве только заградотряд. Положим и его — будет третья, последняя атака, которую возглавлю я сам. Все понятно? Можете идти.

Генерал долго сидел в одиночестве за столом, думал, смоля папиросы. Вспомнив о пополнении, которое через несколько часов должно будет полностью погибнуть по его, генерала, приказу, он застонал от бессилия, перекрестился, тихо, для себя, пробормотал:

— Ох, грехи тяжкие, бремя великое. Виданное ли дело безоружными на пулеметы идти? Боже, помилуй и сохрани сынков. Беда-то какая, беда над матушкой страной. Виноват, двадцать лет тебя не вспоминал, а сейчас умоляю, прошу. Прости и помоги, Господи, спаси страну и ребятишек, идущих в бой.

Перед рассветом вызвал командира заградотряда, приказал:

— Ты наступаешь, сидя на загривке атакующих. Не раньше, не позже. Закрепиться на высоте и удерживать горку до последнего. Я сам буду наблюдать. К обеду через коридор потянутся наши войска. Продержишься — многих спасешь. И последнее. Пусть твои орлы не зверствуют в окопах. Приказ есть приказ, но надо и понимать. Необстрелянные, молодые, безоружные хлопцы. Их вины тут нет. Война не завтра кончится. Живы останутся — наверстают. Можете сами очутиться в их шкуре на этой высоте. Понял, о чем говорю? Ступай с Богом.

Пятьсот новобранцев и с полсотни опытных бойцов рассредоточились в окопах и ждали сигнала атаки. Ни блиндажей, ни укрытий, в грязных, прострелянных шинелях, снятых с убитых, по-собачьи мерзли и пили спирт.

Всю ночь Иван дрожал от холода, завидуя веселью Трифона. Пристрастившийся в колхозе к хмельному, дурачок частенько прикладывался к горлышку фляжки, по-своему мурлыкал, пока окончательно не закосел. Облапил, согревая, своими ручищами Ивана, захрапел богатырским сном. Пинком ноги их разбудил вездесущий старшина:

— Подъем, бери, — протянул зевающему Ивану гранату, пояснил: — Перед дзотом вот эту чеку дернешь — и сразу кидай. Раньше ни-ни... Своих взорвешь. Понял, деревня?

«Деревня» простужено шмыгнул носом, покорно кивнул, осторожно взял зловещую, холодную гранату и по-хозяйски засунул в мешок. Старшина взорвался от негодования:

— Олух. Мать честная, и откуда такой взялся? Ты мешок в амбразуру кидать будешь? В руке гранату держи и береги, как зеницу ока. Потеряешь — по всей строгости военного времени отвечать будешь. Сейчас она дороже твоей жизни, сопляк. А это кто разлегся? Односельчанин твой? Говоришь, Трифон зовут? Вставай, вояка. Во взводе ты самый серьезный и шустрый мужик. Держи. Водрузишь флаг на высоте, на самой вершине. Понял?

Дурачок услужливо закивал головой, захихикал, прижав флаг к груди, доверчиво протянул фляжку старшине. Тот отхлебнул пару глотков, дружески хлопнул дурачка по плечу:

— Напился, молчун, пьян в драбадан, а на ногах держишься. Так-то веселее погибать. Люблю бесшабашных. Уж ты этот флаг воткнешь Гитлеру в задницу.

Он прыснул смехом в кулак, довольный своей шуткой, превратившись в шаловливого, двадцатилетнего

мальчишку, каким и был на самом деле. Широко заулыбался и Иван, представив, как Трифон загоняет древко флага немцу в жопу. Тыкая Ивана в бок, надрывался от счастливого смеха и Тришка. Уж больно нравился ему начальник. Вспомнив о своем солидном чине, старшина миролюбиво проворчал:

Будет вам ржать, пупки лопнут. Скоро рассвет.
 Надеюсь на вас. Пойду других инструктировать.

Трудяга любой войны, младший командир — за все в ответе. Старшина, воевавший с первого дня войны, только по одному Богу известной причине не погибший и не попавший в плен, всю ночь мотался по окопам. Учил новобранцев как колоть, стрелять, кидать, бежать, объяснял, во имя чего надо умирать. В одном лице командир и замполит преподал за ночь то, чему можно научиться, только сидя в окопах, перед самой смертью. И эти уроки несравнимы с месяцами учебы в тылу. За час, за минуты рождалась и крепла в сердцах новобранцев славная суворовская наука побеждать.

Разомлевшие и повеселевшие от спиртных градусов, бойцы к утру зазубрили простую истину первого года войны: на войне необходимо победить или умереть, а если умереть, то все равно победить. Победа — это шанс на жизнь. Проигрыш — смерть. Смерть от чужих и от своих. Клейменая и постыдная.

Ливший всю ночь проливной дождь, к утру превратился в нудную, слякотную изморось. Как назло, тумана не было, и скрыть от врага начало атаки не удалось. По хриплой команде «Вперед!», которую шепотом выдохнули глотки старослужащих солдат, новобранцы дружно полезли наверх из залитых водой, опостылевших окопов. Неровной цепочкой, увязая в болотном иле по колено, выбрались на твердое травяное поле перед высотой. Тут и заметили их немцы. Взорвав напряженную тишину, вспугнув стаю диких уток, бесприцельно ударил пулемет. Старшина выматерился, полоснул очередью из автомата и, не оглядываясь, с громким

криком «За Родину, за Сталина!» побежал впереди всех. Торопливо зачавкали сапоги сзади, заурчали, замычали, закаали сотни глоток, слившись в одном громком и страшном вое. Дружно затукали, защебетали немецкие пулеметы и автоматы, выкашивая неровные просеки в рядах наступающих, подрезая, как тонкие ржаные стебли, десятки русских солдат. Не смогли, не успели новобранцы преодолеть свинцовую стенку, повалились в траву и грязь. Застыли, замерли мертвые и живые на широком поле в сотне метров от высоты, в шаге от победы. Ни угрозы, ни мат разъяренного и раненного в голову старшины, ни предупредительные очереди заградотрядовцев уже не могли поднять людей в повторную атаку. Победный порыв исчез с предсмертным криком погибших, спрятался в глубине души живых. Немецкие пулеметы стали страшней автоматов заградотрядовцев. И казалось, уже никакая сила не поднимет бойцов с земли, не приведет к победе.

Ивану не суждено было в этот раз идти в атаку. Помешал маленький рост и граната в левой руке. Вслед за Трифоном он полез по скользкой стене окопа, схватился свободной рукой за глинистый, высоченный бруствер и почувствовал, что его ноги повисли в воздухе. Верхний пласт утрамбованной саперной лопаткой земли неожиданно оборвался, увлекая его обратно в окоп. Он упал на дно, подвернув ногу, охнул от резкой боли, скинул сапог и стал неторопливо массировать место ушиба. Тут ударили немецкие пулеметы и автоматы, вжикнули по брустверу слепые пули, испугав Ивана похлеще деревенских гусей. Он слышал, как в наступательном порыве громко кричали атакующие, сменяя победные крики дикими воплями. И вновь наступила тишина, нарушавшаяся немцами, которые одиночными выстрелами методично добивали раненых.

Иван огляделся и только сейчас понял, что остался в окопе совсем один. Сразу вспомнил о синих фуражках и грозном предупреждении старшины. В его памя-

ти воскресла ужасная физиономия мордастого особиста, увезшего избитого до полусмерти отца. Он ехидно щерился, злорадно посмеивался, грозил пальцем, с издевкой говоря:

— Сукин сын, испугался? Не в отца трусишка пошел, не в отца. Сейчас я тебя в порошок сотру, кишка деревенская.

И наяву Ивану послышалось приближающееся чавканье сапог, тяжелое сопение.

 Свят, свят, свят, — стал креститься он, с ужасом ожидая встречи с мордастым призраком.

Вместо призрака особиста в окоп юзом сполз такой же молодой боец из заградотряда и сразу заметил Ивана. Удивленно и растерянно рассматривая лицо ровесника, он медленно поднял автомат и, приняв ему лишь ведомое решение, указал стволом в сторону высоты. Объяснил, выдавив из себя жалостливое «иди», и оглянулся назад, всем видом показывая свое нетерпение. Иван вдруг понял, что надо спешить, пока не пришли другие люди в синих фуражках, которые непременно убьют его. Он кивнул головой, посмотрел на гранату в руке и в одном сапоге, чувствуя боль в ступне, торопливо вскарабкался на бруствер. В эту минуту синие фуражки с малиновым околышем, черный ствол автомата в руках бойца были куда страшнее вражеских пулеметов.

Выпрямившись во весь свой маленький рост, опустив руку с гранатой, подсознательно содрогаясь, ожидая выстрелов сзади, спереди, пошел Иван по полю в сторону высоты. Впервые в жизни он переборол подлое чувство, не стал ныть и не сдался в плен поглощающей волю стихии страха. Сейчас он не трусил, а сожалел, что так глупо подставил себя под пули. Именно в те секунды, когда сделал первый шаг, Иван перестал бояться синих фуражек и забыл про них. Вспомнился умница-старшина, который надеялся на Тришку. Проявилась в памяти добрая улыбка деревенского дурачка Трифона, ставшего вторым отцом. Лица дорогих

людей заслонила ненавистная рожа фашиста, нарисованная на плакате, висевшем на станции, похожая на мордастого особиста. Сейчас его лютые враги были там, за пулеметом, на высоте, и снова грозили Ивану.

Час расплаты настал. За старшину, за Трифона, за горечь унижений, детские и взрослые обиды, за все должен платить фашист. Что-то прорвало его душу, он яростно закричал и решил непременно взять эту проклятую высоту. Расквитаться с врагами и доказать всем и прежде всего самому себе, что он не трус, не был и не будет им никогда.

Немцы не стреляли. Перекидывались короткими фразами, с интересом разглядывая идущего по полю неказистого русского чудика в длиннополой, мешковатой шинели. А когда тот скинул с себя шинель и побежал, размахивая гранатой, дико крича, широкоскулый обер-лейтенант усмехнулся и проговорил:

 Смельчак. В одиночку решил победить нас. Не стрелять. Ефрейтор, возьмите его в плен.

Ефрейтор щелкнул каблуками, выскочил из дзота и крикнул:

— Не стрелять. Взять живым в плен.

На войне, как в жизни, многое подвластно случаю. Этот приказ внес сумятицу, неразбериху в действия защитников высоты. Каждый понял приказ по-своему. Ктото решил, что оставшиеся в живых русские будут сдаваться оптом и не открыл огонь на поражение, другие ждали нового приказа об открытии огня. Так или иначе по вине Ивана произошла заминка, сыгравшая решающее значение. Ситуация вышла из-под контроля немцев.

Первым увидел бежавшего Ивана Трифон, который, напуганный пулеметными выстрелами, благополучно упал в начале атаки и теперь прятался за кочкарником. Крик Ванятки ошеломил и отрезвил Тришку-дурака, вскинул на ноги, пронзив мозг страстным желанием защитить сына от обидчиков. Схватив древко флага, выставив его как винтовку перед со-

бой, он завыл во все горло отчаянным, звериным воем и побежал вдогонку. Старшина встрепенулся, осмотрелся и увидел бегущих по полю Ивана и Трифона. Заметил еще нескольких бойцов, вставших на ноги. Он набрал полные легкие воздуха и громко рявкнув: «За Родину, за Сталина», — поднял солдат в атаку. Слишком поздно заголосили вражеские пулеметы, пытаясь вновь прижать наступающих к земле. Как учил старшина, Иван ловко, как яблоко в корзину, кинул в амбразуру дзота, где был обер-лейтенант, гранату. Трифон древком флага, как штыком, пырнул в живот оглохшего от взрыва ефрейтора, добив его ударами пудовых кулаков. Вспомнив о приказе старшины, вскарабкался на вершину дзота и воткнул в землю красное полотнище. Счастливо улыбнулся, поискал глазами своих, надеясь на похвалу. Откудато сбоку выскочил рыжий, плюгавенький немец и полоснул очередью из автомата по Трифону. Точно в сердце попала одна из пуль. Он умер мгновенно, красиво, на глазах полюбившегося старшины, грузно осев на землю, крепко держась за древко флага. Старшина с размаху, прикладом проломил череп плюгавого немца, прикончил его ударом трехгранного штыка, разворотив всю грудную клетку. Успел подумать, что отомстил за понравившегося ему бойца и вновь закрутился в рукопашной схватке. А позади уже подпирала вторая волна наступающих. Заградотряд добивал немцев и занимал высоту. Получилось лучше некуда для высшего командования фронта.

— Молодцы, молодцы, — плакал с биноклем в руках седой генерал. Не скрывая слез, вытирая их рукавом кителя.

Сейчас он смотрел только на щуплого, усталого новобранца, который взорвал центральный дзот и теперь, прихрамывая, поднимался на вершину высоты. Генерал видел, как он присел возле убитого бойца, водрузившего флаг, обхватил его голову и поцеловал в губы.

Отцепил ладони Трифона от древка полотнища, аккуратно положил тело на спину, сложив руки на груди. Замер, застыл в оцепенении. К нему подошел такой же безусый, молоденький солдат из заградотрядников, протянул фляжку, присел рядом. Генерал навсегда запомнил лицо паренька, совершившего подвиг. Он глухо сказал, обращаясь к адъютанту:

—Построить оставшихся в живых. Сам благодарить буду. По широкому полю сновала похоронная команда. Подбирали живых и раненых новобранцев, хоронили мертвых. И русских, и немцев.

Построить смогли человек двадцать. Оборванных, заляпанных кровью и грязью, тех, кого не тронула пуля, обошла стороной смерть. Седой генерал, окинув взглядом неровную шеренгу, неожиданно поклонился, громко выдохнув:

— Спасибо, сынки. Вы совершили подвиг. Полковник, всех наградить! Водрузившего флаг — к ордену, посмертно. Прошу выйти из строя, кто бежал последним.

Шеренга солдат стояла, не шелохнувшись. Слово «последний» резануло слух, заставив вспомнить вчерашнее предупреждение старшины. Генерал нашел взглядом Ивана и кивнул ему. Тришкин сын поднял глаза, покрывшись липким, трусливым потом. Он страшно испугался этого строгого старика, который хотел наказать последнего, кто поднялся в атаку. Не сумев сдержать слез, Иван еле-еле побрел навстречу новому испытанию. Его догнал раненный в голову старшина, решительно зашагал рядом. Они остановились перед командиром, и старшина выдохнул: «За что?» Генерал понял его, вспомнил ночной разговор с командиром заградотряда и свой вопрос, заканчивающийся страшным для солдат словом. Старый вояка, прошедший Первую мировую рядовым, попытался быстрее загладить свою оплошность:

 Сынки, я имел в виду героя, поднявшего батальон в атаку. Слишком много за сутки пришлось испытать Ивану. Люди в синих фуражках с малиновым околышем, немцы в бетонных укрытиях с пулеметами и этот седой генерал, назвавший его героем. Все перемешалось в голове солдата. Старшина подтолкнул его вперед, облегченно шепнул:

— Иди, не бойся, не съест.

Генерал обнял Ивана, трехкратно поцеловал и гром-ко спросил:

— Как имя твое, солдат?

Почувствовав толчок кулака старшины, Иван очнулся и вдруг понял, что страшное позади и этот большой начальник хочет сделать ему хорошее. Обрадовалось, возликовало его сердце, и он степенно, по-деревенски, ответил:

— Тришкой сельчане кличут, а так-то Иван.

Генерал повернулся к полковнику и так, чтобы слышали все, торжественно сказал:

— Запиши. Тришкин Иван. За находчивость, смелость и отвагу при взятии высоты представить к званию Героя Советского Союза. Наградные подготовить немедленно, я подпишу. Живи, солдат, гордись, вспоминай сам и рассказывай внукам. Всех вас, бойцы, еще раз благодарю.

Война продолжалась еще три года. Неизвестно, кто выжил из тех, кто стоял тем летним днем на широком поле перед высотой. Вечером немцы пошли в атаку. И снова был жаркий бой. Иван получил тяжелое осколочное ранение позвоночника и был эвакуирован в тыловой госпиталь. Там и нашла героя награда. Калекой он вернулся в родную деревню. Единственная награда Ивана в этой войне поразила односельчан. Благодаря ей он стал не Ильиным, а Тришкиным Иваном. Так было написано в наградном листе.

С годами все трудней стало объяснять разницу паспортных и наградных данных. Злые языки строили разные домыслы, обливая грязью святая святых воинской славы русских солдат. И он уехал из деревни. Поближе к дорогой могилке Тришки-дурачка. Уехал в неизвестном направлении. Навсегда.

СИРОТИНУШКА ТЫ НАШ

Жидкову Евгению посвящается...

Звали его Женькой. Было ему от роду двадцать два года и был он круглым сиротой. В первую чеченскую войну его призвали в армию и сделали без вины виноватым калекой в девятнадцать лет. То ли свои стреляли, то ли чужие. В то время как «салаженок» Женька учился прицеливаться и стрелять из автомата, когда словоохотливый лейтенант объяснял новичку премудрости воинской службы, рядом разорвался снаряд и прервал их военную науку. Новоиспеченного воина снес с ног бешеный шквал урагана, швырнул спиной на обвалившиеся развалины старого кирпичного дома, где он благополучно потерял сознание. Ему еще повезло. Когда очухался, сразу почувствовал бешеную боль в правом плече. С трудом и страхом взглянул на руку и в ужасе закричал. В области предплечья руки как не бывало. Одни кровяные отростки костей, лохмотья кровеносных сосудов, ошметки висящих сухожилий, валявшиеся в кирпичной пыли куски мяса и побелевшие, скрюченные пальцы. Его пальцы. Женька попытался приподняться, заныл, зарыдал громко и протяжно. Бессознательно хватанул рукой с земли свою оторванную ладонь и попытался приставить кровоточащую кость на прежнее место. Резкая боль пронзила его мозг двойным ударом. И в предплечье тела и в оторванных пальцах блуждали болевые огоньки страшного пожара. Так и не поняв, где больно, он вновь свалился на землю.

Пришел в себя в медсанбате, где ему поведали о том, какой же он везунчик. В тот день боевики в хвост и гриву раздолбали их роту, где опытных вояк, как сержант, было столько, сколько пальцев в Женькиной оторванной руке. От сержанта только почерневший солдатский медальон нашли. Вероятно, снаряд шел по наклонной траектории полета, был на излете. Стукнул сержанта, увлек за собой за каменную кладку стены, где и разорвал бедолагу в клочья. Взрывной попутной волной и осколком шваркнуло и Женьку. В госпитале ему успешно подлечили руку и отправили долечиваться в Союз. Через три месяца очередной калека, прослуживший месяц в армии, пару часов понюхавший пороха, был демобилизован и отправлен в бессрочный запас.

Призывался он с одного города, а прибыл жить в другой, где его умершая мать имела бронированную квартиру в доме барачного типа. На законном основании Женька принял наследство и приобрел свою крышу над головой. Удел многих северян добывать газ, нефть, лес, проживать жизнь свою в засыпухах, бараках и умирать там. Будь он здоровым, и Женька пошел бы по этому пути. Но! Он был особенный — он был калекой. Государство за искалечение дало ему пенсию в размере двадцати бутылок водки в месяц. В таком исчислении из-за инфляции и прочих невзгод рыночной экономики он считал свой прожиточный минимум. Другая твердая валюта — доллар — ему даже в похмельном бреду не снилась.

С рожденья он был скромным, молчаливым и необщительным парнем. Но молодость брала свое. В праздник решился и вечером неуклюже ввалился в танцевальный зал клуба. Робко поднял глаза и ощутил на себе с десяток удивленных взглядов. Хотел спрятаться в угол, как вдруг неожиданно услышал веселый девичий голос:

Смотрите! Обрубок пришел смотрины делать.
 Чур только не меня.

Его как током стукнуло. Словно в Чечне, пронзило болью и гневом. Он повернулся и долго угрюмо смотрел на девушку. Она съежилась под его взглядом, покраснела, опустила глаза и спряталась за спины подруг. В жутком одиночестве Женька побрел к вокзалу, где в киоске круглосуточно торговали водкой. Он всю ночь пил, а девчонка всю ночь плакала, вспоминая его ясные, добрые глаза. А потом тот угрюмый звериный взгляд.

Не был болтуном Женька, и мало кто знал, что нет его вины в страшной судьбе. Что не в уличной драке, не по пьянке, а на войне он потерял руку. Молодость не только прекрасна, но и жестока. И дело не только в чьих-то словах, но и в собственной голове. Затаил он обиду на весь свет. Особенно на танцующий, веселящийся молодняк, которому еще предстояло стать пушечным мясом. Ни друзей, ни врагов, одиноко и тоскливо стал существовать искалеченный душой и телом парень. Местный мэр пожалел сироту и пристроил на работу сторожем на кладбище. По простоте душевной не подумал, что не место молодому парню постоянно быть рядом с усопшими. Хотел как лучше. Когда кого-нибудь хоронили, Женька сопровождал похоронную процессию и заворожено смотрел, как заколачивали гроб гвоздями и засыпали могилу. Представлял самого себя лежащим в гробу и ту девчонку, плачущую у изголовья. Назло ей он умирал десятки раз, мстя ей за насмешку, привыкая видеть себя умершим. После очередных похорон шел в маленькую, неотапливаемую сторожку и при тускло горевшей лампочке, в тулупе и валенках, пил чай, чередуя с водкой. Так и прожил полуголодным и полупьяным пару лет.

В один прекрасный день к нему нагрянули сердобольные женщины из комитета солдатских матерей, решившие помочь парню в его беде. По-матерински приласкали калеку, всплакнули, сетуя на его судьбу. Та, что постарше, обняла на прощание, вытерла слезы и промолвила:

 Сиротинушка ты наш, жалость-то какая. Будет и у тебя праздник.

Мечта любого, независимо от возраста, безногого и безрукого калеки — это когда две ноги и две руки. Чтобы в штанинах что-то болталось и в рукавах вертухалось. Плохонький, но протез. А тут импортный приобрести обещали. Счастье парню привалило вдруг.

Снилось Женьке ночью, как он ловко «баранку» новых «Жигулей» крутит. Рядом сидит оскорбившая его чернобровая красавица, восхищенно и влюбленно смотрит Женьке в глаза, доверчиво прижимаясь к искалеченному плечу. Он снисходительно обнимает ее правой рукой, искоса бросает взгляд и любуется милым лицом. И он, Женька, как все парни, при ногах и руках, без этой страшной метки, и вся жизнь его — удовольствие и радость. Сладким зудом ныло больное сердце Женьки от этой мечты.

Приехал он в районный центр и очутился в приемной большого начальника. Его крестные из комитета солдатских матерей зашли в кабинет, забыв закрыть за собой дверь. Не хотел, а услышал парень недовольный голос начальника:

— Импортный протез? На такую ерунду валюту тратить? В стране кризис, а вы мне — протез. Я его туда не посылал. Главное — ноги есть, а рука... Пенсию получает, чего еще надо? Работать сторожем на кладбище можно и без рук. Покойникам, им все равно, не заметят. Идите, не морочьте голову парню. Не он первый, не он последний. Импортный протез захотели. Их, калек, сегодня хоть пруд пруди, а я один, идите с миром.

Женьку как ветром выдуло из приемной. Не попрощавшись с сердобольными женщинами, укатил к себе в поселок, совсем замкнулся, ушел в себя, затаил обиду на весь белый свет. Комната в бараке, вокзальный киоск, сторожка на кладбище — вот и весь его жизненный маршрут. Постоянно мысли кошмарные по ночам одолевают парня. Видит он себя в городе Грозном с автоматом в руках в том кирпичном доме. Рядом яростно строчит из пулемета сержант, и ребята все живые и здоровые. Напротив — в русских «духи» стреляют. Главный у них — тот самый начальник из района, заросший бородой, с черной шапочкой на голове и зловещей ухмылкой на лице. Берет его Женька на мушку, нажимает на курок, пытаясь попасть в омерзительную рожу. Бьет, бьет, бьет, расстреливая полный рожок патронов, по рукам, по ногам, по туловищу и голове. А начальник, живой и невредимый, ехидно кричит:

 Импортный протез, идиот, захотел. На такую ерунду валюту тратить. Проживешь и так, без руки.

Плачет от обиды солдат, вскакивает на ноги, хватает гранату и летит пустая бутылка из-под водки прямо в стекло сторожки. За окном зимняя вьюга, свистит ветер, поет погребальную песню сама природа. Ежится на топчане парень, вздыхает, кашляет, хватаясь за сердце, и горько плачет. И так каждую ночь он воюет, не может добить начальника. Мажет и мажет из автомата, заливая свои промахи водкой. Совсем устал воевать, устал жить.

Ранним утром захлебнулся блевотиной и тихо умер. В больнице быстро состряпали диагноз: передозировка наркоты, и весь сказ. Похоронили сироту ветераны Чеченской войны, поставили памятник. Была и девчонка на похоронах, горько плакала, проклиная саму себя. Того начальника вскоре уволили с работы. Женщины из комитета солдатских матерей долго оплакивали своего сиротинушку, казня себя за грехи тяжкие. Свои и чужие. Но от этого Женьке не легче. Живут и будут долго жить та девчонка, тот начальник, сердобольные женщины. Его же нет, и не будет никогда. Равнодушие и черствость оборвали еще одну жизнь. Как будто и не было парня на свете. Умер Женька, умер сирота.

КСЮША

И снова ее палец застыл на спусковом крючке снайперской винтовки. Глаза с нежностью и надеждой искали в предрассветной дымке, окутавшей развалины вражеских позиций, знакомую фигуру. С раннего утра непривычно и радостно щемило сердце, путая мысли и вызывая улыбку на ее красивом лице. Появилось желание отбросить в сторону надоевшую винтовку и ласково обнять руками весь этот коварный, но ставший вдруг прекрасным мир. Она неторопливо, сладко потянулась и промурлыкала мотив любимой песни, звонко засмеялась, совсем не обращая внимания на охранявшего ее Мустафу, неожиданно для себя всплакнула. Все вокруг и в ней самой стало непредсказуемо, великолепно, непривычно и странно.

Веселый смех, непрошенные слезы, робкое ожидание, приятный зуд тела перемешались в чудном хороводе девичьих чувств, воскресивших в безжалостной снайперше женское начало.

Влюбляются по-разному. На миг, на всю жизнь. В лицо, тело, душу, по плану, без плана, в пятнадцать и в сорок лет. Ксюша влюбилась в двенадцать лет в десятиклассника. Потом он уехал в другой город учиться, а девочка всегда его помнила, ждала, надеясь на чудесную встречу. Так в ее памяти, вплоть до двадцати ее лет, сохранилось очарование первой влюбленности. Полузабытое чувство ожило, встрепенулись все клеточки тела, как крыло ласточки при дуновении весеннего ветерка. Девушка вновь влюбилась, через оптический прицел снайперской винтовки, в героя детских грез, своего кумира, воевавшего теперь в рядах противника. Влюбилась по-настоящему, по уши, назло своим и чужим в этой страшной и странной войне.

Ксюша долго ждала и наконец-то нашла свое счастье, свою жертву, которой сохранила жизнь для самой себя. Ей стал противен окружающий мир грязи, хаоса,

невзгод, лютых обстрелов артиллерии и авиации, мужских глоток, захлебывающихся в предсмертном крике. Сама война отодвинулась на второй план, ушла в тень, уступив место радужным иллюзиям, не соответствующим черным краскам жестокой повседневности.

Этот счастливый, только ей принадлежавший кошмар длился с субботы. Снайперша по привычке ловила на мушку «федералов», замирала, как волчица перед броском, и, не решаясь сделать прыжок, искала другую добычу. Ксюша не стреляла, страшно боясь спугнуть ту лирическую тишину, установившуюся на ее участке обороны и поселившуюся в укромном уголке девичьего сердца.

Еще несколько дней назад она стреляла без промаха, удивляя меткостью своих охранников. Убивала расчетливо и жестоко, с удовольствием ставя жирные крестики в потрепанном белом блокнотике. Для нее не существовало друзей, врагов, русских, чеченцев. Люди становились живыми мишенями, за уничтожение которых платили большие деньги. Все, что шевелилось, двигалось, бегало и ползало по ту сторону условной линии обороны, попадало под ее прицел.

Ксюша равнодушно ловила очередную жертву в окуляры оптики, сосредоточившись, прищуривала правый глаз и плавно нажимала своим ухоженным указательным пальчиком на спусковой крючок. Случайных гражданских, и в штанах, и в юбках, убивала сразу, стараясь попасть прямо в лоб и одним выстрелом вышибить из башки их дурные мозги. Таких не добивала, повезет — пусть живет. Даже подельник Мустафа укорял ее за излишнюю жестокость и за глаза называл «прекрасной стервой». Она, с охотничьим огоньком в глазах, холодно отвечала:

— Мне они для разминки нужны, винтовку пристрелять, навыка не потерять. Я их в башку наповал луплю, не мучаю сердешных.

Ее охранники опасались этой красивой, остервенелой бабы, которая при случае, не моргнув глазом, по-

жалуй, и их головы снесет, лишь бы свой спортивный интерес удовлетворить.

Солдат убивала двумя выстрелами, и тоже в голову. Знала, что они грудь пытаются прикрывать «брониками» и всякой стальной чепухой. А так — наверняка. Второй выстрел — контрольный. Как прилежная школьница, не забывала поставить новый крестик в записной книжке.

Офицеров щелкала с расстановкой, садистски, со зверским оскалом лица и душевным азартом. Сначала била по ногам, по рукам, а потом в пах. Убедившись, что все пули попали в цель, могла и не добить беднягу, оставить калекой, который вряд ли выживет. А если и выживет, то проклянет тот день, когда родился. Будет мучиться остаток жизни и все равно умрет. Точнее, подохнет никому не нужный, либо в стационарном военном госпитале, либо по пьянке, в грязной сельской луже, либо в убогой городской подворотне. Под офицеров подходили все, кто старше двадцати, независимо от формы одежды: федералы, спецназ, лысые, волосатые, с усами, без усов, с бородками и без. Мужики и бабы в камуфляже, жертвы ее дьявольской меткости, становились жирными черными крестиками в записной книжке.

И вот с неделю назад, деловито поймав очередного кандидата в покойники на мушку, она замерла, вглядываясь в его лицо. Что-то до боли знакомое показалось в облике офицера, прижимающего к груди бинокль и внимательно провожающего взглядом уходящих в поиск солдат. Какая-то сила удержала палец на спусковом крючке, и она не сделала рокового выстрела, о чем позже благодарила Бога. Это был тот самый мальчишка, из далекой юности, ставший настоящим мужчиной. Она разглядела и родинку на его щеке, величиной с горошину. А его глаза были прежними. Грустные, с синеватым отблеском. Длинные музыкальные пальцы, которыми он по старой привычке приводил в порядок свои смоляные буйные волосы. Походочка

вразвалочку, чуть-чуть с ленцою — все было его, все сохранила ее память. Теперь лишь бы услышать его голос, мелодию слов, напомнить ему о себе. И может быть... Ксюша глубоко вздохнула, пошатнула дуло винтовки, неосторожно выдвинувшись вперед и вызвав ворчание охранника.

— Демаскируешь, — выдохнул опытный вояка, секунду помедлил и решительно увлек девушку в глубокий окоп, вырытый под бетонным перекрытием разрушенного взрывом строения.

Интуиция не подвела чеченца. Русские не заставили себя ждать. Разорвав утреннюю тишину, громыхнул мощный залп ракетных установок. Череда взрывов пронеслась над землею, повалив деревья, растущие вдоль разбитой снарядами дороги. Тяжело зашатались бетонные перекрытия фундамента над головой. Рой горячих осколков и всякой всячины, поднятый взрывами с земли, как летний град, простучал по надежной крыше укрытия. Еще несколько залпов артиллерии унеслось в глубь обороны чеченцев, круша все на своем пути, убивая виновных и невиновных, собирая в свои смертоносные жернова новые жертвы. Мустафа, в который уж раз за эту и предыдущую войну, поблагодарил Аллаха за везение и небесную милость, он с удовлетворением похлопал ладонью по толстым бетонным перекрытиям, проговорил:

— Лишь бы не прямое попадание. Бункерочек что надо. — Удивленно взглянул на снайпершу, спросил: — Ксюша, ты что, испугалась?

Девушка лежала, некрасиво раскинув ноги, всхлипывала, вытирая запорошенным пылью кулачком лицо. Она с горечью подумала, что никто ее не понимает и не сможет понять накатившую на сердце обиду. Не кто иной, как ее любимый, дал команду на артобстрел, желая убить девчонку, влюбленную в него с детства. Ксюше в эту минуту было жаль себя, его, Мустафу, всех людей, стрелявших друг в друга. Она плакала,

жалея, что так нелепо сложилась жизнь. И вновь с нежностью подумала о нем.

«Бедненький, он стал офицером и воюет, начиная с Афгана. Чтобы выжить, он должен убивать. Мишенька не знал, что здесь нахожусь я. Он защищается и, по-своему, прав». Она впервые назвала его по имени и, найдя аргументы в защиту, перестала плакать, ожила. По-детски шмыгнула носом, подобрала под себя ноги, проговорила:

 Спасибо, дорогой Мустафанчик, за заботу. Нас засекли. Надо сменить позицию.

Удивленный ласковым словом «прекрасной стервы», Мустафа принял благодарность как должное, важно кивнул:

— Есть запасной вариант. Пусть утихомирятся, позавтракаем и переедем. Поперек горла ты им. Зря не высовывайся.

Ксюше не терпелось скорей прильнуть к прицелу винтовки, найти своего любимого, убедиться, что жив. Она отхлебнула из термоса несколько глотков горячего чая, закусила сыром. Проверила боезапас и поползла за Мустафой. Устроившись на новом месте, девушка сразу вычислила Михаила. Высокий и ловкий, он, как сказочный принц, манил к себе. Не шелохнувшись, она пролежала целый час. Потом Михаил исчез в глубине окопа и появился в другом месте, держа в руках карту. Что-то чертил на ней, рассеянно покусывая шариковую ручку и поглядывая в сторону чеченских позиций. Отдал приказ солдатам, которые, маскируясь, поползли в сторону чеченцев. Она с гордостью подумала, что ее Миша стал настоящим командиром, которого уважают и слушают подчиненные. Еще час понаблюдала, как солдаты, выставив наружное охранение, осматривали обнаруженную и развороченную взрывом снайперскую позицию. Так же осторожно они вернулись назад. Доложили Михаилу о результатах вылазки. Ксюша увидела, как был огорчен он их докладом.

«Птичка улетела», — подумала она, не питая злости к русским солдатам, совсем не жалея, что не открыла по ним огонь.

Решение пришло вечером, когда вернулись в бункер, где глубоко под землей отдыхали защитники города. Ночью при свете керосиновой лампы Ксюша написала записку. Она просила Михаила о встрече на нейтральной полосе, возле одинокого каштана, вечером. Утром попросила Мустафу:

— Найди человека, лучше бабу, с гарантией, что вернется. Нужно сходить на ту сторону. Хочу поиграть в кошки-мышки. Ни о чем меня не спрашивай, Мустафанчик, позже расскажу.

Парламентера нашли быстро — древнюю русскую бабку, прятавшуюся с двумя внуками на пустыре. Ксюша отвела ее в сторону и сунула в руку клочок бумаги:

— Передашь командиру. Он одет в пятнистую куртку, кепку, на груди бинокль, на боку сумка. Зовут Михаил. Внуки остаются заложниками. Вернешься — отблагодарю. Не вернешься — сама знаешь, что будет.

Старушка суеверно перекрестилась, вытерла старым платком накатившие на глаза слезы и молча взяла в руки записку. Мустафа протянул ей белый флаг, весело гоготнул:

- Парламентером будешь... Смотри не балуй, старая. Не вернешься, ножичком по горлу чик-чик, и нет внуков. Ксюша добавила:
- Я за тобой, бабушка, наблюдать буду. Если он согласен, пусть три раза махнет левой рукой. Запомнила? Три раза.

Смешно покачивая белым флагом, неуклюже перебирая больными ногами, старуха, сгорбившись, засеменила в сторону федералов. Смысла дьявольской игры она не понимала. Знала одно: играть надо строго по их правилам. Ксюша хорошо видела, как удивленные солдаты пропустили странного парламентера. Переговаривались, пытаясь понять цель этой миссии. Протя-

нув услужливо руки, помогли бабке спуститься в блиндаж, где находился командный пункт батальона.

У старухи сдали нервы. Тяжело опустившись на скамейку, сквозь слезы проговорила:

— Прячьтесь, сынки. Оружие у их точное. Баба молодая стреляет. Мне к командиру, который с биноклем и в куртке, Мишей кличут. Быстрее, сынки, у меня внуки в заложниках, боюсь за них.

Солдат как ветром сдуло в укрытие. Загорелый до черноты молодцеватый сержант с повязкой на лбу, броником на груди и снайперской винтовкой в руках эло выругался:

— Стерва, проститутка! Выжила, курва. Погоди, вычислю змеюку, хлебнешь кровавых слез. И за ребят убитых, и за бабку, и за ее внуков. Гнида живучая, матку наизнанку выверну, прибалтийская холера.

Может быть, что-то и уяснила для себя Ксюша, если бы слышала проклятия простого русского солдата? Люди стали бы людьми, а не мишенями и крестиками в записной книжке. И бежала бы она без оглядки отсюда. Стала бы любить парней, рожать детей. Может быть, может быть... Не слышала солдата снайперша, с нетерпением ожидала развязки своей авантюры.

Михаил появился неожиданно. Помог бабке вылезти из окопа и смело поднялся во весь рост. Ксюша с ликованием любовалась своим избранником. Девичьи мечты, робкие надежды сосредоточились в окулярах оптического прицела, застыли на указательном пальце ладони, на спусковом крючке. Лицо Михаила было растерянным, мечтательным и юным. Как в девичьих грезах. Он грустно и внимательно долго смотрел на дымящиеся развалины города. Ей показалось, что взгляды их встретились. Он махнул Ксюше левой рукой и медленно, глубоко кивнул головой. Как когда-то в церкви на богомолье, куда однажды девчонкой ее водила мама. Она смущенно покраснела, почувствовав иронический взгляд чеченца.

– Блажишь, девчонка. Когда говнюков щелкать будешь?

Ксюша промолчала. Дождавшись возвращения старухи, неожиданно обняла ее, сунув в ладонь горсть мятых долларов.

 Спасибо, бабушка. Это тебе. Одень и накорми внуков и не поминай лихом. Прости нас за все.

Что-то творилось в душе снайперши, появилась сентиментальность, не нужная на войне. Мустафа не выдержал, нахмурившись, проронил:

- Благодетелем работаешь? Ну, Ксенька, погоди... Она резко повернулась, глаза ее сверкнули:
- Слушай и запоминай. Ты мне не указ. Бери винтовку, стреляй федералов. Я охранять буду. Посмотрим, сколько ты заработаешь. А эти дни я в отпуске. Через прицел природой любуюсь. Надоели мне вояки, штабную крысу хочу щелкнуть, может быть, генерала, понял?

Не в планах Мустафы было ругаться. Характер у девушки — огонь, он решил примириться:

— Понял. Не сердись, Ксюш, сколько вместе хлебаем лиха, вижу я тебя насквозь. Не тем делом занимаешься, не тем. Генералы, девочка, в тылу командуют. Стреляй, дорогая, тех, кто есть. Какая разница за кого доллары получать? Ценник на всех покойников один. Не мудри. Сама знаешь, у нас слюнтяи не в почете.

Примирение устраивало и Ксюшу:

— Устала я, глаза слипаются. Двигаем на отдых. И не мешай мне свое дело делать, не спрашивай, пока сама не скажу. Ты ведь мне друг, Мустафа, правда?

Чеченец усмехнулся, задумался, еще многого не поняв из того, что «прекрасная стерва» наговорила. Решил не расспрашивать, а ждать и попытаться самому разгадать загадку.

Вечером многое прояснилось. Девушка прихорашивалась, красила брови, чистила ногти, напевала мотив любимой песни. В дальнем закутке переоделась в сиреневое платье, надела на ноги новые туфли и, безоружная, попыталась незаметно юркнуть мимо спящего Мустафы. Хитрый чеченец давно, не шелохнувшись,

полуприкрыв глаза, наблюдал за Ксюшиными приготовлениями и громко захрапел, когда она прошла мимо. Быстро вскочил на ноги, схватил автомат и, не теряя из вида сиреневое платье, двинулся следом.

Солнце спряталось за горы, смеркалось. Более темным пятном на пригорке выделялся обгоревший каштан, чудом сохранивший на верхушке зеленую листву. Ксюша торопливо шла по тропинке, панически боясь опоздать, ругая себя за долгие сборы. В той, переданной Михаилу записке она назначила первое в жизни свидание. Трехкратный взмах руки любимого вселил в сердце уверенность. Она спешила к каштану, на нейтральную полосу, где должен был ждать он. «Лишь бы взглянуть в его глаза, услышать голос, а там будь что будет», - подумала в сотый раз Ксюша. Споткнувшись о камень, неловко пошатнулась и ступила лакированной туфелькой в сторону от тропы. Услышала душераздирающие залпы артиллерии и почувствовала, что земля уходит из-под ног. Сломав каблук, разорвав на боку платье и поцарапав правый бок об арматуру, она свалилась на дно глубокой ямы, бывшей когда-то ее снайперской точкой. Схватилась руками за бетонное перекрытие, пытаясь вылезти наверх, услышала шум шагов и громкий, испуганный крик. Ударная волна взрыва сбила Мустафу с ног и бросила его тело в яму на голову Ксюши. Падение спасло обоим жизни. На севере гремел гром. Вечерние сумерки прорезали огненные трассы летящих ракет, уносящихся с позиций русских. Яркие вспышки разрывов окружили огненным хороводом одинокий каштан на нейтральной полосе. Точным попаданием снаряд разломил до основания обнаженный ствол дерева, расщепил и поломал осколками увесистые ветки, сбив с верхушки остатки зеленой листвы. На том месте, где только что рос столетний каштан, образовалась широкая воронка, сбоку от которой дымилось вывороченное из земли корневище дерева. Так же внезапно, как начался, ракетный гром прекратился. Мустафа лежал, навалившись телом на Ксюшу. Он успокаивающе гладил ладонью ее русые волосы. Девушка опомнилась, уткнулась лицом в широкую волосатую грудь чеченца, по-детски всхлипнула. Не выдержав, громко, по-бабьи, во весь голос заголосила:

— Что ты наделал, что ты наделал, мой миленький? Как мне быть, как мне быть, мой синеглазенький? Бедная, бедная я, кто пожалеет меня, приголубит, если не ты, мой хорошенький? Плохо, ох плохо мне, мой единственный. Расстрелял ты мне сердце, мой ненаглядненький. Мишенька, Мишенька, счастье мое, отзовись, подскажи, душенька, как мне быть?

Мустафа удивленно замер, с трудом переваривая мозгами услышанные слова. Вспомнил о вечерних приготовлениях, о странном поведении девушки в последнее время, сопоставил услышанное и наконец-то понял, что творится с отважной снайпершей.

Случилось дикое, невероятное. «Прекрасная стерва», умудрилась влюбиться через оптический прицел винтовки! Поход бабки парламентером, недельный отпуск, затишье на их участке — вмиг все стало ясно. Почему-то ему стало досадно и больно, чувство сильной обиды ворвалось в сердце. Чеченец резко оттолкнул девушку, зло тряхнул ее за плечи, сквозь зубы язвительно процедил:

— Замолчи, замолчи, стерва. В кошки-мышки играешь? И вашим, и нашим? Так не бывает. Сколько людей убила, так нет, еще любовь подавай. Устрою тебе сладкую жизнь с твоим миленьким.

Он влепил ей звонкую пощечину, грубо оттолкнул в угол ямы. Так и не решив, что делать дальше, отчетливо почувствовал на середине лба холодную сталь своего автомата. Слух прорезал леденящий шепот снайперши:

— Вояка хренов, оружие бросил. Теперь молись своему Аллаху, вымаливай прощение. Угрожать мне вздумал. Застрелю, гад.

Слишком хорошо знал чеченец характер своей

«прекрасной стервы». Понял: она не шутит. Страх сковал его ноги, по спине потекла струйка пота. Он судорожно сглотнул слюну, мучительно вспоминая, снял ли с предохранителя оружие. Медленно положил повлажневшую ладонь на голову девушки. Мягко и бережно погладил ее волосы. Другой рукой плавно отвел ствол автомата в направлении противоположной стены. Опустился на корточки, осторожно обняв девушку за талию.

— Не сердись. Попытайся понять меня. Надо уходить, пока русские не надумали повторить артобстрел. Отдай пушку. Утро вечера мудренее. Ксюша, идем спать. Не забывай, что мы боевые друзья, девочка. Я хочу как лучше. И тебе, и мне.

Ночью ей снился сон. Нет войны, буйная майская зелень, солнечная даль, и она с Михаилом плывет на белом теплоходе по синему морю. Он нежно обнимает ее и ласково целует волосы, шею, губы. Слегка, играючи, щекочет мягкой бородой Ксюшину грудь. Она звонко смеется, берет его за руку, и они в одежде прыгают в голубую гладь воды. Берег совсем рядом, ракушечный пляж и прямоугольный свадебный стол, полный угощений. Мокрые и счастливые, они бредут по мелководью, слушая крики чаек. Он бережно берет ее на руки, зарывается головой в Ксюшины волосы и сушит своим теплым дыханием. Их встречает смеющийся Мустафа с товарищами по блиндажу, русские солдаты, ее крестники. Живые лица жертв, ставших мишенями снайперской винтовки. Мужчины садятся за стол и десятком молодых глоток кричат: «Горько». Льется шампанское, звенят бокалы, звучат тосты. Она — в сиреневом платье, он — в новой офицерской форме — танцуют вальс. Гости хлопают в ладоши, приветствуя молодоженов. Мустафа дарит ей огромный букет цветов и мощными ручищами обнимает Ксюшу за талию. Вдруг она чувствует мертвую холодность его рук, предсмертный всхлип. В ужасе Ксюша ищет глаза Михаила, и вместо них! — мертвецкий оскал его лица, сквозные

дыры в глазницах, два ряда почерневших зубов зловеще предстали перед девушкой. Кругом за столом толпа покойников, возбужденно стучат костяшками суставов и тянутся к ней мерзкими губами за поцелуем. Ксюша кричит, хватается руками за обнявшего ее Мустафу. Чеченец со скрежетом падает к ее ногам, рассыпается в прах, в серую пыль. Захлебываясь в крике, она замечает, как остывает кровь в жилах, падают волосы с головы, с пальцев — ногти, сморщивается кожа. Тело Ксюши деревенеет и молниеносно превращается в сверкающий на солнце скелет. Два скелета, ее и Михаила, держась за руки, падают на прах Мустафы, ломаются, превращаясь в бесформенную груду костей. К ним из-за стола бегут другие скелеты, падают, падают, образуя большую кучу. Над кучей, как флаг, глядя в небо, торчит дуло оптической винтовки, на острие которой висит Ксюшина записная книжка.

В этот момент девушка просыпается, открывает глаза, тревожно ощупывает себя с ног до головы. Приподнимается с брезентовой подстилки, садится, прижав колени к подбородку, вспоминая приснившийся сон. Разгадать его она не в силах. Ясно одно — надо торопиться, пока не сошла с ума. А там будь что будет!

Она натянула шерстяное платье, повязала голову старухиным платком, всунула ноги в тапочки со стоптанными задниками и разбудила сладко спящего Мустафу. Проснувшийся чеченец удивленно взглянул на ее маскарад. Ксюша, потупив глаза, пояснила:

— Мне снился дурной сон, Мустафа. Ты и я, все мы покойники. Что-то надо менять, я больше не хочу стрелять. Не отговаривай меня. Я должна сходить к нему, иначе сойду с ума. Помоги мне в одном: держи на мушке. Если догадаются, будут брать в плен — пристрели. Только не тронь его. Он не виноват и в любом случае должен жить. Я в бабкином платье пойду, скажу: мать ее внуков, — думаю, поверят, они доверчивые. Помни, Мустафа, обманешь — на том свете найду, ты меня знаешь. Кроме тебя, у меня

ближе человека нет. Он и ты. Мне надо разобраться с ним. Вернусь — там решим, как жить дальше.

Чеченец слушал, укоризненно качал головой, искренне жалея свою «прекрасную стерву». Понимал: отговаривать упрямицу нет смысла. Лучше быть в курсе дела, иначе наворочает дров, как в тот раз. Он молча кивнул ей головой и пробормотал:

— Кошки-мышки, кошки-мышки, ай да кошки-мышки.

Они выбрались из бункера и через час были на передовой позиции. Закусив губу, через прицел она искала его. И он появился. Смело вышел на открытое место и приветственно помахал рукой. От удовольствия видеть Михаила лицо Ксюши покрылось багровым румянцем, в глазах появились озорные искорки. Полюбовавшись избранником, девушка сползла в окоп. Медленно отряхнула платье, повернулась к Мустафе, протянула винтовку:

 Держи. Помни наш уговор. Дай мне доиграть игру, помоги и прости, если что случится.

Она обняла за шею своего верного оруженосца, прижала его голову к своей груди, ласково погладила его лицо. Искренне поцеловала длинным поцелуем в вспотевший от напряжения лоб. Долго смотрела в осунувшееся и загорелое до черноты лицо Мустафы, с грустью прошептала:

— Хороший ты у меня, самый-самый... Давно любишь меня, знаю, любишь, женское сердце не обманешь. Ты молчи, до встречи молчи. Все у нас еще впереди. Я знаю.

Ксюша легко оттолкнула чеченца, схватила с земли флаг, помахала им и сделала первый шаг к позициям федералов. Она приближалась к русским, зная наверняка, что ее засекли наблюдатели и уже доложили наверх, по команде. Последние метры шла смело, понимая, что ее уже не убьют. Ловко спрыгнула в глубокую, узкую траншею, громко крикнула:

— Ведите к командиру, я за парламентера.

Разбитной солдат с повязкой на лбу и снайперской винтовкой в руках плотоядно осмотрел с ног до головы Ксюшу. Восхищенно свистнул, сообщил товарищам:

— Опять баба! Везет же нам. Ты как, старуха, на свидание к командиру или как?

Девушка с издевкой ответила честно:

- К нему, родименький, не к тебе, черноглазенький. Веди, чечены ждать не любят.
- Чечены хрены, их снайперша ребят стреляет, старуха говорила. Вернешься обратно, встретишь курву, передай доиграется стерва, вычислю гадину.
 - Хорошо.

Ксюша передернула плечами, поразившись словам солдата в свой адрес. Как сквозь сон, услышала его приказ:

 Громов, отведи девушку к командиру, пошевеливайся.

Они шли в глубь позиций федералов. С интересом разглядывала их хозяйство, отвечая рассеянной улыбкой на взгляды обвешанных оружием бойцов. В зеленеющей лощине заметила расчеты минометов, за ними тяжелая артиллерия. За небольшим леском виднелись стволы нескольких ракетных установок. Между боевыми порядками сновали юркие боевые машины пехоты. Заглушая шум их моторов, урчали двигатели тяжелых танков. На оборудованную площадку заходил вертолет, к которому ехала санитарная машина. Шла обыденная полевая жизнь тыла армейского подразделения, основательно обжившего этот участок местности.

Девушка только сейчас поняла, с какой силой приходится воевать. А чеченцам стрелять-то скоро будет нечем. Склады уничтожены, ни авиации, ни артиллерии, ни танков. Разве можно победить эту военную махину? Целое государство — силами наемников? «Наша пальба им как слону комариный укус, — подумала она. — Неприятно, но не смертельно. Плохи дела. Растопчут они чеченцев в пух и прах, раздолбают, если

сам черт не поможет. И конец будет один: как решат в верхах, а не на поле брани. Пора, Ксюша, свою судьбу самой определить. Сегодня, сейчас. Вместе с Мишей».

Они спрыгнули за кирпичную кладку обвалившейся стены, где пряталась штабная палатка. Сопровождающий попросил подождать, скрывшись внутри. Она присела на пустой снарядный ящик, глубоко вздохнула, теребя пальцами край платья. Чудесным образом превратившись из смелой снайперши в смирную девочку, Ксюша робко подняла глаза.

Он стоял на выходе из палатки и смотрел на нее грустными синими глазами. Слабый ветерок шевелил его волнистые волосы. Он поглаживал их рукой, как в юности, снизу вверх, слегка прихлопывая ладонью по хохолку. В этой жизни они должны были обязательно встретиться, как сейчас их глаза. Его — любопытные. Ее — беспомощные. Она первая торопливо, сумбурно заговорила:

 Меня послали чеченцы, здравствуйте. Через полчаса я должна вернуться.

Он кивнул, по-мужски, откровенно любуясь ее красивым лицом, тихо спросил:

— Ты кто?

Лицо Ксюши вспыхнуло, покрылось багровым румянцем. Одна половина девушки готова была признаться, довериться, рассказать обо всем. Другая говорила: не смей, не имеешь права, не торопись. Победил инстинкт самосохранения. Она скороговоркой выпалила:

— Воспитательница детского сада. Сад разбомбили, с детьми прячемся в подвале. У меня два сына, муж убит. С ними бабушка, которая к вам приходила. Они в заложниках до моего возвращения. Меня попросили передать письмо и подождать ответа. Вот, возьмите.

Ксюша протянула листок бумаги и быстро отдернула руку. Он подхватил упавший листок, его лицо озарила улыбка:

— Не бойся, я не кусаюсь. От кого письмо?

Не дождавшись ответа, развернул листок, стал читать. Девушка осмелела и откровенно, жадно смотрела на Михаила, сравнивая сегодняшнего мужчину с вчерашним десятиклассником. Настоящий был мужественней, обаятельней и желанней. Она не разочаровалась, наоборот, была довольна произошедшими с ним переменами. Не мог не заметить и он волнения девушки, ее страстного взгляда. Что-то странное происходило и с ним в эти минуты. Его как магнитом притягивала эта девушка, путая мысли, прерывая нить служебного разговора. Хотелось только смотреть, любоваться ею, забыв о войне. Михаил сложил листок пополам и рассеянно сунул в нагрудный карман. Ксюша незамедлительно напомнила:

— Прочитал? Каков ответ?

С замирающим в ожидании сердцем она торопила события, боясь выдать себя словом или жестом. Он сказал совсем другое, то, что хотелось услышать:

— Меня зовут Миша. А ты... кто ты?

Она пристально посмотрела в его глаза и решила не лгать:

- Официально Ксения, для друзей Ксюша.
- Хорошо, Ксюша. Почему послали именно тебя?
- Хотели бабушку, разболелась старая. Сказали идти мне, нести это письмо и ответ, по возможности.
 - Ты знаешь автора письма?
 - Видела, она сама дала мне этот листок.
 - Скажи, она красивая, как ты?
 - Красивая, я ей в подметки не гожусь.
 - Сколько ей лет?
 - Около двадцати. Совсем молодая.
- Молодая... Стреляет, как матерый зверь. Бабка твоя рассказывала. И откуда в бывшем Союзе такие берутся?
- Не знаю. Ваши снайперы не хуже, бьют наповал любого.
 - А ты откуда знаешь, воспитательница?

- Слушаю, рассказывают, поневоле общаюсь с ними. Жизнь заставляет, сам понимаешь. Пиши ответ.
 - Понимаю. Может, останешься?
- А дети и бабушка? С живых шкуру сдерут. Делай, как она сказала, время не ждет.
- Ты знаешь, что написано в письме?
- Нет, меньше знаешь лучше спишь.

Он опустился на землю, достал ручку, листок бумаги. Изредка поглядывая на Ксюшу, стал писать. Сейчас ей хотелось, чтобы он обо всем догадался, уличил во лжи. Отгоняя эти мысли, она нарушила тишину:

— Велели спросить про каштан. Это был твой ответ на первое ее письмо?

Михаил приподнял голову, усмехнулся, прищурив глаза, сложив листок, протянул ей:

- Возьми. И скажи: война и любовь несовместимы. Мы противники. Я защищаю добро, она зло. «Солдат удачи». За деньги моих хлопцев хлещет. Вчера троих убила. Как это называть? Любовь ко мне? Я как прокаженный в глазах ребят. Лезу на рожон жалеет, не стреляет. Каштан, свидание. В своем ли она уме? О какой любви можно говорить, когда моя возлюбленная моих друзей лихо расстреливает? И где научилась так стрелять? Для меня она снайперша, понимаешь, снайперша-убийца. И так будет до конца войны.
- Понимаю. А после войны? Велели спросить: вы женаты?
- Трудно загадывать. Я холостой. Был женат, да не судьба. Не дождалась меня с первой войны. Не об этом сейчас речь. Она написала, что знает меня с юности, узнала через оптический прицел винтовки. Бывает и такое, невероятное, в жизни. Я верю ей, и мне жаль ее. Одно могу сказать: пусть уходит из города, так будет лучше и ей, и мне. Ответа не будет, передашь на словах. И эти переговоры последние. Будет мне втык за вас. Что я скажу начальству? О любви, о свидании, о каштане? Запомни, после войны меня нетрудно най-

ти, зная фамилию и имя. Пусть уходит и не стреляет. Богом прошу, заклинаю любовью и всеми святыми.

Он говорил быстро, отрывисто, с горечью и обидой, глотая слова, нервно теребя пальцами листок бумаги. Наконец порвал его на мелкие кусочки и кинул под ноги девушке. Она быстро нагнулась, желая поднять, и громко вскрикнула, заметив, как ветерок разметал исписанные клочки в разные стороны. Ксюша сникла, опустила плечи, отчетливо понимая, что никогда не узнает, что написал ей Михаил. Не сумев сдержаться, она разрыдалась, вытирая слезы старушечьим платком. Длинные волосы девушки распустились по плечам, открыв всю девичью красу. Пораженный, Михаил удивленно замолчал, неожиданно прижал ее дрожащее тело к себе, прошептал:

— Уходи скорее, воспитательница, и помни, что я сказал. Сейчас не время и не место. Вытри слезки, я провожу.

Они молча достигли передовых позиций федералов. Словоохотливый снайпер не удержался и на прощание крикнул:

— Приходи еще, милости просим. «Духам» передай: труба их дело, пусть сами себе харакири делают, пока я не сделал. Так и скажи этой проклятой снайперше: сержант Вова расчет получить хочет. Натурой, ее головой. Командир, дальше опасно. Не ходите, стрельнет.

Михаил кивнул заботливому сержанту, прошел несколько шагов, поднявшись на бугорок, остановился. Вырвал листок из блокнота, по-доброму усмехнулся, что-то черкнул и протянул Ксюше:

— Возьми, воспитательница. Это тебе ответ. Сегодня у снайперов перемирие, но чем черт не шутит. Наши олухи тоже без разбора лупят, могут и в спину. Я на видном месте стоять буду, пока ты до своих доберешься. Так они не посмеют. Ох уж эта война. Чертовщина, а не война, даже на Афган не похожа. Одни заваруху начинают, другие капиталы наживают, третьи страдают, четвертые по-

гибают. Мне холостяком легче в войнушках участвовать, никто не ждет. Мать умерла, жена бросила. Только вот жизнь проходит, а ты гол как сокол. Без дома, без семьи. Не вечно война будет, но надо надеяться на лучшее. Уходите из города, красавица. Мы не отступим, будет штурм. Первыми пострадают женщины и дети. Я не хочу вашей гибели, понимаешь, не хочу. Теперь иди и помни мои слова. Как говорят, ни пуха тебе, ни пера.

— К черту, — прошептала Ксюша, плотно сжимая в ладони драгоценную записку, приблизилась к нему, обняла за плечи, заглянула в синеву его глаз, засмеялась: — Снайперша просила поцеловать тебя. Она наблюдает в прицел, это главное ее условие.

Она потянулась к нему, зажмурилась, почувствовав его дыхание и дурманящий привкус солоноватых губ. Навиду у своих и чужих они замерли в первом и последнем поцелуе, крепко обняв друг друга. Опомнившись, она неловко оттолкнула его, виновато сказала:

— Еще заревнует, пальнет с обиды. Мне пора, не обессудь, дети и бабушка ждут. Понял, бабушка и дети?

Ксюша пальцами прижала ему губы, глазами попросила молчать, вывернулась из его объятий и прощально махнула рукой. Она шла, не оглядываясь, зная наверняка, что он растерянно смотрит вслед.

Михаил повернулся к болтливому сержанту и гром-ко приказал:

— Передай по цепочке — не стрелять. Без приказа не стрелять. Иначе и меня уложат, сейчас могут и не пожалеть. Понял, Вова? Не стрелять!

На полдороге девушка не вытерпела. Присела, воровато оглядываясь, и быстро расправила смявшуюся в ладони записку. На листке чернели три слова и восклицательный знак, которые все прояснили для Ксюши. Они были сильнее обычного объяснения в любви. Всего три слова: «Это была ты!»

Девушка выпрямилась, прижала к сердцу дорогой листочек и пропела пришедшие на ум слова простой песни:

> Миленький ты мой, Возьми меня с собой, И там, в краю далеком, Буду тебе женой.

Ей захотелось закричать от счастья, рассказать всему свету добрую сказку о своей любви, обнять и зацеловать ставший прекрасным мир. Вот и он, ее верный Мустафа, мрачно смотревший в прицел снайперской винтовки, направленной в сторону федералов.

Чеченец помнил их договор все время, пока девушка находилась у федералов. Видел болтливого русского снайпера, которому Мустафе ничего не стоило одним выстрелом раскроить черепную коробку. Наблюдал с лютой злобой, как они прощались на пригорке, прижимались друг к другу. Тогда он сжимал до посинения указательный палец правой руки от желания завалить обоих. Вытерпел позор Мустафа, взяв теперь не ее, а его на мушку. Видит Аллах, он играл до конца.

Ксюша не учла главного, страшного, что может быть только на войне, где многое видится через прицел винтовки. И чеченец тоже любил. По-своему, суровой солдатской любовью, по законам гор, где он родился. Суровый воин принимал как должное духовную близость девушки, заботился, оберегал ее, не щадя жизни. Он считал ее своей собственностью, частью необходимого интерьера, без которого не стоило жить. Мустафа был влюблен по-своему, по-настоящему. То, что он наблюдал в прицел оптики, перевернуло его душу, появилась бешеная ненависть к сопернику. Слова песни, нежный голосок Ксюши усилили ярость и ускорили развязку. Чеченец торопливо приподнял дуло винтовки, вывел перекрестье оптики на голову Михаила, в глубокую морщинку у него на лбу, с обидой пробормотал:

— Будут вам кошки-мышки...

Прицелившись, плавно нажал на спусковой крючок. Во всю грудь облегченно вздохнул, когда увидел, что пуля попала точно в цель. Не стал мудрить и для верности сделал два выстрела по фигуре падающего человека. Ксюша громко вскрикнула, всплеснула руками, поняв страшный смысл выстрелов, завыла, бросившись с кулаками на Мустафу, отчаянно закричала:

- Что ты наделал, что ты наделал, как ты мог? Чеченец схватил ее за руки, рывком бросил на дно окопа, прорычал:
- Это ты виновата во всем, только ты... А в это время друг и заместитель Михаила, собрав ротных командиров в штабной землянке, виновато говорил:
- Доигрались в парламентеров. Говорил ему: не верь чеченам, особенно бабам. Избежать кровопролития захотел, уговорить сучку не стрелять по нам. Вот как получилось. Переумничали, недооценили курву. Теперь исправлять ошибку будем. По всем правилам военного времени. Личный состав приготовить к атаке! Артиллерия к бою! Радист, передавай: квадрат тридцать дробь два, отработать полный залп, чтобы все и всех сжечь к чертовой матери. Потом зачистка, в плен не брать. Ни баб, ни мужиков.

Артиллеристы быстро провели корректировку, и десятки стволов ракетно-залповых установок «Град» рыкнули своим звериным ревом.

Ксюша еще успела оттолкнуть Мустафу, вылезти из окопа, с болью и надеждой взглянула в сторону федералов. Услышала знакомый грохот ракетных установок. Следом показалось заросшее седой щетиной, искаженное гримасой страха лицо Мустафы. Он успел крикнуть: «Нас засекли, теперь накроют», — как ударная волна ударила по ним. Осколок величиной в кулак врезался в шею чеченца ниже подбородка, раздробил гортанную полость, разорвал вены и сухожилия. Сотни кровяных искринок полетели в девушку, обрызгав ее с ног до головы теплым красным дождем. Оторван-

ная голова Мустафы с выпученными, еще живыми глазами кувыркнулась в воздухе и упала на грудь девушки. Ксюша машинально погладила плешь чеченца, скользнула ладонью вниз и обнаружила пустоту. Осознав случившееся, двумя руками оттолкнула от груди голову Мустафы, которая тяжело шмякнулась на дно окопа. Мельком заметив лежавшее рядом, дергающееся в конвульсиях тело, вспомнила приснившийся сон. Отчетливо поняла его пророческую суть. Размазав по лицу кровяные капли, оглохшая и равнодушная ко всему, она поднялась на ноги и, шатаясь, как пьяная, побрела по полю в сторону федералов. С долей надежды взглянула на бугорок, где попрощалась с Михаилом, и, не найдя его, окончательно сникла, смирившись со своей участью. Теперь она торопилась мысленно проститься с близкими ей людьми, попросить у них прощения, и, может быть, не только у Михаила и Мустафы, но и у всех убитых в этой войне русских и чеченцев. Опустошенная, безразличная ко всему живому, она ждала, как избавления от душевных мук, скорой и легкой смерти. И боги смилостивились. Повторный залп ракетных установок поставил точку. С бешеной скоростью снаряд ворвался в ее тело. Разорвал на тысячи песчинок то, что секунду назад было человеком по имени Ксюша, навсегда примирив ее со всеми.

Через полчаса федералы произвели зачистку местности, но трупа снайперши так и не нашли. На обвалившийся и засыпанный землей окоп не обратили внимания. Последним, плюясь, уходил снайпер Вова, на глазах которого был убит Михаил. «Выжила, выжила, стерва, — бубнил он под нос, нервно сжимая свою винтовку. — Все равно достану, заплатишь мне за командира кровавыми слезами, гадина».

А ночью приползли чеченцы. Молча разрыли саперными лопатками обвалившийся окоп, бывший последней позицией снайперши. На самом дне нашли похолодевшую человеческую голову, покрытую сгустками кровяной пыли. Под головой обнаружили снай-

перскую винтовку и тонкий белый блокнот. Без труда определили чья голова и завернули в брезентовую накидку. Дальнейшие поиски ни к чему не привели. Ни тела Мустафы, ни трупа девушки не обнаружили.

Молодой безусый чеченец повертел в руках винтовку и довольно цокнул языком:

 Ксюшкина оптика, бьет без промаха. Ахмет, запиши меня в снайперы. Хочу в кошки-мышки поиграть. Может, что получится.

Командир одобряюще похлопал его по плечу:

- Бери, играй на здоровье. Ксюшка шутила про кошки-мышки. Отшутилась: разнесло бедняжку в клочья, и Мустафу с собой прихватила. Отличный вояка был, подол бабьей юбки подвел. Одна голова осталась, что с ней делать будем?
 - Похороним где взяли, сама место выбрала.
- Правильно. Клади аккуратно на дно и блокнотик рядом. Никому ее крестики не нужны. Пусть земля им будет пухом.

В это же время в штабной землянке федералы прощались с командиром. В изголовье, на тумбочке, стоял граненый стакан водки и лежала ржаная корка хлеба. Сослуживцы добрым словом поминали командира, крыли отборным матом снайпершу и всю Чечню.

В небе появилась луна, которая одинаково светила всем, не деля врагов на черных и белых. На русских и чеченцев. Никто не знал, сколько продолжится эта война и сколько будут гибнуть люди. Свои и чужие. Чужие и свои. Граждане одной страны.

и смех, и слезы

Из жизни полковника Александра Белобородова

По субботам мы любили собираться в пивнушке на широкой улице, вблизи огромного озера. Мы — это летуны и технари, те, кто прошел Афган, но побывал и

в других дерьмовых «войнушках». Это цвет бывшей кадровой Советской Армии, выкинутый на задворки перестроечного времени. Капитанами, майорами, полковниками теперь мы были только в запасе. Нам дали неплохой «харч» в виде пенсии и регулярно платили, дабы «бывшие» не двинули, как шахтеры, требовать свои права на Горбатый мост. В принципе, политики поступили мудро во всех «суверенных» государствах, не обидев бывших вояк в куске хлеба. Иначе бы... Трудно предположить, что бы творилось в нашей многострадальной стране. Теперь же нас всех объединяло одно слово — пенсионер.

Вечерами, с грустинкой в глазах, мы замирали, задрав головы в небо, когда над нами тарахтели боевые вертолеты. В душе искренне завидовали молодым лейтенантам и капитанам, пришедшим на смену. По старой привычке, вытягивали руки по швам, когда под стук барабана, твердо печатая шаг, шли по строевому плацу солдаты. Просыпались ночами от быстрого стука каблуков сапог спешивших по тревоге офицеров. И только вместе, в кругу друзей и сослуживцев чувствовали себя в своей тарелке, друг другу нужными, близкими людьми. Вероятно поэтому, хоть раз в неделю подразными предлогами вырывались из дома на «пиво», к своим друзьям и товарищам на «мальчишник», в пивбар около озера.

Через дорогу от облюбованной пивнушки стояла ветхая, обшарпанная, лягушечьего цвета банька. И в субботу, к вечеру, с березовыми вениками под мышкой, суетливые и довольные, встречались в сумрачном, с облезшей на стенах краской, облупленным потолком, коридорчике баньки. Веселой, гогочущей толпой вваливались в раздевалку. Со смехом, прибаутками и гиканьем рассасывались в длинных рядах голубых, однотипных шкафов. Через пару минут голышом вновь встречались в моечном зале. Брали в руки медные, с погнутыми краями тазы, кучковались и занимали осво-

бодившиеся бетонные лавочки. Мыли, скребли друг другу спины, болтая о всякой «банной» чепухе. Все ждали громового голоса деда Белоборода, своего полковника — седовласого, огромного роста балагура и великого рассказчика. Наконец-то вдоволь намывшись, он обливался холодной водой и шел в парильню. «Наш дед» терпеливо ждал последнего заядлого парильщика-чужака и закрывал дверь на крючок. Обожал сам наводить чистоту и порядок. С полчаса выдерживал парильню в одиночестве, добродушно поясняя всем, что «сушит воздух».

Ну и любил дед Белобород париться! Не щадил ни себя, ни нас грешных. Отдубасившись «березнячком», охая и ахая, покрасневшие с ног до головы, умиротворенные и счастливые отдыхали мы в предбаннике. Глотали из горлышка горьковатое пиво и вспоминали веселые истории из своей жизни. Смеялись от души над Колей Литвиненко, который вдрызг пьяный принял встречный столб за местную блатову и учинил кровавую драку. В итоге, с шишкой на лбу, в разорванной рубахе угодил он в медвытрезвитель. Дед Белобород разгладил пышные усы, хмыкнул и с присущей только ему ленцой, заговорил:

— Мужики! И смех, и слезы. Хотите — верьте, хотите — нет. Со мной случилась вот такая история. Как в фильме «Ирония судьбы», только шиворот-навыворот.

Молодой я тогда был и спиртишко любил пить, как, впрочем, и сейчас, от чистогана не откажусь. Разок под газами рулю я до дому, до хаты. По дороге еще пивком побаловался, сделал «ершика». В голове полный «шабаш» наступил. Сам не знаю, как от ребят отстал. Иду, ноги тяжелые, как ватные, туда-сюда ставлю, еле передвигаю. То с правым, то с левым креном, с сильнейшим пикированием и кабрированием, прямо по лужам и грязи упорно держу курс в военный городок. Благо, на улице мрак, как у негра в заднице. Думаю: тихо-мирно дорулю, нигде не засвечусь. А спать хочу! Мочи нет.

В кустарнике было примостился, но вовремя опомнился. Прохладно, околею к утру к едрене фене. Все же сориентировался и вырулил наконец-то в район новостроек. Вижу сумрачные силуэты родных девятиэтажек. А они, как в том фильме, стандартные, как любил говорить мой батя, царство ему небесное, — на одну рожу. Разбираться мне недосуг, где какая рожа высвечивается. Маячит перед глазами уютный диванчик, мягкая подушка пуховая, одеяло ватное. Около кухни ванна, где я грязюку «банную» отмыть мечтаю. Красота! Влетаю в подъезд. С трудом поднимаюсь на пятый этаж. Голова кружится от высоты, зевота одолевает. Мысля в башке только одна свербит: как бы на боковую упасть. Бог с ними: ванной, одеялом, подушкой и диваном. Можно и на полу примоститься, возле обуви. Не до жиру. Жена на то и жена — поворчит, подымет, разденет, отмоет и спать уложит. Может, еще сто грамм нальет, чтобы я спал, а не песни пел. Была у меня привычка: пьяным под Магомаева косить. Должность, мужики, у женушек летчиков, сами знаете, опасная и ответственная. Всегда надо четкую позицию иметь, как со своим пьяным летуном контактировать. А моей не в первый раз и не в последний такое дело. Не привыкать. Стучу в дверь, заранее придумывая вескую причину моего пьяного состояния. Дверь приоткрывается, я резко толкаю ее, дабы супруга не смогла раньше времени запеть скандальные романсы и показать фигу. Да, и такое бывало в моей семейной практике. Дверь распахивается настежь, и я молниеносно вваливаюсь в прихожую. Глаза мои полузакрыты, маскируюсь на всякий случай — вдруг пронесет и благоверная спросонок не заметит, какой я домой прибыл.

Вижу, Бог мой, какую-то незнакомую женщину с утюгом в руках! Она пялится на меня, я, изумленно, — на нее. Меня как током стукнуло, вспомнил — накануне цыгане по городку шастали. Воровка, значит. От ее наглости меня как в парилке в пот бросило. Думаю: ах

ты цыганское отродье, мой утюг слямзить вздумала. Сделал строгое лицо и спрашиваю прокуренным, громовым голосом:

— Кто такая, куда жену подевала и зачем утюг потащила?

А она тонюсеньким голосом отвечает:

— Люся я, живу здесь... А вы кто?

От ее нахальства меня нервная дрожь пробила. Держусь рукой за косяк двери, стараюсь всем видом показать, что крепко на ногах стою, а сам на утюг поглядываю. От цыганки всего можно ожидать. Грозно рявкаю:

— Разберемся. Утюг-то поставь. И давай топай отселе.

Поставила она утюг на пол, стоит, не уходит, чегото ждет, на меня глазищами зыркает. Не вовремя ты, красавица-цыганочка, на мою голову объявилась. Жена заявится — скандал будет... И за пьянку, и за гулянку. И оправдывайся потом за свою двойную вину. Решил все же, ехидно так, со злорадной улыбочкой, ее спросить:

— A, значит, Люся, ты теперь здесь живешь? A я потвоему где? На Венере?

В ответ она нахально улыбается своими чарующими глазищами, разводит руками и с издевкой тянет:

— Не знаю. Может быть...

Рассуждаю про себя: не применять же силу к нахалке. Цыганка тоже человек. Ищу место, где бы мне прикорнуть в уголке. Не на диван же ложиться. Сбежит цыганка с утюгом, да и жена ревновать будет. Огляделся по сторонам. Смотрю, на стенах обои заморские, каких я сроду не клеил. Трельяж ручной работы лакированный стоит. Куда, интересно, делся мой, огонь и воду прошедший, с разбитым зеркалом? И шифоньер двустворчатый, с позолоченной каемкой явно не мой. Куда третья створка делась? Поперечная трещина на антресолях испарилась. Смотрю: на вешалке китель висит. На нем погоны майорские. Точно помню, что майора я не обмывал, капитаном уже который год похаживаю. Соображаю, на цыганку, или кто она там, поглядываю, врубаюсь помаленьку в ситуацию. А она улыбается, со смехом тянет:

— Я вас знаю, вы ошиблись... С кем не бывает. Ваш дом следующий. Может быть...

Не попрощавшись, пулей выметаюсь из квартиры. Рассуждать и оправдываться мне недосуг. Глаза слипаются, ноги подкашиваются, распроклятый диван с подушкой и одеялом мерещится. Решительно вхожу в следующую девятиэтажку. Стучусь, никто не открывает. Барабаню изо всех сил. Не открывает жена, как подзаборную собаку у порога на коврике расположить хочет. Не выйдет! Как отбойным молотком стучу в дверь. Вдруг мысль гадкая в голове пронеслась: пока я водку жрал, она хахаля привела. Прячет его, стерва! Кровь закипела в моих жилах. На моем диване, на подушке и под одеялом. Кто же он? Отошел от двери и плечом хряк. Косяк прогнулся, а замок держит. Удивляюсь: когда Нинка замок новый вставила? Мой-то на одних соплях держался. То-то вчера про слесаря говорила. Вот теперь слесарят там вдвоем. Хахаль замок вставил, постарался оплатить услуги. Поганые, ох поганые мысли в голове. Возненавидел я свою благоверную. Кару ей придумываю. Тут сразу два мужика из соседних квартир выходят. Здоровые лбы. Морды дубовые, совершенно незнакомые.

- Ты, парень, чего, спрашивают, здесь колготишься?
- A вы кто такие? зло и с вызовом отвечаю вопросом на вопрос.
 - Мы местные, живем здесь. А ты где?
- На Венере, отвечаю и со злостью спрашиваю: Что-то вас не признаю, ребята. Какого полка и роты? И куда жену дели?
- Из танкистов мы, а ты кто, жулик гражданский? Если не секрет, как жену зовут?
- Капитан я, а не жулик гражданский. А жену Ниной зовут, поняли, Нинкой, кричу им в рыло, готовясь к рукопашной схватке.

Поговорили они между собой. Слышу, один другому шепчет:

— Верно, ее Ниной зовут. Пойми этих баб, может, и правда замуж вышла за этого чудика.

Подмигнули они мне по-мужицки и убрались восвояси.

«Вот тебе раз, — печально рассуждаю. — Не муж теперь, а чудик, и все мою Нину знают, подмигивают мне, как блудному коту, который чужую кошку обхаживает. Вторую пятилетку женат, а они, кобелины, меня повторно женят. На жене моей. Ну, Нинка, погоди, выведу на чистую воду. Развод теперь, только развод. Стыдобища какая!»

Жалко мне себя неприкаянного стало. Хоть плач. Рука потянулась к звонку. Вспомнил, что вчера отремонтировал, зря ногами дверь колошматил. Дзинь, дзинь, дзинь — звенит. Звенит-то звенит, но совсем не как мой. Мой рявкнет — мертвого разбудит. Неужели хахаль звонок поменял? Делать ему нечего, что ли? Протираю свои зенки. Мама родная. Кнопка звонка черная, ручка серая, дверь новой краской покрашена. Все двери в подъезде другого цвета. Кубарем качусь вниз и вскоре вылетаю на улицу. Костерю на чем свет всех женщин на свете. Особенно Люсю, которую за цыганку принял. Посоветовала черноглазая мне в следующей многоэтажке свою хату искать. Поверил — не проверил и снова влип. Благо, хозяйки дома не было, и ребята танкисты покладистые оказались. А на душе, верите ребята, соловьи поют. Отпустила боль от сердца. Зря я свою Нинку костерил, и правда, чудик я. На радостях в голове просветлело на миг.

Теперь уж наверняка заруливаю в свою девятиэтажку. Подъезд по клумбе определил, где в прошлую субботу до рассвета отдыхал. Жена к утру в квартиру пустила, дабы позора избежать. Лампочки не горят, темень. Отсчитываю этажи. Будто пятый. Теперь российский бардак костерю и всех строителей на свете. Нащупал звонок. Нюхом чувствую за дверью диван с подушкой и одеялом. Уверенно звоню. Дверь открывается. Мать родная! Командир моего полка, собственной персоной, в шлепанцах и халате, недовольно усы поглаживает. Тут уж мне поганые мысли в голову не приходят.

 Извините, командир, — мямлю. — Темнотища, этажом ошибся.

Командир недовольно и снисходительно улыбается. Я еще успеваю приложить руку к пустой голове, как дверь резко закрывается, и я вновь лечу вниз. Мне уже на все наплевать. Наверняка знаю, что теперь в своем доме и подъезде нахожусь. Осталось квартиру определить. Снова поднимаюсь, спичками подсвечиваю. И так три раза. Совсем запутался. Уверенно звоню. Дверь открывается. И, Бог мой! Командир полка усами шевелит, грозно на меня поглядывает. Стою весь в поту, ничего не говорю. И он молчком вновь дверь захлопывает. А я, оболтус, хоть убей, с испугу не могу вспомнить на каком этаже командир живет. Может, в клумбу завернуть? С утра народ трезвый на работу пойдет, обнаружит, позору будет с головы до ног. Решил третью попытку сделать. Счет начал с девятого этажа.

Достал из коробки девять спичек. На этаж спустился — спичку долой. Четко выходит. Топаю, довольный своей сообразительностью. Но нервы есть нервы. Решил перекурить на площадке. Спички пересчитал. Пять штук. Из башки-то пьяной вылетело, что одну на перекур использовал. Теперь уверенно жму на звонок. Меня как будто ждали. Дверь резко открывается. Командир полка в чем мать родила, весь какой-то взъерошенный, зловеще шипит:

— Ну погоди... Завтра я с тобой разберусь, еще только постучи, попробуй. Тебе этажом ниже, идиот. Пошел отсель, мать твою...

Командир показал мне кулак и дверь на запор. Муторно у меня на душе стало. Хоть вой. Засветился на всю катушку. Люсю вспомнил: уж не замполита ли она жена? Будет мне завтра еще одна баня, полковая. Спускаюсь

этажом ниже, звоню. Стою ни жив, ни мертв, уже не надеюсь на благополучный исход. И наконец-то слышу милый, добрый, родной, долгожданный голосок жены: «Кто там?» Кто там, кто там? Ликую, пою про себя.

— Шурик, Шурик я, Шурик, — довольно шепчу, прислонившись к двери. — Открой, милая, это я, твой муж, пришел.

Уже давно предбанник ходил ходуном. Мы все знали, что жизнь полковника полна приключений. Почемуто в эти минуты вспоминалось лишь веселое, доброе и забавное. Правда или вымысел? Кто знает. Да и какое это имеет значение? Нам было до чертиков хорошо вместе, а это самое главное. Были и другие рассказчики, но деда Белоборода мы могли слушать часами.

— Говоришь, Колян, ты по пьяни препятствие обойти не смог, сопротивление столбу оказал и в медвытрезвитель попал? Бывает такое. С перебору и со слоном в схватку вступишь. Хорошо в Африке нет «трезвушек». Была у меня раз такая история. И смех, и слезы. Только никому ни гу-гу. А то Нина Андреевна прознает — обидится. А это мне ни к чему на старости лет.

Итак, дело было в Афгане. В середине «победоносной» войны, будь она неладна.

Кто был в Джелалабаде, тот слышал, что настоящий публичный дом на восточный лад в городе был. Семь девочек клиентов обслуживали. Знатоки говорили: пять девочек своих, доморощенных, и парочка — красавиц француженок. Сами знаете: нам русским в загранице все интересно, особенно, этот самый «интим». А тут мусульмано-христианский проституткооператив прекрасного пола. Интересно мне стало самому узнать, как в восточной загранице половой процесс идет, какие отличия в этом деле. Над этими вопросами я еще в юности ломал голову. Сами знаете: железный занавес, цензура и прочие прелести соцреализма. Времена были такие. Нельзя, не положено, не этично,

порнографично. Бац тебе ярлык морально разложившегося типа. Поживи с ним. А тут такая фортуна. Главное, чтобы все тихо было. Так что, ребята, война войною, а девочки девочками.

На совете ребята решили меня направить в разведку. В случае удачи — нагрянут гуртом, а там хоть трава не расти. С толпы спросу меньше. Напялили на меня модную «гражданку», решили под партийного советника скосить. Пистолет в кобуру, автомат на плечо, гранату в карман — и бочком через проходную. Часовые? Да они за афгани тебе все продадут. Плати деньги — и ступай куда хочешь, хоть на аэродром, хоть с аэродрома. А мою русскую морду с афганской не спутаешь.

Сами знаете, партийные и комсомольские советники любили по Афгану шастать, правда там, где не стреляют. В горах их днем с огнем не сыщешь. Поймал я попутный грузовичок и благополучно прибыл в центр города. Базар кругом шумит, народ во всю кричит. Люди ходят туда-сюда, вперед-назад. Торгуются, бранятся. На меня, с ног до головы вооруженного, искоса поглядывают. Стою, как истукан, не знаю, в какую сторону податься. Одного солидного, с длинной бородой, с виду добренького, спрашиваю: «Ханум «чик-чик», где это?» Не понимает он, на меня, как на инопланетянина пялится. Я ему тогда на проходящую бабу в парандже показываю и движение, эдакое, сексуальное делаю. Дошло до олуха. Замахал руками, чуть не креститься стал, басурманин. В проулок, не попрощавшись, от меня нырнул, как от прокаженного. Не повезло с первым. Правоверным мусульманином оказался. Теперь выбираю тощего оборванца, местного пролетария. Думаю, этот меня поймет вмиг. Я пальцами щелкаю, языком чик-чирикаю, а он за мной повторяет, как попугай. Наконец, за рукав меня тянет, глаза сверкают, обниматься лезет. Ну, думаю, понял. А он бьет себя кулаком в грудь и гордо повторяет: «Коммунистая, коммунистая, партия». Горько вздыхаю, понимаю, что на идеологического друга нарвался. Кое-как от него отвязался.

Я третьего беру за шиворот, четвертого. Пятый мне деньги в нос сует, автомат купить хочет. Этому чуть в зубы не дал. Разозлили они меня до невозможности. За своего барыгу, торгаша оружием, приняли. А жара стоит — спасу нет. В горле пересохло, как в пустыне Сахара. Честно скажу: мне уже не до баб этих заграничных.

Решил сделать перерыв, в ресторан местный заглянуть. Узнать, как насчет выпивки за границей дело поставлено. По горлу только пощелкал, сразу сигнал поняли. Видимо, тут полный интернационал. Подвальчик мне уютненький указали.

Захожу. Лепота! Прохладно, жареным мяском пахнет. Большой зал, длинный стол и сплошные деревянные скамейки по бокам — весь интерьер. На скамейках чинно восседают длиннобородые старики и «чаи» гоняют. Сажусь рядом, автомат на стол, в зубы сигарету, ногу на ногу и щелкаю пальцами: официант! Подбегает пацаненок лет двенадцати. Ей-богу, по-русски не хуже меня шпрехает. Кланяется мне, как барину, кричит:

— Шурави кушать будет, шашлык будет, кишмиш будет?

В тон ему отвечаю:

— Бутылки неси, шашлык неси, стакан неси, бабу неси — ханум, по-вашему.

Чертенок все понял, глаза вылупил, хихикает:

- Водка есть, шашлык есть, стакан есть, бабаханум
 нум нет. Нет бабаханум.
- Черт с ней, с бабаханум, говорю. Со злости сразу полстакана водки трахаю.

Что смеетесь? У нас в Союзе это слово недавно блудливый смысл приобрело. Слово «трах» военное. От детского «трах-бах» произошло. Грамотеи вы мои. У нас в деревне мужики говорили, когда выпивали, всякое: тяпнуть, трахнуть, треснуть, жахнуть, вмазать, дернуть. Теряете вы, молодежь, первоисточник русского языка, поганите подленьким смыслом великую мужицкую речь.

Короче, наклюкался я, как мой кот Василий Валерьянович. Встал из-за стола, а у меня задницу, как у кота после валерьянки, заносит. Старичков из-за стола как ветром сдуло. Думаю: к черту всех проституток заграничных, пора к своим бабам подаваться. Свои есть свои. Время к вечеру, а я один как перст. Иду по центральной улице и мыслишка такая скверная в мозговых извилинах родилась: поди давно меня «духи» приметили, где-нибудь за углом нападение готовят. Тут окончательно водка в голову вдарила. Все прохожие стали мне подозрительны. Снял я автомат с предохранителя, положил указательный палец на спусковой крючок, иду, автоматом поигрываю, ловко, как циркач, через плечо на ремне кручу. Все встречные от меня шарахаются, и я сам себе смелым воякой кажусь. Уверенность появилась. Хорошо, ствол назад, в землю повернул. Случайно пальцем на курок нажал — автомат на плече тук-тук, пули по асфальту вжиквжик, народ в стороны прыг-прыг. От шума я перепугался и целую очередь бабахнул. И не одну.

Вмиг улица опустела. Я на живот — бряк. В одиночестве на середине дороги лежу, глазами по сторонам зыркаю, стволом автомата вожу. Жду нападения противника. Кое-как доходит до меня, что нет противника, это я сам шум поднял. Слышу — сирена гудит, комендатура пылит, брать меня будут. Куча неприятностей ждет в полку. Сейчас облаву сделают и меня с моей славянской физиономией, вооруженного до зубов, первого возьмут. Мне такая перспектива ни к чему. Решил дать деру. Вскакиваю на ноги и заруливаю в ближайший закуток, благо, в городе улочек полно. Несусь, автомат к животу прижав. Навстречу люди попадаются, на колени падают, вылупив глаза, в щели прячутся. Одна баба в парандже с кувшином на голове так и застыла посреди дороги. Как ураганом я ее смел, только зеленые шаровары из-под цветной юбки сверкнули и с башки кувшин кувыркнулся. Какая она из себя ханум так и не разглядел.

У страха глаза велики — мигом на окраину города выскочил, вблизи дороги в свою часть. Теперь меня в городе ловят, в часть нельзя — тревога там. Непременно афганские «ментяры» заложили, что в городе пьяный «шурави» вооруженный шастает. Попробуй теперь внятно объясни, за каким хреном я в город поперся. Не водку же жрать. Ее, милой, и в части сколько душе угодно. Надо выждать время и осторожно, по-пластунски, к своим пробираться. Вышел я к последнему дувалу, нервы успокоились, на сон тянет. Примостился в траве у стеночки и уснул сном младенца. Разбудил меня командир полка, старый знакомый. Тот самый, усатый, мы вместе с ним в Афган загремели. Он не слишком удивился, хорошо зная меня и мои выкрутасы. Пришлось ему всю правду-матку рассказать. Оказывается, я всю ночь дрых, а афганец — хозяин дувала — мой сон охранял. Он и в часть сообщил, где меня мои обеспокоенные друзья всю ночь ждали. Дав мне выговор, комполка сказал:

— В одном молодец, что пьян был, но автомат под пузо положил, пистолет и гранату — под голову. Оружие берег, как зеницу ока, стервец эдакий.

Потом долго меня ребята пытали: что, где и как. Я делал умную рожу и отвечал:

— Хорошо было, жуть. Попробуйте сами.

А потом мы уехали по замене. Теперь есть, что внукам в старости рассказать. Не все же о войне. Правильно говорю?

И вновь раскатистый смех голых мужиков огорчил старенькую, щупленькую уборщицу, которая подозрительно хмыкнула и заявила:

— Счас милицию позову. Напьются, алкаши, и безобразничают, бесстыдники. И че целый час смеются, только Богу известно. Обувайтесь и проваливайте через дорогу. Имейте совесть, и другим мыться надо. Вон очередь какая.

Дед Белобород умиротворенно прижимал пальцы к губам, с серьезной миной на лице извинялся перед

бабкой, вызывая новый взрыв смеха. Лицо бабки подобрело, и уже беззлобно она проговорила:

— Солидные вы все мужики, из офицеров, слышала краем уха ваши россказни. Идите в пивнушку, там хохочите, там это разрешается. А здесь общественное место. Понимать надо.

Мы слушались славную старушку. Одевались, переходили улицу и по крутым ступенькам спускались в глубь пивбара. Лениво тянули из кружек пенящееся пиво, закусывали ржавой селедкой и белым сыром. Нещадно смолили сигареты, с ожиданием поглядывая на полковника.

Он залпом выпивал пару кружек пива, долго смаковал селедку и наконец-то закуривал сигарету, блаженно прикрыв глаза. Ему было пятьдесят шесть лет. А летного стажа — пятьдесят восемь лет. Полковник любил ошарашивать этим фактом незнакомых людей.

— Тружусь с утробы матери, — заявлял он, — все в горячем цеху. Вначале самолеты, потом вертолеты.

Рассказчик он был отменный. Живая, ходячая, неунывающая энциклопедия армейских приколов. И верили мы ему бесконечно.

— И смех, и слезы, мужики. Случай вспомнил. Только никому ни гу-гу. Снова в Афгане дело было. Хотите — верьте, хотите — нет, случилась со мной такая история. Отмечали мы отвальную с заменщиками в первый день по приезде в Джелалабад. В Афгане вода дрянная, сами знаете, с непривычки живот пучит. Я резко в разнос пошел. Выскочил на улицу, огляделся. Вижу знакомое строение, а на входе лампочка мерцает. Я прямым ходом туда. На ходу амуницию скидываю и по привычке занимаю самую дальнюю кабинку. По ходу удивляюсь, что кабинки дверками оборудованы. Такого в Союзе, пока платные туалеты не появились, не встречал. Думаю: это я на Запад, в цивилизацию попал.

Примостился удобно, закурил, и не спеша свое дело

делаю. Вспомнилось мне, как в мою курсантскую бытность я в курьез влетел. Было дело на курсе молодого бойца.

Нам объяснили, что первое правило из премудростей военного дела — это отдавать честь всем, везде и всегда. Младшие по званию — старшим и друг другу. По команде «Смирно!» незамедлительно принять строевую стойку как в помещениях, так и на улице. С утра до вечера первые три дня мы занимались отдаванием чести прапорщикам, лейтенантам, друг другу, столбам, деревьям и прочим объектам. На месте, шагом, одиночно, строем нас муштровали до отупения в мозгах. Вечером наконецто сдали зачеты. Одуревшие от августовской жары и «шагистики», нажрались неспелых зеленых груш. Через час наперегонки отделение двинулось к отдаленному зловонному помещению. Я примостился на одной из первых дырок, без каких-либо дверей и запоров, в перегороженном фанерой многодырчатом туалете. Перед глазами находился сточный желоб для тех, кто по малой нужде. Сижу, переговариваюсь с друзьями, обсуждаем новую курсантскую житуху. Вижу, входит наш комбат. Думаю, тоже не удержался, груш поел. Он к желобу подходит, шарит пальцами по брюкам и скромно пристраивается напротив меня. Я всех ближе к комбату и по теории мне немедленно надо подать команду. Я кривлюсь, отвожу глаза, судорожно решаю вечный вопрос: «Что делать?»

Тут комбат искоса бросает на меня взгляд, и мне мерещится горький упрек в его глазах. Я завороженно гляжу на пенящуюся в желобе мочу, резко вскакиваю, вытягиваю руки вдоль голых ног и виноватым голосом дико кричу:

— Встать! Смирно. Равнение на середину!

Слышу шелест в соседних кабинах. Успеваю сделать вывод, что это шуршат штаны моих новых друзей. Всепожирающим взглядом ем комбата, жду его ответной команды. От моего крика подполковник вздрагивает всем телом, прекращает свое занятие и совсем не командирским голосом, обращаясь ко мне, шепчет: «Вольно, вольно, вольно».

- Вольно, кричу пуще прежнего, опускаюсь на корточки и подтягиваю штаны. В соседних кабинах происходит аналогичная процедура. В наступившей тишине слышу веселый смешок комбата:
- Напугал, товарищ курсант. Знайте, ребята, что в туалете, бане, кинотеатре, на транспорте и, конечно, в постели, команда «смирно!» не подается. Вам понятно?
- Так точно, кричу и вскидываю руку к виску. Вновь валятся вниз штаны и я, уже в одиночестве, с голым передком торчу перед комбатом по стойке «смирно».
- К пустой голове рука не прикладывается, товарищ курсант, и честь в сортире не отдается. Поняли?

Еле удерживая смех и забыв застегнуть ширинку, подполковник направляется к выходу. Не замедлив, я напомнил ему вслух об этом. Остолбенев от моей дурости или наглости, пробормотав «спасибо», он удалился.

Я на прощание говорю «пожалуйста» и облегченно вздыхаю, успокаивая себя тем, что все сделал по Уставу. С минуту в туалете стояла напряженная тишина, затем ее взорвал хохот десятка глоток. Больше всех смеялся я сам. А комбат потом избегал меня с полгода. На выпускном вечере вспомнили, мило поговорили. С тех пор и прозвали меня полковником. За руководство комбатом в чине подполковника.

Вот такие приятные воспоминания пришли мне тогда в голову.

Адальше произошло... И смех, и слезы. Сижу, вспоминаю былое и неожиданно слышу женские голоса. Думаю: куда это болтливые сороки на ночь глядя поперлись? А каблучки тук-тук — и прямехонько к туалету. Знаю, что на Западе на пляже голышом щеголяют, но чтобы общий туалет сделать без поперечной заградительной стенки! Такого в моей жизни слышать и видеть не приходилось. Слышу, внутрь вошли, шушукаются между собой. У меня волосы на голове встали дыбом, руки затряслись, замер, сижу — не дышу. И живот болеть перестал. Слышу, кто-то у моей кабинки

остановился и скребет поверху пальчиками, пытаясь дверку открыть. Не тут-то было! Вздохнул протяжно, предупредил, что место занято.

- Ой! взвизгнула одна из вертихвосток. Тут кто-то есть.
- Какая разница, занимай соседнюю и прикурить попроси, — отзывается напарница.

Не дожидаясь просьбы, я зажигалку подаю. Руки у меня волосатые, держу зажигалку двумя пальцами. Ловко забираю обратно левой рукой, а правой дверку кабины держу. Скрипят половицы соседнего очка. Сижу — ни жив, ни мертв, забыв, за каким чертом сюда приперся. Соседка вздыхает:

- Темень-то какая, только одна лампочка горит.
 Знала бы не пошла.
- Куда бы делась, смеется другая, женская уборная одна на весь городок.
- Хорошо быть мужиком, вздохнула соседка. Везде у них преимущества, даже в таком деле.

И пошли, поехали балаболки мужские косточки перемывать. Правда, мне не до их болтологии. С ужасом понимаю, куда меня черт занес. Кто знает — опозорят на весь полк. Втихаря амуницию на себя напяливаю, стараюсь железяками не бренчать. У баб все на резинках, не как у нас. «Нашел кому завидовать», — думаю про себя. Застегнулся, жду момента деру дать. Одни приходят, другие уходят, и все группами. Лампочка проклятая не перегорает. С полчаса сижу на корточках, боясь голову поднять. Три подруги встали на входе и тары-бары разводят. Нашли место сокровенные тайны рассказывать. Мне из моей кабинки все видно и слышно. Осмелел я, выглядываю из щелки иногда, лица красавиц запоминаю.

Вдруг одна прямо к моей кабинке направилась и хвать рукой за дверку. Я ее бац по пальцам и верещу тонюсеньким голоском: «Занято, занято». А она в ответ:

Не ори, не глухая. Расселась тут, как на базаре,
 полчаса сидишь, пронесло видать. Ладно, я подожду,

мое облюбованное место, засранка, заняла. Освобождай поскорей.

Тут я запаниковал. Давно сижу, подозрительно. Как быть — ума не приложу. В щелку вижу — стоит длинноногая, которая прется в мою кабинку, с ноги на ногу переминается. Невтерпеж ей. Возненавидел я ее, рыжую. Как будто не может занять любую свободную. Какая разница, в какой кабине это дело делать? Ох, опозорит сорока на весь полк. Попробуй кому потом объясни, что я в женском туалете битый час делал. Скажут, сидел, подглядывал, кайф ловил.

И тут меня осенило. У нас в стране везде количество, а не качество. Значит, и доски задней стенки прибиты тяп-ляп. Тут же проверяю догадку. Ну и умник я. Одна доска отрывается. Рассуждать мне недосуг. Эх, была не была. Правой ногой — бац-бац! Сразу несколько досок выбил. Шум стоит страшный, девчонки орут, словно их режут. А я, как медведь из берлоги, на волю вылажу и даю ходу куда глаза глядят. И надо же, прямехонько в другой туалет попадаю. Нутром чувствую, что свой, мужицкий. А в животе знакомые позывные. Чейто басистый голос раздается:

- Чего они там раскудахтались?
- Шут их знает, отвечаю, с удовольствием присаживаясь рядом. Им палец покажи до утра тарахтеть будут, вертихвостки, одним словом.

Кто-то очередной заскакивает к нам, кричит:

— Умора, кто-то к бабам в туалет забрел. Пьяный, что ли, был. Одна рыжая прибежала в модуль, кричит: «Духи, духи». Мы рванули к ним с пушками в руках, а там никого. Но кто-то заднюю стенку проломил и ушел. Не зря орали. Только нашли дурака-духа из-за бабьих задниц жизнью рисковать. Тоже мне, секретный объект. Свой был, не иначе кто-то из новеньких забрел.

Потом несколько ночей летчики сопровождали женщин в туалет. Напугал я их здорово.

До закрытия пивбара рассказывал дед Белобород свои армейские приколы. И смешные, и горькие. Все-

го помаленьку. Над городом опускались сумерки, когда они вышли на улицу. Долго прощались на автобусной остановке и разбредались каждый в свою сторону. Расходились, чтобы через недельку встретиться вновь. В баньке, возле пивбара. Вновь услышать родное и знакомое «белобородовское»: «И смех, и слезы».

последний мост

Посвящается Павлу Митрофанову

Генерал шел по скользкому широкому автомобильному мосту неторопливой поступью, уверенно, по-хозяйски ставя ноги в высоких армейских ботинках на выбоины и белесые проплешины замызганного бетона. Официально он последним из ограниченного контингента советских войск возвращался на Родину, на северный берег реки, оставляя за своей спиной разоренную, воюющую страну. И не только страну, но и десять лет жизни миллиона русских солдат, которые воевали и погибали там, в отрогах Гиндукуша, в ущельях Панджшера, в Герате и Газни, Джелалабаде и Кандагаре. Только сейчас молодой генерал вдруг понял, что старый мост стал границей между двумя геополитическими пространствами, которым никогда не воссоединиться воедино, как Луне и Солнцу. Эти миры должны существовать отдельно друг от друга, взаимодействуя и выполняя определенную роль в сложной системе мироздания. Честь и хвала мудрецу, который первым поймет, признает и исправит ошибку. Но осознавать и исправлять содеянное придется всей стране, и кто знает, как повернется для народа этот злосчастный поход на Средний Восток.

О многом думал, твердо печатая шаг под прицелом телеобъективов, не побежденный в боях, не сломленный духом командующий боевой армии, уходящей из

Афганистана, бросая прощальный взгляд на скальные нагромождения, омываемые тихими волнами реки.

...Он шел по мосту последним. Войска уходили достойно, походными колоннами, с флагами над броней и наградами на груди. Пыльные лица солдат светились улыбками, они весело махали руками толпам встречающих. Люди приветствовали их как героев, осыпали цветами пыльные, мазутные, с пулевыми и осколочными отметинами бронемашины. Они возвращались победителями в этой проклятой, ненужной войне. Победителями для самих себя, своих родных, своей Родины, с честью выполняя приказ своих высших горе-начальников. Победителями были и моджахеды, столпившиеся с южной стороны моста, восторженно крича и потрясая в воздухе оружием. Победителями были вчерашние противники, покончившие с ненужной войной. Побежденными стали политики, не сумевшие спрогнозировать ни настоящее, ни будущее двух стран.

В тот миг молодой генерал отчетливо осознал, что не только судьба солдат, но и будущее страны туманно и непредсказуемо. Легкий вздох горечи слетел с его уст, обдумать, оценить, проанализировать пришедшую мысль не хватило времени. Прямо перед ним из толпы выскочил суетливый видеооператор и попытался снять исторический момент. Его решительно, с матерком, отодвинул в сторону широкоплечий коренастый крепыш с поредевшими русыми волосами и с боевым орденом на лацкане расстегнутого пиджака. Он гордо крикнул стоявшему рядом товарищу:

 Смотри, Павел, сам командующий, наш командующий!

Генерал услышал его слова. Дружески помахал рукой, навсегда запомнив этих двух русских парней и слова, сказанные молодым ветераном.

Только сейчас, пройдя пешком автомобильный мост, вступив на родную землю и увидев восторженные глаза и радостные лица встречающих, генерал окончательно понял, что он сам и его страна действи-

тельно вернулись из десятилетнего военного похода. Его армия и он наконец-то дома.

Неожиданно из глубины памяти протянулась тонкая, но крепкая нить, надежно, на генетическом уровне, связывающая его с тем далеким русоволосым предком, воином, легшим костьми на Куликовом поле брани и взывающим скорбно и молитвенно к своему героическому потомку: «Храни, сынок, храни матушку-Русь». Что-то отозвалось в сердце боевого генерала печалью, но и радостью, и он, атеистически воспитанный, мысленно перекрестился и прошептал слова, которые в разные века произносили тысячи русских людей: «Боже! Спаси и сохрани Отечество!»

А вечером случился еще один эпизод, который никогда не войдет в учебники истории, о котором знает только круг близких друзей. Эпизод, каких тысячи.

Двое друзей находились в гостях на погранзаставе, где когда-то нес срочную службу Виктор и откуда он уходил в опасные и тревожные рейды на противоположную сторону реки. Теперь они лениво лежали на плотном темно-зеленом брезенте, в ложбинке, на каменистом грунте, и с удовольствием вспоминали встречу с командующим. Виктор не уставал горячо убеждать товарища:

- Точно говорю, Павел, узнал он меня, рукой помахал. Ты же сам видел.
- Он всем махал, приветствовал. Рад был с войны домой вернулся. Грустный какой-то был, сумрачный, о чем-то своем думал.
- Когда ты, Павлуха, будешь генералом, тоже видок представительный заимеешь положение обязывает. Вывод армии. И он, командующий, последним мост перешел. Вот как.

Теперь все, конец странной войне, мир во всем мире. Если честно, никак не могу понять, Павлуха, за каким хреном мы туда десять лет назад залезли. Для того, чтобы сегодня походным маршем через мост пройти? В принципе, не моего ума дело. Было и прошло, быльем поросло. И то хорошо, лежим — брюхо на солнце греем. Не было бы Афгана — не было бы сегодняшнего дня, не было бы мне так хорошо. Все, что ни делается в жизни — все к лучшему. А все-таки генерал меня узнал.

Павел вскочил на ноги, подобрал с земли несколько плоских круглых камешков и ловко пустил «блинчиков» по мелким, пузырящимся у берега волнам. Обеими руками взъерошил длинные русые волосы, долго, настороженно и внимательно смотрел на далекие вершины гор. Повернул лицо в сторону друга и тихо спросил:

— Витек, ты снова пошел бы туда, за речку?

Виктор, по-турецки поджав ноги под себя, фыркая и дуя, пил горячий чай из пластмассовой крышки от термоса. Поперхнувшись кипятком, облизав кончиком языка обожженную нижнюю губу, недовольно выдавил:

— Типун тебе на язык, обжег всю глотку. И вопросик твой провокационный. Вспоминаю часто Афган. Ночные засады, ребят живых и мертвых. Все было — и веселое, и печальное. Настоящая дружба, мужская работа, судьба общая. Под одним Богом ходили. Скажу честно: на экскурсию — да, посмотреть что и как, юность свою вспомнить. Но так, чтобы снова на пузе по скалам, без воды, в сорокаградусную жару? Бр-р. И зачем мне это надо, и для чего? Вот об этом надо спросить. А я отвечу: а хрен его знает. Нет. Навоевался, баста. Надо и для себя пожить. Дома у нас хорошо — всего вдоволь и не стреляют.

Павел присел рядом, обхватил колени жилистыми руками, взял из рук Виктора чайную посудину, повертел в руках и тонким ручейком вылил содержимое на землю.

- Так и жизнь наша струится, мелеет, иссыхает животворный ручеек, философски изрек он, вздохнул, положил крышку на позеленевший от времени камень и рассеянно стал рассуждать:
- Говоришь, навоевались, нахлебались кровушки человеческой? И то верно. Все воюем. Вот уж скоро сотню лет. Приелось, говоришь, нет желания вновь по горам шнырять, не зная во имя чего и зачем? Слабо, но верится, что мы, русские, сыты по горло. Но все ли? Ты посмотри, Витек, с кем мы только ни воевали за тысячу лет? Практически со всем миром. Себя, дру-

гих освобождали, но главным образом свои владения расширяли. Русские кости, Витек, по всему миру разбросаны. Во Вьетнаме, Корее, Египте, теперь вот в горах Гиндукуша. Это факт. Мы, дружок, с 1905 года ведем постоянную войну. Столетнюю. И никто не ответит на простой вопрос: зачем? Для чего?

Виктор, внимательно слушавший своего философствующего друга, не желая спорить и разглагольствовать на глобальную тему, решил отмочить свою «хохму». Он скинул рубашку, помятые голубые джинсы и с веселым гиканьем плюхнулся в воду. Ахая и охая от удовольствия и резкого холода, сменил тему разговора:

— Что, Павлуша, слабо? Только так поступают «погранцы-огольцы». Решительно, смело, напористо. Как в атаку там, в Афгане. Главное — не струсить в первый миг, дальше пойдет как по маслу.

Павел рассеянно улыбнулся, кусая сухую травинку, думая о чем-то своем. Краем уха уловил, как добродушный, рано начавший лысеть друг мурлыкал себе под нос слова незнакомой то ли песни, то ли стихотворения:

«Мне б за речку по бережку
На свидание к своему дружку.
Найти его заброшенную могилку
И выпить за упокой горилку».

«Горилка — водка по-украински», — вспомнил он, слушая простые слова текста. Тоска по прошлому звучала в словах Виктора, по погибшим ребятам, которые не всегда возвращались на Родину в первозданном виде. Часто в «цинках» шли обрубки, обрезки, ополовиненные тела. Что смогли собрать и вынести с поля боя. Иногда и собирать было нечего. Зарывали останки прямо в горах, в чужой земле. Но на Родину шли гробы, как положено. Только их не вскрывали. В мирное время не может быть без вести пропавших. Что запаивали в полупустые гробы? Кто знает. Все было за десять лет на этой странной войне. И все же Павел

всегда искренне завидовал своему другу, сожалея, что ему самому не пришлось побывать там, за речкой.

Утром суровый молодой генерал, как капитан с корабля, последним перешел мост и официально закончил вывод сороковой армии. На войне поставили крест. Но последним ли он покинул пределы чужой страны? Нет. Еще маются в плену наши офицеры и солдаты. Остались навсегда, как в Витькиной песне, безымянные могилки, останки бойцов. Еще свежа память, болят раны, унося мысленно многих обратно в горные ущелья, на караванные тропы и снежные вершины гор. Выполняют свою работу и спецподразделения, не входящие в состав армии, как не входил и Витек со своими пограничниками. Вероятно, мы надолго останемся еще там, за речкой, за другими морями и океанами, где пролили кровь и сложили головы русские солдаты. Точно только то, что генерал сегодня был последним, кто пересек мост в обратную сторону. Хотя... Можно, пусть только для себя, но изменить историю. Всего-то переплыть туда и обратно. И последним будет другой. А почему не попробовать мне? Пусть будет мальчишеством, дурачеством плевать. Хоть минуту, полчаса я должен побывать там. Сейчас или никогда. Черт возьми! Пусть неофициально, но я сегодня в любом случае последним покину чужой берег. Ведь я не трус, так надо доказать это на деле Витьку, погранцам, этим скалам, реке, небу, всему миру. А самое главное — самому себе».

Наваждение, сумбур разных мыслей кружился в его голове, постепенно выстраиваясь в один ряд длиною в ширину пограничной реки. Он еще вспомнил о своей теории столетней войны, которую несколько минут назад высказал угомонившемуся и дремавшему на брезенте Виктору, и окончательно решившись немедленно исполнить задуманную авантюру, громко крикнул:

— Нет, Витек, война продолжается. Моя война. И я сегодня вернусь из похода.

Последние слова он сказал плавно, пропел своим звонким, мелодичным голосом, как любил петь, играя

на гармошке в родной деревушке. Сам играл, сам сочинял, сам девчонок завлекал. Все любил делать сам. Были ошибки, разочарования, предательство, подлость. Зато не грызло душу чувство неполноценности, сожаления об упущенных возможностях, не было подленького чувства собственной вины перед самим собой.

«Для кого-то это нелепая авантюра, но мне необходимо плыть, а там будь что будет», — последнее, что подумал Павел, стоя на берегу. Более не раздумывая, приняв твердое решение, он с разбега забежал в воду и молча погреб сильными загоревшими руками к противоположному берегу, выбрав в качестве ориентира высоченную косоугольную скалу.

Виктор сквозь сладкую дремоту уловил слова друга о возвращении на Родину, услышал плеск волны о ноги вбежавшего в воду Павла, перевернулся со спины на бок и решил взглянуть, в какой поход отправился его друг. Открыл глаза и как после тяжелого похмелья замотал головой, заморгал, протирая глаза ладонью, увидев Павла на середине Пянджа. Заорал, заматерился выкрикивая:

— Ты куда? Ты куда? Ошалел, мать твою! Дурень сибирский, дубина березовая. Я тебе дам поход. Павел, не шути, кому говорю! Вернись, Павлуха, сейчас же вернись!

Слова успеха не возымели, и надо было что-то предпринимать, а не суетиться, хлопая себя по голым бедрам, как деревенская баба, утопившая в проруби ночнушку. Рациональный склад ума не позволил Виктору сигануть следом за Павлом. Натянув штаны и накинув рубаху на плечи, он побежал в противоположную сторону, на передовой пост заставы.

Быстро привыкнув к ледяному холоду воды и не обращая внимания на суматошные крики Виктора, Павел повторял про себя как молитву: «Только вперед, решительно, смело, напористо, как в атаку». Всматриваясь в приближающийся чужой берег, он чувствовал мурашки, бегающие по телу, и свинцовую тяжесть в ногах. Усталости он не боялся, только бы не свело

руки или ноги судорогой. Ребятам было труднее с полной армейской выкладкой под палящими лучами солнца на горных крутых тропах принимать бой. «Только вперед, пусть — блажь, пусть — дурь. Победителей не судят. Мне нужно побыть там, где были мои близкие друзья, глотнуть их воздуха, полежать на чужой земле, ощутить себя причастным к войне моего поколения. Мне это очень важно, важно, важно. Генерал утром, а я вечером, последним вернусь на Родину».

Покачиваясь на подгибающихся от усталости ногах, помогая себе руками, он шел по мелководью, преодолевая последние метры. Наконец упал, распластался на спине на мелких камушках, прищурился и, глядя в яркие блики вечернего заката, довольно подмигнул заходящему за горизонт небесному светилу. Не удержался, раскатисто, озорно расхохотался, теперь зная наверняка, что этот день будет одним из памятных дней в его жизни.

Наблюдавшие за происходящим, не менее удивленные погранцы попытались успокоить старого служаку:

— Друг ведь твой. Мы хотели пулеметом его прижать, не рискнули. Вернется — разберетесь. А куда ему деваться? Не «духам» же в плен сдаваться. Пусть побесится, спесь собьет. Друган-то твой нашей породы, задиристый. Афган ему подавай. Пусть берет сколько влезет, лишь бы пулей не подавился, хулиган он у тебя, Виктор, приплывет — снимай с него трусы и по голой заднице. Готовь пока розги. Не беспокойся, мы командный пункт предупредили. Помогут огоньком. На бинокль, держи его в поле зрения. Пловец хренов, создал пограничный конфликт. С сегодняшнего дня мы в мире с «духами», а он тут снова, того и гляди, войну начнет. Вот стервец — разлегся на берегу. И долго он там загорать будет?

Вначале он услышал эхо далеких беспорядочных выстрелов, почувствовал явственный запах обожженного мяса, потянувшийся из глубины ущелья. Блаженно потягиваясь всем телом, подумал: «Победу празднуют, шашлык жарят где-то совсем рядом, дымок отту-

да». Спокойно оглядел прибрежные нагромождения скальных камней, узкие тропки, покрытые крупинками светлого песка, уходящие круто вверх, чахлые, сухие кустарники, вжавшиеся в подбрюшье скалистой кромки прибрежной полосы. Оба берега выглядели одинаково, были пустынны и безжизненны. Громкие крики, шум радостных голосов, раздававшихся из-за поворота ущелья, заставили его резко встрепенуться и сообразить, что люди движутся именно сюда, к речке. И не просто люди, а передовой отряд моджахедов выходит на рубежи собственной границы. При виде голубой ленты воды их радости не было предела. Вновь застрочили автоматы, оживленно затараторил их главный начальник.

Павел приподнялся, медленно начал отступать к речке, ловко прячась за спасительные серые камни. Где перебежками, где ползком от камня к камню, сначала по колено, а потом и по шею он осторожно спрятался в спасительную воду. В вечерних сумерках его русая голова почти не отличалась от облизанных волнами обычных камней, поэтому с наскока его моджахеды не заметили. Выйдя на чистую воду, Павлу ничего не оставалось, как набрать полную грудь воздуха и нырнуть, затем, как поплавок, выскочить из воды, хватануть ртом воздуха и снова уйти под воду. И так несколько раз, пока хватило сил. Тихо всплыл, лег на спину, отдышался и, плавно работая руками и ногами, стараясь не шуметь, поплыл на спине. Его сильно сносило вниз, но он не обращал внимания, стараясь как можно скорее выплыть из сектора вероятного обзора, а значит, и обстрела противника.

Моджахеды друг за другом подбегали к реке, бросали на берег оружие, споласкивали лицо и пили, пили воду. Родную воду. Счастливо вскидывали руки в небо, читали молитвы, блаженно улыбались, изредка со злобой посматривая на противоположный берег.

Кто-то все же заметил предмет, плывший перпендикулярно течению. Затараторили, заспорили на своем языке. Его приняли за собаку или за другое животное, которое, напуганное людьми, спрыгнуло с берега. Дали очередь из автомата, и близкие всплески пуль испугали Павла. Он сделал ошибку, забултыхал руками и ногами, стараясь скорее достичь спасительного берега, чем и выдал себя. Послышались требовательные крики остановиться и плыть обратно. Команды можно было понять и без знания языка. Сообразив, что пловец и не думает выполнять их указания, моджахеды начали стрелять из всех видов оружия, стараясь свинцовым дождем перекрыть чужаку движение вперед. Начался поединок, смертельная схватка, в которой трудно предугадать победителя. Для одних проигрыш — это лишь сиюминутная досада, для других — смерть. Этого не могли допустить погранцы, внимательно наблюдавшие из укрытия за действиями хулигана.

Первый раз в жизни Павел ощутил всеми клеточками своего тела, что означает понятие «животный страх». Его мозг ясно переваривал внешнюю информацию, поступающую через уши, давал команды, но вдруг произошел сбой, секундная паника — и все полетело в тартарары. Он вдруг осознал, как беззащитно и одиноко его тело в булькающей от разрывов пуль водной стихии. Заторопился, забултыхал руками и ногами, задрожал от одной только мысли, что не сумеет доплыть до родного берега. Вероятно, в такой стрессовой ситуации юноши становятся мужчинами, солдаты — настоящими бойцами. Не упустить миг, принять правильное решение, которое приведет к победе, суждено не каждому. Все решают судьбоносные секунды. Кто есть кто и угодна ли жизнь твоя Богу — познается в критическую минуту, и человек сам делает выбор.

Павел по равномерному бульканью фонтанчиков впереди понял, что ему преграждают путь и заставляют плыть обратно. Он вновь глубоко, полной грудью, вобрал в себя воздух и, помахав над головой обеими руками, как утопленник, скрылся под водой. Резко развернулся и энергично поплыл вниз по течению, пытаясь обмануть «духов». Плыл долго, захлебываясь, корчась от непреодолимого желания вдохнуть воздуха.

Лишь когда кровь ударила в виски и совершенно ослабло тело, последним усилием воли заставил себя всплыть. Через пять секунд он снова скрылся под водой, развернулся в сторону родного берега. Еще раз десять он повторил этот прием, став совершенно безразличным к тому, что происходило на чужом берегу.

Его, барахтающегося на отмели, подхватил Виктор. Павел продолжал извиваться телом, двигать руками и ногами. Он продолжал плыть. Наконец-то разглядел тревожную, налитую кровью физиономию друга, услышал его речь, которая состояла из одной лишь родной русской и такой милой сердцу брани. Сознание прояснилось, и он обессилено повис на руках друга.

Ав это время с десяток погранцов, надежно спрятавшись за камнями, ударами из автоматов по вражеской территории отвлекали внимание моджахедов на себя. Гулко выстрелила батарея дальнобойных орудий, пыхнуло десятком стволов реактивное орудие залпового огня. Противоположный берег засверкал яркими вспышками разрывов. Пышные кудри дымков поднялись вверх, скучковались и темным столбиком поползли в горы. Сегодня вечером война продолжалась уже в приграничной зоне двух государств. А может быть, начиналась новая? Совсем другая, которая в конце концов разрушит этот мир, пожрет все живое на свете и приведет человечество к печальному концу. Как знать?

Рядом суетился Витек, бубнил под нос:

— Вот дурачок так дурачок сибирский. Думал, шуткуешь насчет войны, а ты на тот берег. Какой шум поднялся, нагорит нам от начальника заставы. Упрямец твердолобый. Настоял на своем, за границей, в Афгане побывал. Теперь я тебе корочки участника войны выдам — по заднице дубовой. Все же нашенских ты кровей, Павлуха-евлуха, рисковый парень, погранцы похвалили. Но ты нос не задирай. Толкай пальцы в рот — нахлебался водицы. Сейчас спиртика примешь. Внутрь и наружу. Приведем вмиг в чувство.

Он положил Павла на бетонное перекрытие, надежно спрятав от шальных пуль моджахедов. После залпа артиллерии стрельба прекратилась, как будто ничего и не случилось по оба берега реки. Он лежал на спине и блаженно улыбался, как бы заново родился на свет. Позже ему часто будут вспоминаться тяжелые волны, пузырящаяся от пуль вода, гортанные крики моджахедов и буря нахлынувшей радости спасения. А сейчас, глотнув спирта, Павел мысленно разговаривал с молодым понравившимся ему генералом. Стоя с ним на мосту, горячо объяснял цель своего поступка, рассказывая, как тяжело было плыть.

Командующий, потрепал его по сырой шевелюре и сказал:

— Нашенский ты человек, русских кровей. Мы еще постоим за матушку-Русь!

Павел радостно кивал головой, сжимая ладонями кружку со спиртом, по-детски улыбался. Он поперхнулся, но проглотил повторную дозу «горючей» смеси, вспомнил свою «войну», закрыл глаза и провалился в сон. И отпустила сердце тоска, и, засыпая, точно знал, что именно он сегодня последним вернулся на Родину вместе с генералом, перешедшим по мосту через горную реку.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Ночной мрак. Ни звезд на небе, ни светлячков за окнами сумрачных пятиэтажек. Боже мой! Мозг окутан паутиной тревожной дремоты. Не спится. Слышу каждый шорох и вздох в соседней комнате. Спи спокойно, моя дочурка. Обними ручонками маму, прижмись к ней крошечным телом. Она никогда не даст тебя в обиду, всегда будет рядом. Я твой должник, моя маленькая. Мне выпала другая судьба, изменить ее я бессилен. Пока бессилен. Но, может быть, придет время и все изменится, и я буду, как мама, всегда рядом с тобой.

Полгода как я вернулся. Полгода длится похмелье ужасного «афганского» запоя. Пропади все пропадом. Будь проклята война и те, кто ее начал. Как темно в комнате. Покурить, что ли?

Шлепаю босиком на кухню. Предательски скрипят половицы. Открываю холодильник, осторожно беру бутылку самогона и прямо из горла вливаю отвратительную жидкость себе в желудок. Закусываю соленым огурцом и закуриваю сигарету. Противно отрыгивается сивухой. Лишь бы не проснулась жена... Нет, вроде бы пронесло.

Тушу сигарету. На ощупь пробираюсь в комнату, бухаюсь на диван и зарываюсь с головой в подушку. Теперь бы заснуть, забыться. Само — гонка бьет в голову. Устало закрываю глаза. Но от памяти не уйти...

В 1984 году погиб мой друг Юрка-весельчак, рубаха-парень, капитан. С его гибелью умерла и частица моей души. И сейчас, в тревожном полупьяном забытье не Юрка, а я заживо горю в вертолете в той прекрасной, проклятой нами пустыне...

Мы летим над Нандархарской долиной. Кишлаки, как мухи, облепили русло реки. Дувалы, похожие на песочные крепости, хаотично разбросаны в пойме и на пологих склонах горного хребта. Местами вдоль дороги тянутся шеренги эвкалиптов. Редко увидишь фигурки людей. В небе застыл ярко-оранжевый диск солнца. В прозрачной белесой дымке видны вершины Гиндукуша, зигзаги горных ущелий и караванных троп. По дороге, по краю зеленки, по-черепашьи ползут танки. Иногда, обдав облаком пыли, их обгоняют юркие БМП, облепленные полуголой десантурой. В середине колонны идут «наливники»...

В горле пересохло. На губах вечный налет пыли. Откручиваю колпачок фляжки. Отхлебываю глоток, другой и сплевываю теплую приторную жидкость за борт. В лицо q

ударяет упругая струя воздушного потока, рикошетом расходится по кабине и замирает, столкнувшись с приборной доской. Борттехник показывает мне кулак, прикрывая нос рукавом комбинезона. Надо же, у Юрки бешеный насморк — в сорокаградусную жару! Неохотно закрываю блистер и протягиваю фляжку Владимиру. Неожиданно зафонил эфир. Что-то щелкнуло в наушниках и вдруг раздался встревоженный голос авианаводчика: «Три тройки! По вам произведен пуск! Вы меня слышите? Уходите! Делайте маневр! Как поняли? Прием.»

Большой палец Владимира на кнопке «Радио». Левый рукой он прижимает ларингофон к горлу и невнятно хрипит: «Вас понял. Выполняю маневр». Из рук выпадает фляжка и гулко стукает по автопилоту. Юрка вздрагивает и растерянно смотрит на нас. Я понимаю Юрку: я летчик, я могу бороться за жизнь, за свою и его! А он лишь наблюдатель.

Скорость ракеты приблизительно известна. Начинаю отсчет времени. Секунды, секунды, секунды... Припадаю лицом к стеклу и ясно вижу огненный шлейф... Хочу повернуться и что-то крикнуть ребятам, но не могу оторвать завороженного взгляда от приближающейся смерти. Инстинктивно вжимаюсь в бронеспинку кресла и теряю ее из вида. Судорожно нажимаю на кнопку отстрела отводящих тепловых ракет. Красные светлячки то тут, то там вспыхивают по бокам вертолета, оставляя за собой тонкий слой дымки. По спине пробегают струйки пота, меня бросает в жар, стучит в висках, ноги деревенеют, наливаются свинцовой тяжестью.

Но мозг, этот неутомимый трудяга, уже справился с животным страхом. «Сбить, сбить ракету с курса! Изменить направление. Иначе — смерть». Левая рука рвет вверх рычаг шаг-газа, правая хватает ручку управления и толкает ее вперед. Перевожу вертолет в режим скольжения. С надеждой смотрю на зеленую лампочку «испанки». «Боже, о Боже! Помоги!»

На хвостовой балке крутится стеклянный диск яркого лампового индикатора. «Испанка» должна, обязана спасти нас! Нервы не выдерживают. Снова припадаю лицом к блистеру. Глаза выхватывают вдалеке огненный смерч, накрывший один из кишлаков. Чтото горит, валит черный дым. Успеваю подумать: «градовцы» накрыли гадов. Сожгли духов и мирный кишлак одним ударом». И вдруг вновь вижу стремительно приближающуюся к нам ракету. Захлебываясь в поспешном рычащем стоне, мычу невнятно: «Вот ты какая, смерть! Теперь я знаю тебя. Отверни в сторону, хотя бы на градус, только на миллиметр!..»

Я еще успеваю заметить постаревшее, бледное лицо Владимира, слезинку в отрешенных глазах. Мельком вижу копну седых волос уткнувшегося лицом в колени Юрия...

Резкий удар в бок вертолета. Ракета врывается в правый выхлопной патрубок двигателя и взрывается. Вертушка резко дергается и валится налево. С ужасом смотрю на огонь, который катится из глубины грузовой кабины на спину борттехника. Ударяется о дверку пилотской кабины, быстро поднимается вверх и охватывает плечи и голову Юрия сплошным облаком. Пилотская кабина разваливается на куски. Огненные змейки горящего керосина переползают через Юрия, заполняют нижнее остекление кабины, плавят стекло и вырываются смердящим потоком наружу. Я успеваю рывком отстегнуть привязной ремень, скидываю с плеч горящие парашютные лямки, выталкиваю боковой блистер и вываливаюсь из вертолета под обломки несущего винта. Лопасти режут мое тело, кромсают дико орущего Владимира, горящие останки Юрия. Мне очень больно, я кричу...

Кто-то бьет ладошкой меня по лицу. Открываю глаза и вижу встревоженное лицо жены и слезы на ее щеках...

Тогда мы спаслись. Ракета ушла с траектории полета и самоликвидировалась, взорвалась на моих глазах. А Юрка через месяц погиб. Погиб в такой же ситуации от выстрела «Стингера». Как длинна ночь. Беспокойно ворочается жена, захныкала дочурка. О чем-то шушукаются самые дорогие мне люди. Украдкой иду к холодильнику. Беру бутылку с самогонкой, огрызок огурца, возвращаюсь в свою комнату. Залпом выпиваю полбутылки. Падаю на диван и через мгновение вновь окунаюсь в прошлое. Мне снится расстреливаемый караван и афганец, которого я застрелил автоматной очередью. Афганец без лица — бегущая фигура в стеганом черном халате...

Мы ведем поиск и уничтожаем вооруженные караваны, всех, кто без приказа движется в районе пакистанской границы. На малой скорости вертушка врывается в горное ущелье. И вот он, караван, спрятанный под козырьком огромной скалы. Перед глазами длинная вереница ослов и верблюдов, нагруженных длинными деревянными ящиками. Палец командира застыл на кнопке пуска ракет. Борттехник, прищурив левый глаз, вцепился в гашетку крупнокалиберного пулемета. Толчком открываю правый блистер сдвижной двери. Просовываю короткий ствол автомата. Жуткое ожидание. Команда «Огонь!», легкий толчок вертолета... Поспешный, пристрелочный рокот крупнокалиберного пулемета в руках Юрия, его возбужденное от азарта лицо. Тошнотворный пороховой запах заполняет кабину. Пустые гильзы выпадают из ленты и беспорядочно сыплются на переднее остекление.

На горной насыпи фигурка человека, выползшего из-под брюха убитого верблюда. Ползет вверх, торопится спрятаться в расщелину. Ему безумно страшно в этом клокочущем ливне свинцовой пляски. Он совсем забыл о винтовке, бросив ее впопыхах в ноги подыхающему верблюду. Он ищет спасения, он совсем беззащитен. Дикий охотничий азарт охватывает меня. Забыв обо всем, громко кричу ребятам: «Он мой!» Юрий, скосивший из пулемета с десяток «духов», понимающе кивает головой. Отводит ствол пу-

лемета на противоположную горную гряду и ожесточенно добивает короткими очередями все живое. Владимир одобряюще машет рукой и вновь нажимает на кнопку пуска ракет. Кто-то из «духов», пытаясь вырваться из огненной мясорубки, открывает огонь по нам. Но ракетный залп ведомого вертолета перемешивает останки животных с человеческими телами. Мельком следя за тем, что творится вокруг, веду стволом автомата по горизонтали и ловлю афганца на мушку. Нажимаю на спусковой крючок. Дергается автомат в руках, пули впиваются в насыпь. Мимо! Делаем повторный заход. Снова залпы ракет, стук пулемета. Я стреляю по вертикали. Свинец впивается в козырек горной гряды, откалывая мелкие кусочки камней. «Растяпа, — проносится в голове, — не взял упреждение». Теперь заходим с прямой. Дрожит автомат в руках. Пули выбивают чечетку вокруг человека. «Мазила», — слышу в наушниках насмешливый голос Владимира. «Дай я его срежу одной очередью!», - кричит, вправляя новую ленту в пулемет, Юрий.

«Он мой!» — зло отвечаю ему. Резко опускаю кресло до упора, прогибаюсь всем телом вперед и левым плечом упираюсь в ручку управления. Кладу ствол автомата на нижний обрез двери, делаю упреждение на скорость и жму курок. Стреляю, пока не кончаются патроны. Отчетливо вижу, как длинная очередь пуль входит в затылок бегущего и опускается пунктиром к пояснице. Летят клочки ваты и тряпья. Афганец скрючился, как червяк, обхватил голову окровавленными руками, судорожно дернулся и затих, уткнувшись носом в край расщелины. Все. Устало кладу автомат на пол и закрываю глаза. Ни восторга, ни радости — пустота. Я убил его. Человека. Впервые. Собственными руками.

Мы приземляемся. Я внимательно окидываю взглядом то, что осталось от каравана. Десантура уже потрошит ящики, слышатся одиночные выстрелы. «Добивают «духов» — равнодушно думаю я. С облегчением расслабляю мышцы рук и ног и сталкиваюсь

с глазами подыхающего верблюда, из-под которого выполз убитый мной «дух». Боль и смертельная тоска в его глазах. Животному никогда не понять, что случилось с ним, почему никто не поможет встать на ноги, где его хозяин и что разворотило ему брюхо. Верблюд с трудом поворачивает морду, лижет, а потом и жует свои внутренности...

Меня начинает тошнить. Я просыпаюсь и бегу к раковине...

На той войне я больше никогда не стрелял из автомата в людей. Но в памяти часто встает верблюд, его наивные, испуганные глаза. И человек в черном халате, круглые дырки на его спине. Может, зря стрелял? Но вдруг в расщелине был пулемет? Ведь он нас тоже бы не пожалел. Кто успел вперед, тот и выжил. Расщелина была совсем рядом. Он не успел.

Сижу на табурете в чем мать родила. Все вылетело из желудка, трезвый, как стеклышко. Курю сигарету за сигаретой, приоткрыв балконную дверь. Спать голышом привык в Афгане. Там ночью жара, как в преисподней, особенно летом. Лежишь в мокрой постели. Утром оботрешься сухим полотенцем — легче становится.

следуют меня до сих пор. В них боль, только боль, на-

Жена и дочка давно спят. Только теперь я стал понимать, что в жизни главное. Не слава, не власть, не деньги — это преходящее, суета сует. Главное — это они, дорогие мои люди. Им трудно со мной, но они всегда рядом. Они — моя единственная защита и опора. С их помощью я справляюсь со своей странной болезнью, название которой не придумало человечество.

И снова в предутренней тишине, щурясь, смотрю на огонек сигареты и мысленно уношусь в свое прошлое...

Кошмары, кошмары... Сон или явь? Фантазия или реальность? Правда или ложь вчерашний мой день?

Зной Дашти-Марго, пески Регистана, длинная дорога через пустыню Хаш на Фарах и Шиндант. Зенит-

ные, ракетные установки севернее пустыни и солнце, южное солнце, постоянно бьющее в лицо. Наш вертолет несется на малой высоте, сзади, как привязанный, вертолет ведомого. Трудяга-вентилятор перелопачивает воздух. Стрелка указателя скорости перевалила отметку двести тридцать. По курсу извилистая лента дороги. Отклоняемся в сторону и летим над мертвой поверхностью пустыни. Владимир толкает меня в бок и показывает пальцем вниз. Под нами животное с человеческими контурами тела. Ползет строго на север, ближе к дороге. Извивается, как змея, с трудом преодолевая сантиметры земли. Мы делаем повторный круг и приземляемся. Хватаю автомат и выскакиваю из вертолета. Возле странного существа стоит десантура, опустив стволы автоматов. Молодые лица хмуры, все смотрят в одно место. Молча протискиваюсь через толпу и вижу — человек! Глаза, его глаза... Они преследуют меня до сих пор. В них боль, только боль, невыносимая, нечеловеческая, ужасная и дикая. Тело представляет собой кусок кровоточащего мяса, обваленного в песке и камешках. Кожа подрезана в подмышках, ободрана с ребер и груди, завернута за спину к центру вырезанного то ли креста, то ли звезды. Сквозь шум вертолетов я слышу звериное завывание. Наклоняюсь к искаженному лицу и навсегда запоминаю душераздирающий вопль - плач искалеченного человека. Трясущимися руками отворачиваю колпачок фляжки, подсунутой кем-то из десантников, и пытаюсь влить воду ему в рот. Человек по-волчьи ощерился, куснул горлышко фляжки, сделал глоток, закашлялся, не прекращая выть. Вода потекла по подбородку, он захлебнулся, заверещал и сплюнул кровяной сгусток мне на ботинок. Я отшатнулся и, не в силах смотреть в его страшные глаза, закрыл лицо руками. Кто-то тронул меня за плечо: «Уходите, командир, это не для вас...»

«А для кого?» — хотел вымолвить я и не смог. Комок подступил к горлу и, не пряча слез, я побрел к вертолету. Мне показалось, что раздалась короткая автомат-

ная очередь. Хотел оглянуться, но не посмел. Сдернул шлемофон с головы, машинально вытер подшлемником глаза и выпустил длинную очередь из автомата в небо. Краем глаза заметил, как двое десантников, завернув то, что было человеком, в брезент, занесли его в грузовую кабину. Весь полет я чувствовал за спиной присутствие ужасного, ободранного тела, корчившегося в брезентовой накидке. Вместо приборов перед глазами застыла израненная, оскаленная физиономия с кричащим ртом и капельками воды на грязном подбородке. Уже на земле я услышал от сержанта: «То ли «дух», то ли наш — не поймешь, совсем голый». Комбат говорил, что он мог бы часа три прожить. Спасти невозможно...»

Я мотаю в забытьи головой, резко соскакиваю с табурета, запинаюсь о ножку стола и валюсь на пол. Сильно ударяюсь виском об угол газовой плиты и теряю сознание.

истома и дисклоп * одими». «Типтодка внаеда нетел

И ночью может вспомниться ночь, особенно когда ты, опрокинув пепельницу, валяешься на полу и усиленно трешь ушибленное место прокуренными до желтизны пальцами. Темень на улице, темень в глазах и никаких мыслей в голове. Недолго длится мое беспамятство. От всех болезней у меня одно лекарство. На карачках ползу в свою комнату. Нащупываю рукой бутылку. Морщась, допиваю самогонку, стискиваю зубы и пытаюсь удержать эту гадость в себе. Желудок приятно прогревается, исчезает боль в виске. Организм расслабляется, слипаются глаза. «Спать, спать, спать...» Часа два валяюсь в пьяной дремоте. И вдруг снова: темные нагромождения скальных пород, извилистая линия реки, резкий сноп автомобильных фар и мой вертолет на переднем колесе, с повисшей хвостовой балкой над пропастью. Свет гаснет. Впереди, сверху несутся в нашу сторону огненные трассы. И снова кромешная мгла, и мы надежно спрятаны в ней. Вижу силуэты бегущих людей. Десантура торопится, спускает с гор раненых и убитых. Днем здесь приземлиться невозможно. Голые вершины оседлали душманы. Третьи сутки батальон спецназа упорно карабкается вверх и несет большие потери. Раненые страдают и молча ждут ночных сумерек. Раны гноятся от солнечного пекла. Здоровые русские парни проигрывают в борьбе с афганским солнцем. Мы ничем не можем помочь раненым. Снайперы снимают каждого смельчака, рискнувшего днем спуститься в долину. Хладнокровно расстреливают вертушки. Но приказ есть приказ. И мы бессильны что-либо изменить. Только ночью батальон приходит в движение. Боеспособная десантура карабкается вверх, раненые — вниз.

Мы взлетаем и берем курс на Кабул. Вот и просыпающаяся столица. Современный центр, древние мечети и крепости, рыжие глинобитные дувалы. Длинная взлетная полоса, модули, стоянка вертолетов и самолетов, здание аэропорта. Замирают лопасти, я выхожу из пилотской кабины и останавливаюсь перед солдатом, лежащим на железном полу: под головой куча барахла, на ногах пыльные ботинки, заляпанные засохшей кровью, левая штанина разорвана по шву. Перед ним на коленях растерянный Юрий, в руках шприц-тюбик разового пользования. Сняв колпачок, он делает укол раненому — широкоплечему, рослому парню. Я не вижу его лица — сплошное кровавое месиво. Нет глаз, нет носа, обрубки ушей и только черная дыра огромного рта. Отворачиваюсь, спешу выпрыгнуть из вертолета и замираю, стоя на стремянке. «Му-жи-ки, мужи-ки!» — тянет он. Живой! Резко оборачиваюсь и наклоняюсь над ним, сталкиваюсь лбом с головой Юрия. Лицо борттехника побелело, на глазах слезы. «Му-жики!» — снова стонет раненый. Выхватывая фляжку, шепчу: «Потерпи. Тебе больно, да?» Он отрицательно качает головой. «Пить хочешь?» Он кивнул. Говорю, говорю, сам не зная о чем. А он в ответ протяжно и жалобно: «Му-жи-ки, му-жи-ки!» Смотрю на его ладони. Они в беспрерывном движении, ощупывают ноги, бедра, живот, грудь. Вздрагивают, останавливаясь на шее. И снова ползут вниз. Только не вверх. Руки боятся задеть лицо. Он ищет, куда его ранило. Его ладони замирают на порванной штанине. Он убеждает самого себя, что ранен в ногу. Он сознательно обманывает себя.

Подъезжает санитарная машина. Поднимается знакомый доктор, всякое повидавший на своем веку, но и он растерян, суетится, как медсестра-практикантка. Щупает пульс, вкалывает очередной обезболивающий укол. «Удивляюсь, как он еще жив», — безнадежно произносит он и спрыгивает на землю. Закуривает сигарету и орет мне в лицо: «Ну что я могу поделать, что?! Ранение в лицо — ужасно, у него — смертельное. Он должен был умереть сразу!»

Парень жил еще три минуты. Ровно три. В вертолете плакал Юрий, я хотел успокоить его и сам заплакал, завыл...

Проснулся от внимательного, вопрошающего взгляда дочурки. Она гладила меня по голове: «Папа, тавай, папе бо-бо, папа ляля».

Мне становится стыдно перед малышкой, я пытаюсь локтем незаметно засунуть под подушку пустую бутылку. Но она падает с дивана и громко катится по полу.

— Допился! Дошел до ручки, — слышу сердитый голос жены. — Где это видано — по ночам пить водку! И где ты ее прятал?

«Ну все, понесло-поехало!» Я стойко принимаю упреки жены.

Время выбрало наше поколение пройти дорогами афганской войны, время и вылечит наши души. А пока...

Я лихорадочно ищу повод смыться из дома к друзьям, в забегаловку около рынка.

Эпилог

Проходят годы. Сны снятся реже и реже. Стирается многое в памяти. Другие заботы и тревоги врываются в жизнь. Подрастают мои дочки, спокойнее ста-

ла жена. И я давно прекратил «ночные полеты» на кухню, к холодильнику. Я выжил в этом жестоком, суматошном мире. Ушел из армии и занимаюсь всем, чем попало. Только не защитой Родины, к чему меня готовили, что я умею отлично делать. Новым правителям армия стала не нужна. Нас, кадровых офицеров, списали, отправили на пенсию. Так кому-то было надо. Редко встречаюсь с однополчанами. Где они, мои боевые соратники? Тоскую, и в августе, когда гуляет десантура, присоединяюсь к ним. Кого только не бывает на празднике. Погранцы, летуны, пушкари... Те, кто был в Афгане, и не только. Приходят одиночки, прошедшие Египет, Чехословакию, Венгрию, Корею, Вьетнам... Появились молодые лица «чеченцев». Встречаются те, кто был в военном дерьме, кто не спасал свою шкуру в штабах и тылах, кто выполнял интернациональный долг на всей планете под лозунгами коммунистических вождей. Те, кто сегодня преданы и проданы шайкой правителей, разваливших великую страну. Бог нам и им судья.

Мы сохранили боевое братство в своих сердцах. Редко, но собираемся вместе. Пока мы живы, пока снятся сны, мы нужны друг другу. И в этом наша сила. Как знать, может, будет другой Афган, снова русских парней пошлют на бойню, и соберутся на встречу наши внуки-однополчане. И им будут сниться тревожные сны. Хочется крикнуть во весь голос: «Россия, остановись! Пожалей своих парней, свою молодость. Сохрани свое будущее!»

Содержание

ПЕРЕХВАТ. <i>Повесть</i>	5
Рассказы	
КАПКАН	95
НЕ ОСТАВЛЯТЬ В ЖИВЫХ	107
ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ	124
ГРУППА «ХАМЕЛЕОН»	143
ЧУЖАК	161
ЗА ТЕХ, КОГО НЕТ С НАМИ	
РЯДОВОЙ РЕКС	179
КОНТИНГЕНТ	187
ПРИКАЗ МИНИСТРА ОБОРОНЫ	
выстрел в долине	217
КАТАСТРОФА	231
ТРИШКИН СЫН	237
СИРОТИНУШКА ТЫ НАШ	251
КСЮША	256
И СМЕХ, И СЛЕЗЫ	278
ПОСЛЕДНИЙ МОСТ	
ПРОБУЖДЕНИЕ	307

Серия «Современная военная проза»

Игумнов Александр Петрович

Когда мы были на войне Повесть, рассказы

Редактор О. Е. Цветкова
Младший редактор Е. В. Лебедева
Корректор Н. Н. Жильцова
Компьютерная верстка В. В. Черенкова

Подписано в печать 14.08.03 Формат 70х90 1/32 Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,0. Тираж 5000 экз.

Издательство «Андреевский флаг». 119017, Москва, Б. Ордынка, 35 izdat@anflag.ru_sales@anflag.ru Тел.: (095) 775-65-95, 775-65-92 Факс: 775-65-93

4 15 24 2004 Окружная библиотека

